139

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

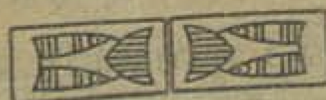
Год изд. II. Вып. 9—10.

ВЕСТНИК

Народного Комиссариата Просвещения С. С. Р. Б.

1922 г.

Август—Сентябрь.



Государственное Издательство
Белоруссии.

МИНСК.
1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Общий отдел

Беларускі аддзел.

Итоги и план работы Наркомпроса Белоруссии.

(Доклад на заседании Совета Народных Комиссаров Белоруссии, состоявшемся 25-го августа 1922 года).

Новая политика в области Наркомпроса началась в октябре 1921 года,—немного позже новой экономической политики вообще.

Эта новая политика Наркомпроса состояла в том, что мы отказались от прежней задачи—обслуживать культурно-просветительные нужды всего населения, и остановились на том, что мы должны обслуживать нужды только беднейшего населения и членов Профсоюзов. Как раз к этому времени началось и сокращение штатов.

В аппарате Наркомпроса было около трех тысяч человек, считая Наркомпрос и уездные Отделы Народного Образования. После первого, нужно сказать, «легкого» сокращения, в аппарате осталось 1.000 человек. В настоящее же время аппарат Наркомпроса сведен до 54-х человек. Сразу можно понять, что размах работы Наркомпроса был доведен до минимума. В связи с сокращением самого аппарата началось также сокращение количества учреждений.

В настоящее время мы уже выработали сеть, которая построена на основании сети, существовавшей в 1914 году. Следует остановиться на культурно-просветительной сети, чтобы доказать, что мы сократились до сети 1914 года. По сведениям памятной книжки Минской губ. на 1915 год „к первому января 1914 года всех учебных заведений в Минской губ. было—2919, количество учащихся 6.160 ч., на эту сеть ассигновывалось тогда 3.168.751 р.“

Если мы рассмотрим теперь нашу школьную сеть, то увидим, что у нас количество учреждений по социальному воспитанию (до Революции главным образом и были только учреждения по социальному воспитанию) осталось 1.311 с количеством учащих—3.561. Таким образом здесь, в этой части, мы сократились еще больше, чем в 1914 году. Дальше уже на основании статистических данных, взятых из сравнения нашей сети с сетью 1914 года, мы видим, что в Бобруйском уезде было раньше, 198 школ после сокращения оставлено учреждений социального воспитания—248. Это превышение приходится на детские дома и детские сады. Во всех уездах в деревнях на пространстве, занимаемом

нынешней Белоруссией, было в 1914 г. 1062 учреждений по Соцвосу, осталось 1271, т. е. теперь количество учреждений социального воспитания превышает как раз на ту цифру, на которую у нас имеется детских домов и детских садов.

Что касается процента детей школьного возраста от 8-ми до 16-ти лет, могущих обучаться в школах, то по данным, составленным весьма точно, на основании полугодичной работы, у нас в Минске могут обучаться только 40% всех детей школьного возраста; 60% остаются вне школы. В Игуменском уезде процент детей, которых могут принять наши школы, равен даже 30-ти. В общем, по Белоруссии средний процент детей школьного возраста, которые могут обучаться, равен—37. Остальные 63% остаются вне школы. Здесь есть некоторые ошибки, которые со временем будут исправлены; однако и теперь можно сделать вывод, что с точки зрения чисто культурной, нельзя идти на дальнейшее сокращение, ибо это сокращение будет равносильно ликвидации народного образования. Обучать детей меньше, чем в количестве 37%, мы с чисто культурной точки зрения не можем и не должны этого допускать. Теперь, если мы остановимся на количестве денег, расходовавшихся в Минской губернии по Министерству Народного Просвещения в 1914 г. и сравним с количеством денег, которое нам сейчас необходимо, то можем привести следующие данные. В журнале „Вестник Минского Губернского Земства“ за 1914 год приведена смета по народному образованию, народное образование, судя по этой смете, является одной из главных отраслей земского хозяйства и поглощает огромные средства, всего в размере 36 процентов бюджета земства Минской губернии. Неудивительно поэтому, что теперь Наркомпрос часто и настойчиво обращается в высшие инстанции с просьбой об увеличении средств. Нам на это отвечают, что мы поглощаем большой процент из общего бюджета Белоруссии. Обращаю внимание на то, что иначе и быть не может. Если бы Белоруссия была страной промышленной, тогда могла бы идти речь о том, что главная часть нашего бюджета должна поглощаться нашей промышленностью, но Белоруссия не является страной промышленной, и потому естественно, что народное образование является одним из главных видов расходов. Так было и так должно быть. Мы сейчас составили нашу новую смету на 1922-1923 учебный год. Смета эта превзошла всякие ожидания. При предварительном обсуждении сметы Наркомпроса в ЦБ расчитывалось, что наша смета поглотит около трех с половиной триллионов советск. руб. дензнаками 1921 года. Оказалось же, что одна смета по государственному бюджету, куда вошли, однако, не все учреждения Наркомпроса, требует на заработную плату около 5-ти триллионов руб. дензнаками 1921 года, считая по тем ставкам, которые выработал Высший Тарифный Совет Белоруссии. Эта колоссальная цифра. Мы учитываем, что такой суммы мы из государственного бюджета получить не сможем. Мы также учитываем и то, что те расходы, которые долж-

ны лечь на местный бюджет по Наркомпросу, мы тоже не в состоянии будем покрыть из местных средств. Мы уже составили смету по местному бюджету городского отдела народного образования. Эта смета равняется приблизительно 1350 миллиардам руб. дензнаками 21 года. Если считать, что смета городского отдела равняется приблизительно одной третьей части всей сметы по народному образованию Белоруссии, то мы получим, что на местный бюджет по народному образованию ложится около 5-ти триллионов руб.,—эта цифра опять таки такая, которую мы вряд ли получим полностью. Исходя из этих двух положений, а именно: что, с одной стороны, мы из государственного бюджета безусловно не получим полностью тех денег, какие нам нужны и что, с другой стороны, из местного бюджета также не получим той суммы, на которую расчитываем, приходится сделать совершенно правильный, хотя для нас, культурников, неприемлемый вывод: нам нужно сокращаться дальше. Когда мы составили смету, мы ясно увидели, что мы не сможем даже обучать те тридцать семь процентов детей школьного возраста, которые мы вначале предполагали. Поэтому Коллегия Наркомпроса приняла неприемлимое для нас, культурников, постановление, которое однако мы должны были принять в силу необходимости: «Принимая во внимание тяжелое экономическое положение Республики, истощенной вследствие продолжительной империалистической и гражданской войны, а также необходимость в предстоящем бюджетном году сведения бездефицитного общегосударственного бюджета,—сократить государственную школьную сеть с таким расчетом, чтобы в нее вошли только школы, имеющие специально выстроенные, или специально приспособленные здания, и оборудованные соответствующим школьным инвентарем». Таких школ чрезвычайно мало. В Минском уезде наберется около 15-ти. Всю остальную сеть школ Минского уезда мы должны будем снять с госнабжения. В других уездах также за время Революции и гражданской войны школы чрезвычайно развалились. К тому же Минская губерния является одной из беднейших губерний по постройке учебных зданий, потому что здесь земство, которое вело раньше эту работу, было введено позже, чем в других губерниях. Таким образом, нам придется сократить государственную сеть приблизительно еще на 50%. Выхода иного нет.

Между тем, население будет требовать школ: оно несет налоги, и налоги довольно солидные. Население привыкло к школам. За время Революции почти в каждом селе была открыта школа. Крестьяне теперь не хотят посылать своих детей в школу, которая находится в расстоянии больше трех верст от их села.

Что мы должны делать? Ответ один.—«Мы должны разрешить населению открывать школы на основе коллективных договоров", сверх государственной школьной сети.

Именно так и гласит постановление Коллегии Наркомпроса: „Все остальные школы сохранить на основе заключения с населением коллективных договоров", это

значит, что население, заитересованное в школе должно заключить с уездным отделом народного образования договоры, по которым оно будет содержать учителя, и нести все другие расходы по школе. За Наркомпросом останется только учебный контроль.

Самый большой наш расход, которого сократить нельзя, это содержание детских домов. В настоящем году у нас имеется приблизительно 3800 детей, которых нужно обувать, одевать, кормить и содержать для них педагогический и воспитательный персонал. Эти расходы сокращению подлежать не могут, а они равны третьей части всей нашей сметы, подлежащей включению в обще-государственный бюджет. И если нам государство что-нибудь и отпустит по общефедеративному бюджету, то мы полагаем, что оно отпустит не больше того, что стоит содержание детских домов.

На школы же из общефедеративного государственного бюджета мы, повидимому, ничего не получим. В городах выход для них найден, в связи с новой экономической политикой. Как известно, мы еще в прошлом году, после довольно долгих дебатов, как здесь в Минске, так и в Москве, пришли к решению, что необходимо ввести плату за учение. Это решение в прошлом году применялось в виде опыта только для некоторых школ, так как в прошлом году распространять этот принцип было уже поздно. В этом году мы расширили его и ввели платность полностью во всех школах.

Раньше было расчитано ввести следующую плату: в первых классах—рубль (золотом), в последних классах три рубля (золотом), при условии освобождения в первых классах от платы 60%, в последних — 40%. При практическом проведении платы пришлось повысить ставки плательщиков довольно значительно. Когда речь идет о средствах, то нельзя не остановиться на ставках, которые получает школьный работник, и в связи с этими ставками отметить следующее явление: у нас фактически школ не было, потому, что никто в них не был заинтересован. Когда нас упрекали в том, что учителя наши политически неграмотны и не заботятся о школах, то мы это принимали к сведению,—и только. Мы ничего не могли сделать: ставки наших работников равнялись в июне и июле месяцах 12-ти миллионам по городу в месяц, а в уездах 3-4 миллионам. На такие ставки работать нельзя было, и естественно, что при этих условиях нельзя было создать школы и пред'являть никаких особенных требований к школьным работникам. Когда это было до новой экономической политики, то были основные мотивы, об'ясняющие наши требования, но сейчас уже таких требований пред'являть мы не можем и естественно, что мы должны пойти на повышение ставок школьным работникам и довести их хотя бы до физиологического прожиточного минимума, т. е., чтобы человек хоть бы с голоду не умирал.

Вот основные положения, с которыми мы приступаем к новому учебному году. Несмотря на тяжелое положение, все-таки в этом году положение школы будет лучше, чем в прошлом году, худшее

время для школы уже прошло. Мы ни в одном году не подготовились к учебному году так, как подготовились в этом году. Фактически за все время Революции это первый год, когда мы приступили к ремонту и часть школ в 1922-1923 учебном году будет отремонтирована.

Фактически также за все время Революции это первый год, когда Наркомпросу удалось заготовить топливо. В настоящее время на складах Наркомпроса имеется уже около четырех сот кубов дров, а в уездах, в силу соглашения, заключенного с Наркомземом, отпущено на каждую школу положенное по норме количество дров. По всей Белоруссии отпущено для уездов 2.572½ куб. дров. Это для сельских школ. Для городских жен-школ отпущены деньги для закупки топлива из местного бюджета и дрова в Минске.

Детские дома в Минске имеют топливо полностью; в других городах топливо целиком еще не заготовлено, но есть надежда, что к началу зимы оно будет.

На основании постановления ЦБ, состоявшегося еще в феврале м-це, произведена реорганизация укомплектования детей в школах; лучшие школы, в Минске и уездных городах, забронированы за детьми, родители коих состоят членами Профсоюзов.

Еще один вопрос нужно осветить, это вопрос о детских домах. На детские дома необходимо обратить особенное внимание. Средств у нас мало и положение детских домов чрезвычайно тяжелое. Наступает зима, а обмундирования совершенно нет и нет обуви: (одна пара обуви приблизительно на 3 чел; одно пальто на 15 человек детей). С наступлением зимы положение станет невозможным. Нужно будет детей в детских домах одеть. Когда мы получили согласие от ЦК Помгол выдать нам десять миллиардов и расчитывали, что десять миллиардов мы можем получить от Горисполкома и 10 от Наркомпроса и попробовали на эти средства заказать детские пальто, то оказалось, что одно пальто стоит 40 миллионов и на предполагаемую для заготовки обмундирования сумму удастся сшить всего 750 пальто—это на 3.800 детей. Об обуви и говорить нечего. Никакими ограничениями в нашем бюджете мы не сможем достигнуть того, чтобы одеть и обуть детей в этом году, и если мы не придумаем источника средств, то дети останутся раздетыми и встретят зиму в очень тяжелых условиях. Это выдвигает целый ряд последствий: дети из-за этого не посещают школ, и остаются таким образом полуграмотными. Для того, чтобы одеть и обуть детей, нужна солидная сумма денег, которой у нас нет. Между тем, о дальнейшем сокращении детских домов говорить не приходится, ибо у нас остались только сироты и небольшая часть полусирот, дети погромленных. Некоторую часть мы сократим, именно тех полусирот, родители которых уже несколько обжились, но это, конечно, будет незначительное сокращение, и этим мы положение детских домов в более или менее значительной степени не улучшим.

Теперь еще вопрос о том, как шла в этом году подготовка учителей: мы в этом году в каждом уездном городе открыли шестинедельные курсы, на которых шла

подготовка учителей в области, как чисто педагогической, так и в области политической. На эти курсы были посланы в качестве лекторов ответственные политические работники. Через курсы в этом году прошло всего 360 учителей и это есть тот максимум, который мы могли сделать.

Профтехническое образование у нас развито слабо. Имеется в Минске три педагогических техникума, школа по Серпуховской ул. для металлистов, древообделочников и полиграфического производства, затем школа обувного производства „Швейпром", в уездах имеется три педагогических техникума и несколько сельско-хозяйственных школ.

Профтехнические школы поставлены в сравнительно лучшие условия, чем школы Соцвоса. На эти учебные заведения у нас затрачены большие средства. Жалованье там инструктора получают по довольно большим ставка. Так например, по школе обувного производства инструктора получают по 120 миллионов руб. в месяц.

Относительно учебных пособий: в этом году мы предполагаем снабжать пособиями за плату, и только незначительное количество, главным образом, уездам мы предполагаем дать безплатно. Книг у нас имеется достаточное количество. Детские дома, конечно, целиком учебными пособиями будут снабжаться бесплатно. Мы предполагаем расширить нашу издательскую работу, и по этому поводу нами возбуждено ходатайство перед РСФСР об ассигновании денег на издания, но пока это ходатайство успехом не увенчалось.

О политико-просветительной работе, главным образом, о работе по ликвидации безграмотности можно заметить следующее. По Минску школ по ликвидации безграмотности имеется 18, количество учащих в них 65, учащихся—1625. Затем школы для взрослых, где преподавателей 90, учащихся—2.700. Расходов больших эти школы не требуют, занимаются они в помещениях других школ, школьных работников там мало, так что эти школы самые дешевые. Помимо этого имеются еще три партшколы, одна центральная в Минске, и одна в Мозыре.

Работу по агитации и пропаганде мы ведем главным образом, на счет тех Комиссариатов, которые заинтересованы в проведении той или иной агитационной компании. Президиум Ц. И. К. в последнем своем заседании отказал нам в выдаче денег на агитацию и пропаганду. Мы по смете больше 360 миллионов руб. (деньзнаками 21 г.) дать не можем, а этих средств конечно, недостаточно, ибо на эти деньги нельзя даже издать одну брошюру. Вот в кратких чертах та работа, какую Наркомпрос проделал, и та политика, какая намечена им для проведения в 1922—1923 учебном году.

Замнаркомпрос
А. Балицкий.

Наука и трудящиеся.*)

В предыдущем № „Вестника Нар. Ком. Просв." были рассмотрены такие элементы, заключающиеся в понятии «наука»: 1) содержание науки, 2) создание или выработка науки, 3) подбор личного состава,—деятелей, создающих науку и 4) строй научного образования.

Перейдем теперь к *использованию* науки в области материальной и духовной, индивидуальной и социальной культуры.

Такое использование имеет две стороны. Сначала специалисты, руководясь общественными потребностями, «изобретают», создают новые технические приемы, вырабатывают новую технику во всех областях деятельности, начиная с обжигания кирпичей или литья металлов и кончая техникой воспитания, управления, форм поэтического или музыкального творчества. Эта часть задачи требует работы специалистов, вооруженных всем арсеналом научного знания. При этом имеет место одно очень важное обстоятельство: очень часто бывает, что великие технические изобретения совершаются в качестве естественных результатов часто *теоретических* исследований и добытых ими открытий. Конечно, и тут социальный фактор остается; но его одного оказывается недостаточно,—его действие должно соединиться с *фактом* научного открытия (каковое имеет свои особые, очень сложные причины и может, как произойти, так и не произойти—*при наличии* общественной потребности). Это действие общественного фактора выражается в данном случае в двух формах: с одной стороны, в давлении *общественной потребности*, ищущей средств для своего удовлетворения и подхватывающей, так сказать, на лету пригодные для такого удовлетворения средства. Всем известно, что многие, даже совершенные, изобретения остаются неиспользованными, когда в окружающей жизни нет на них спроса; а многие возможные изобретения даже не доходят при этих условиях до стадии окончательной выработки,—они только мелькают, в виде мимолетных догадок, преходящих счастливых мыслей в умах их авторов. Другая сторона действия общественного фактора состоит в том, *что общество выделяет, в качестве особой, самостоятельной функции, деятельность исследования истории производства изобретений*, предоставляя известным, особо для этого назначенным лицам добывать истины и производить изобретения специально им известными способами и затем используя результаты их трудов.

Известно, напр., что в Германии, где в наибольшей мере наука использовалась для технических изобретений, многие заводы содержали не одного—двух, а иногда *целые десятки* специалистов (напр., химиков), вся задача которых состояла в производстве научных исследований и выработке всякого рода усовершенствований техники. Даже мелкие технические изобретения с избытком окупали содержание всех этих специалистов, удешевляя производство, давая лучшие продукты, позволяя использовать побочные продукты и отбросы, и т. д. В этом отношении «наука» приносит практике и общественной жизни огромную пользу тем, что, свободно изучая истину, дает средства подчинять себе природу.

Таким образом, с этой стороны, влияние общественности на науку предполагает непременно свободное исследование природы ученым, проницательность, гений изобретателя,—словом, все личные индивидуальные качества хорошего специалиста. «Использование науки» возможно только при комбинации общественного фактора (осознаные общественные потребности, предоставление специалистам возможности вести исследования и делать изобретения) с *индивидуальными качествами* самих этих специалистов, что не мешает, конечно, этим качествам

*) Окончание. См. № 5—6, стр. 6—12.

иметь, в свою очередь, некоторые социальные корни.

Поэтому в деле изобретений, прогресса техники сильная научная мысль, крепкое ядро хороших специалистов имеют огромное значение. Это давно уже поняли, и сейчас хорошо понимают в Германии: «наука»—в смысле сильных кадров ученых—есть огромного значения аккумулятор, общественной энергии аккумулятор, действие которого могуче отражается во всем общественном организме. И глубоко прав А. В. Луначарский, «вполне присоединяющийся к той оценке роли «науки», какую дает «Франкфуртская газета» (см. заметку А. В. Луначарского: «Наука в Германии и у нас» в «Известиях В.Ц.И.К.» в первой половине августа тек. года. Вот эта оценка, сделанная немецкой газетой по поводу воззвания новой организации—«Об'единения для спасения немецкой науки» —к частным лицам, германскому народу и к немцам, живущим за границей, о помощи германской науке. «В отчаянной борьбе за существование, какую ведет за последние годы немецкая наука, дело идет не только о личной судьбе многочисленных заслуженных ученых..., но также *о самых важных отечественных хозяйственных нуждах.* Если наука не в состоянии будет закупать иностранной литературы, если лаборатории не смогут держаться по достаточной высоте, результаты научных исследований отстанут... *Наука начнет отмирать*, и этим будет нанесен огромный удар немецкой культуре, нашему национальному самозознанию, нашей репутации среди других народов, наконец, *уничтожающий удар нашему хозяйству... Кому же не известно, что в Германии именно наука была важнейшим импульсом хозяйственного развития»*...

И вот, когда сопоставляешь с такими *фактически обоснованными* и истинно-культурными взглядами немцев и нашего руководителя народного просвещения другие взгляды, пожалуй, преобладающие у нас,—во всяком случае также официально высказываемые, приходишь к неутешительному выводу относительно будущности и нашей науки, и нашей техники и индустрии. «Основной недостаток старой высшей школы заключатся в «строго научном» образовании, которое она давала при полном игнорировании того обстоятельства, что 90% студентов выходили из школы не для научной, а для той или иной практической работы», читаем мы в юбилейном сборнике Главпрофобра Р.С.Ф.С.Р., изданом в 1922 г. под заглавием «Профессионально-техническое образование в России за 1917-1921 г.г. «(стр. 18). Несомненно, что такое противоположение «научного образования» и «практической работы» неправильно: *сама практическая работа требует* научного образования, самостоятельного *научно-мышления* и способности и уменья вести научные исследования... И конечно, старую систему высших школ можно упрекать не в том, что она «давала строго научное образование» (если это было так, то это ее плюс, а не минус), а в том, что, во-первых, она выпускала слишком *мало* строго научно образованных специалистов, а во-вторых, что—на *ряду* с такой «строго научной» школой не был создан другой тип школ—более непосредственно прикладного характера...

Научные открытия и изобретения являются результатом *высоты научной мысли в стране*, создаваемой высокой оценкой значения науки «строгой научной школой», обилием ученых исследователей и выполняемых ими исследований. Наука—сила, и ее богатое развитие не обременяет общество, а увеличивает его мощь.

Перейдем теперь к другой, в тесном смысле, «социальной» стороне *использования* науки. Научные открытия и изобретения и пропитывание всей жизни наукою могут совершаться либо в пользу по возможности *всех*, либо в пользу *привилегированного меньшинства*. В этом отношении до сих пор господствовала недопустимая несправедливость, и такое положение дел уже давно вызывало основательные возражения. Филантропы давно обличали цивилизацию, при которой «верхние 10 тысяч» пользуются очень мно-

гими благами культуры,—чисто одеваются, живут в гигиенических условиях, тогда как все остальные погрязают в нищете и невежестве, тонут в физической грязи. Давно поставили эту проблему во главу угла жизненных реформ социалисты. У нас Л. Н. Толстой резко порицал и такую «науку», и такое «общество», которые могут терпеть подобные порядки... Очевидно, однако, что этот вопрос затрагивает не «науку», как таковую, т. е. не систему доказательных истин саму по себе, а *социальное использование* научных открытий *в зависимости от условий распределения благ в классовом обществе*. И та самая медицина, которую так саркастически бичевал Толстой за то, что она служит прихотям богатых и с жиру бесящихся людей, *сама по себе* (по скольку она была *научной*, т. е. обоснованной и истинной) оставалась *в возможности*, в иных общественных условиях, стать целительницей всего человеческого рода. Одностороннее, в интересах немногих, использование науки есть факт *социальный*, а не свойство науки, как таковой.

Правда, обслуживание нужд только известных социальных групп кладет на психологию обслуживающих специалистов известный отпечаток,—они могут держаться известных воззрений и общественных настроений, могут проникаться несимпатичными и общественно вредными тенденциями наживы, пренебрежения к тем, кто не может оплатить их услуг. и т. д. Но опять таки все эти факты из области *социальной психологии*, а не науки, как таковой. Конечно, «наука» есть, в целом, известная социальная категория; но в пределах этой социальной функции, как целого, надо различать элемент собственно *логический*, элемент систематического, обоснованного знания, от моментов *психологического* и *социального*,—от психологии ее служителей (в *данный* момент, при данных условиях) и от обусловленных общественным строем принципов ее социального использования. Пусть *все* врачи в данном обществе—прислужники богатых (Л. Н. Толстой считал это возможным — потенциальная благодетельная сила медицины остается, и нужно только перевести ее из потенции в действительность; а это дело порядка социального,—самой медициной оно не решается.

Следующий момент, который мы выделили в целом «науки,—это *просвещение* народа, распространение научного знания в широких слоях трудящихся. В общем это можно назвать «популяризацией» науки. Такая популяризация сообщает в готовой форме те или иные научные, практически важные или развивающие сведения, заинтересовывает наукой трудящиеся массы, расширяет их умственный кругозор и рамки их психики, повышает тон их внутренней жизни, может отражаться благоприятно и на их профессиональной работе. В прежнее время популяризовали научное знание преимущественно научные специалисты по своему частному почину отчасти общественные учреждения, а также близкие к массам революционные агитаторы,—государство отдавало этой работе мало внимания, даже часто преследовало частную инициативу в этой области. Качественно популяризация бывала весьма различной: от опошливающей, плоской «вульгаризации» до сознательного укрепления в умах научных сведений и развития способности самостоятельно размышлять в данной области вопросов (такого рода высший тип популяризации знания можно назвать его «демократизацией»).

Наконец, под социализацией» знания мы разумеем *приведение* научного знания *в связь* с теми или иными сторонами социального бытия. О «социализации» знания говорит А. Богданов в своей книжке «Социализм науки» (М. 1918), понимая под этим термином *преобразование науки, как таковой*, реформу *самого научного знания по существу*, подобную той, какой подвергается в умах пролетариата политическая экономия и история, принимая вид «экономической и исторической теории марксизма» (30). Так приходится понять не совсем ясные положения автора. Однако, далеко не все науки подвергаются реформе по.

существу при перемене классовой точки зрения (хотя автор говорит и о «пролетарской» сравнительной филологии, и о «пролетарской» астрономии, но тут очевидныя недоразумения: несомненно, он имеет в виду не особые, пролетарские науки, а некоторые теории в этих науках, *психологические корни которых*, быть может, доступнее психике пролетариев, чем других классов общества). Большинство наук остаются *принципиально* теми же,— что не мешает, конечно, им постоянно идти вперед и обогащаться материалом и точками зрения, вносимыми пролетариатом. Но столь же несомненно, что все науки могут (и должны), *на ряду* со своим строго методическим построением и систематическим составом, *на ряду* со своими техническими приложениями и т. д., вступать в какую-то связь с социальной жизнью, освещать эту жизнь и самим освещаться ею. Нами представляется эта связь, это взаимное иллюстрирование науки и общественной жизни в трех возможных видах. Во первых, наука может иллюстрировать *трудовые*, производственные процессы; так, астрономические данные могут сделать ясными смену времен года и трудовых сезонов, распределение труда и отдыха в течение суток, распределение отраслей индустрии по климатам и т. д. И вполне возможно, напр., популярное пособие, в роде «истолкования трудовых процессов в свете астрономических данных». Тоже самое можно сделать и с математикой, физиологией и почти всякой другой наукой. Во вторых, науку с общественной жизнью могут связать *фактически обоснованные* изучения истории науки и научных открытий, их методов, истории борьбы за эти открытия и т. п. (методология, история и психология научного знания). Наконец, в третьих, данные наук могут дать материал для художественного творчества во всех его видах, начиная с вдохновляемой научными перспективами лирической поэзии и кончая «научными мистериями», в которых в образной форме театральных зрелищ передавались бы научные проблемы, их достоверные и возможные решения, а также все те глубокие и сложные чувства, какие эти проблемы могут возбуждать в человеческом уме. Проблемы бесконечности вселенной и «множества миров», фазисы мирового процесса, возникновение живых существ, причинность и творчество, и т. п.—все это может вдохновлять крупные таланты, которые —таким эстетическим путем—будут «социализировать» научное знание. Само собой разумеется, что такого рода «социализация» науки, введение ее в общее сознание, превращение ее в актуальную социальную силу нисколько не уничтожают ни всех процессов «выработки» науки с их специфическими методами, ни систематического состава науки, как законченной, внутренно связной системы; и то и другое останется при всякой социализации научного знания.

Последней стороной социального явления «науки», которой мы хотим коснуться в этой статье, является *этическое* влияние научного знания и научной работы, под'ём при помощи науки нравственного уровня масс. Научные занятия приучают к внутренней дисциплине, к отказу от случайных, суб'ективных, непроверенных взглядов и предразсудков, к общему критическому отношению к своим и чужим мнениям; наконец, некоторым лицам научная работа открывает широкие умственные перспективы, развивает в них до этого ими самими не подозревавшиеся силы. История науки полна фактами борьбы за право и возможность самостоятельно мыслить и исследовать. Дух стремления к истине веет, где хочет, и часто создает героев мысли из самых, казалось-бы, заурядных людей. В этом отношении характерна, напр., история жизни известного астронома Вильяма Гершеля. Гершель был капельмейстером военного оркестра в одном из городов Германии в XVIII веке. Человек с живым умом, он захотел осмыслить для себя теорию музыки и стал изучать по учебнику физики теорию звука. Пройдя звук, Гершель перешел к свету и заинтересовался небесной трубой и телескопом; ему захотелось самому посмотреть на небо.

Когда ему это удалось, он пришел в восторг и решил сам завести небольшой телескоп, при помощи которого стал наблюдать светила и сделал ряд открытий. Переехав в Англию, он женился там на женщине, имевшей некоторые средства. Тогда он решил устроить себе хороший телескоп, для которого сам начал шлифовать стекла. Так как работа эта требовала непрерывности в течение значительных периодов времени, он попросил свою сестру кормить его из рук, чтобы самому не отрываться от шлифовки. В результате из Гершеля вышел крупный ученый астроном... Героизм, самоотверженная работа могут проявляться у разных лиц в разных областях—в зависимости от их личных склонностей и дарований. И для народа имеет большое значение наличность людей, глубоко переживающих, как свое кровное дело, интерес к научной истине и отдающих свои лучшие силы на служение этому интересу.

В результате мы приходим к заключению, что сложное социальное явление «науки» содержит в себе целый ряд сторон или элементов. Каждый из этих элементов имеет свое особое значение, особое содержание, и все вместе сливаются в гармоническое целое. Различать эти элементы необходимо для ясного понимания всего вопроса в целом. В общем эти элементы группируются в два главных отдела: *социальные* проблемы, связанные с классовым подбором лиц, работающих в науке или ее применениях в жизни, с использованием научного знания, с просвещением массы «социализацией» научного знания, а затем *логико-методологические* проблемы выработки науки, создания крытики и проверки ее положений и систематического состава научного знания, как единого, не имеющего в себе внутренних противоречий целого. Проблемы первого рода могут быть решены одним планомерным социально-политическим воздействием со стороны государства; логико-методологические же вопросы требуют для своего решения еще и голоса специалистов; причем специалисты эти могут принадлежать ко всем классам общества (в классово разделенном государстве) или только к трудящимся (в государстве, где уничтожены классовые различия), но будут работать по указаниям научной техники и методологии, вырабатывая в спорных пунктах, где могут сказаться разные заинтересованности, ответы, особо тщательно проверяемые фактами, или же вполне сознательно вскрывая противные об'ективной истине тенденции. *Об'ективная истина все же существует* (хотя она часто нам не вполне известна), и далеко не все в науке сводится на психологические различия заинтересованностей. И трудящиеся, овладев «наукой», получат в её лице не пассивное отражение своих собственных интересов, а об'ективную силу понимания и планомерной регулировки жизни, силу господства над природой и развития личности. Но для этого они должны исполнить завет Фр. Бэкана: homo, naturae minister et interpres, tantum facit quantam de nofurae ordine re vel mente abservaverit... Natura enim non nisi parendo vinci tur, т.-е. человек, слуга и толкователь природы, делает (на практике) столько, сколько он изучил рэально или умственно порядок природы... Ибо природа побеждается только тем, что человек ей подчиняется (изучая её, как она есть).

Но об об'ективной истине а также об искажающих ее тенденциях и об отношении истины к общественной обстановке мы будем говорить особо.

Проф. **Вл. Ивановский.**

Рабочие факультеты и их значение в современной системе образования.

(К трехлетию существования Рабочих факультетов).

Никогда, ни в одной стране, в деле просвещения взрослого населения не ставилось таких сложных и ответственных задач, как в Советской Федерации в настоящее время.

Завоевав в октябре 1917 г. политическую власть, рабочий класс оказался не в состоянии самостоятельно, без приглашения специалистов со стороны управлять хозяйственной жизнью, т. к. в его среде, по вполне понятн м историческим причинам, не оказалось достаточного контингента лиц со специальным образованием. Отсюда встал во весь свой рост вопрос, каким образом, не ожидая того момента, когда все молодое поколение рабочих и крестьян пройдет курс нормальной школы, дать в срочном порядке, хотя-бы некоторому количеству наиболее талантливых и энергичных представителей рабочего класса образование, подготавливающее к известной специальности, короче говоря, оказалось необходимым в кратчайший срок создать кадры своих инженеров, агрономов, врачей, педагогов, юристов и администраторов, которые не за страх, а за совесть служили-бы хозяйственному и культурному просвещению республики. Поэтому основным моментом новой политики Советской власти в деле просвещения были: во-первых, предоставления широкой возможности всем без'изятия, особенно рабочим и крестьянам, пользоваться благами просвещения, что повлекло за собой существенное изменение состава учащихся в сторону пролетаризации и значительно увеличило сеть учебных заведений, во-вторых, изменение характера образования и самой физиономии учебных заведений с внутренней и внешней стороны.

Несомненно, что с того момента, когда наша средняя школа справится со стоящими перед ней задачами, пролетириат будет иметь возможность по среди своих детей получать нужных ему специалистов. Но это дело довольно далекого будущего, т. к. наша школа лишь в последнее время начинает изживать свой внутренний кризис и становится на твердые ноги, но выполнять в полной мере лежащую на ней обязанность она сможет не так скоро. А время не ждет, и, очевидно, что само взрослое поколение рабочих и крестьян должно стремиться как можно скорее овладеть необходимыми знаниями и выделить из себя достаточное количество квалифицированных специалистов.

Для срочного и удовлетворительного разрешения вопроса о развитии профессионального образования в России явилось необходимым коренным образом изменить структуру Наркомпроса, создав особый орган по подготовке квалифицированной рабочей силы в лице Главпрофобра, связанного в своей деятельности с заинтересованными комиссариатами, хозяйственными об'единениями и профессиональными организациями. Главпрофобр сосредоточил свое внимание на привлечении наиболее активных элементов массы к высшему образованию, создав сеть рабочих факультетов при В.У.З. и В.Т.У.З., рабочих техникумов, индустриально-технических школ и курсов, преследующие свои индустриальные задачи, но об'единенных в своих основных стремлениях. В сентябре 1919 г. было издано постановление Совнаркома, предписывающее открыть рабочие факультеты при высших учебных заведениях, как автономные учебно-вспомогательные учреждения, имеющие целью подготовку в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу. Таким образом жизнь поставила перед Главпрофобром задачу исключительно трудную и ответственную уже по одному тому, что при ее решении мы не можем обратиться ни к опыту прошлого, ни к учебной практике Запада. Наличный

учебный опыт, работа передовой педагогической мысли обычно обнимают собой тип нормальной школы для подрастающего поколения, начальную и среднюю, т. е. общеобразовательную и техническую школу. Но этот опыт едва ли может быть особенно ценен в интересующем нас случае. В нормальной школе мы имеем дело с детьми, не знающими на опыте жизни и не принимающими в ней непосредственного участия. Весь строй преподавания приноровлен так, что дети свои знания черпают из школьного обучения в постепенности, соответствующей умственным и физическим силам. Дети в такой школе получают, по мере возможности, всестороннее образование, и педагоги следят, чтобы детская личность развивалась гармонически, строго, постепенно, избегая скачков, уделяя достаточно времени с целью дать возможность воспитанникам ориентироваться среди новых им явлений и понятий и закрепить в их сознании получаемые сведения.

Словом, в нормальной школе мы имеем дело с постепенным формированием и вырастанием умственных сил ребенка, процессом неизбежно медлительным, не допускающим никакой попытки ускорения, а потому и данный школьный опыт и приемы могут лишь в незначительной мере быть использованы в занятиях со взрослыми.

В дореволюционное время школьная работа со взрослыми, по причинам политическим, была поставлена в очень узкие рамки, правда, существовали различные курсы, вечерние школы, но все они носили весьма раздробленный и случайный характер и ставили своей задачей в большинстве случаев подготовку к какому-нибудь определенному типу школы или же имели общеобразовательный характер в целях поднятия общего развития лиц, коим по различным причинам не удалось пройти курса нормальной школы. Контингент учащихся в таких образовательных учреждениях был необычайно пестрый и случайный: ученики средней школы, не закончившие курса, мелкие служащие, в редких случаях рабочие и крестьяне, стремящиеся к самообразованию.

С октябрской революции мы замечаем в широких народных массах определенное стремление пополнить свое образование, расширить свой умственный горизонт, осмыслить происходящие многочисленные и коренные изменения веками налаженного уклада жизни. И вот, как грибы, всюду и везде в бесчисленном количестве возникают краткосрочные курсы, преследующие по-преимуществу цели политического воспитания массы. На этих курсах читался ряд лекций перед разношерстной и пестрой аудиторией, и неподготовленный слушатель пассивно воспринимал вливаемую в него премудрость, не имея ни времени, ни возможности продумать и осмыслить весь пестрый и громоздский материал получаемых сведений. Опыт проведенных многочисленных курсов может быть полезен лишь с той стороны, что дает указание, чего и как не надо делать, чего следует избегать, словом может иметь характер предостережения против ряда возможных ошибок.

Наши западные соседи в течении последних 30 лет уделяют значительное внимание образованию взрослого населения, в частности рабочего. Западная Европа и Америка имеют разносторонние типы общих и специальных учебных заведений для рабочих. Но в своем большинстве рабочие курсы для взрослых не дают специальной квалификации, а обогащают практический опыт слушателей теоретическими познаниями в той области, которая их в данном случае интересует. Надо сознаться, что правительство и частная инициатива в Западной Европе и Америке делают все, чтобы поднять культурный уровень рабочих, но все это идет не дальше пределов сознательности рабочих в отношении того круга работы, которой рабочий непосредственно занят на фабрике или заводе. Все это делается для того, чтобы руководящая в торговле и промышленности группа имела сознательных в отношении специальности помощников, для которых всеже остается закрытой самая тайна производства. Только еди-

ницы из среды рабочего класса имеют возможность получить высшее образование, но массового приближения целых групп к высшей школе там не наблюдается. Правда, в Англии в последнее время наблюдаются высоко поставленные и хорошо оборудованные школы—политехникумы для рабочих, но тем не менее, правительство совершенно не заинтересовано, чтобы рабочий овладел высшей школой. Поэтому принятая Главпрофобром система не может быть точно подведена ни под одну из существующих в Западной Европе и Америке школьных систем, ибо самые задачи их глубоко различны.

«Рабочие факультеты, по словам О. Ю. Шмидта («Первый год работы Главпрофобра») имеют целью дать фактическую возможность получения высшего образования всем тем сильным духом и классовым сознанием, которым тяжелые условия прошлой эпохи закрывали доступ к науке. Для народного хозяйства инженеры из этих кадров будут исключительно ценными, как соединяющие в себе знания, практическое умение и признание происходящей ломки общественного строя».

За истекшие 3 года страна покрылась сетью 69 рабочих факультетов, насчитывающих в настоящее время 25000 слушателей на утренних рабфаках и 2164 на вечерних. Окончательно выявились за этот период их задачи, как учебных заведений, подготовляющих рабочих и крестьян к поступлению в высшую школу.

Но если в результате трехлетнего своего существования рабочие факультеты представляют в настоящий момент вполне сложившийся организм, то в области преподавания на них предстоит еще проделать большую работу. Занятия со взрослыми должны быть основаны во многом на совершенно иных методах, чем практикуемые в школах обычного типа. Выяснение слушателям цели и значения каждого предмета, установления взаимной связи отдельных дисциплин, конкретизация преподавания, широкое применение лабораторных занятий должны быть положены в основу работы.

Накопившийся к настоящему моменты в нашем распоряжении опыт может лишь отчасти облегчить и направить процесс учебной работы, в большинстве-же случаев педагогу приходится быть пионером в данной области, учитывая результаты своей текущей деятельности и внимательно следя за всем, что делается в интересующей области.

Отсюда вытекает необходимость прежде всего ясно осознать и четко поставить вопросы, связанные с учебной работой со взрослыми, учесть сделанное в этом направлении в настоящий момент и найти практические и наиболее рациональные пути для решения поставленной задачи.

Наиболее важными вопросами, определяющими самое существо работы со взрослыми являются, по моему мнению, следующие: 1) характер и особенности контингента обучающихся; 2) цели и задачи, преследуемые тем или иным учебным заведением; 3) об'ем и размеры учебного курса; 4) пути и методы педагогической работы; 5) условия, способствующие наиболее нормальной и продуктивной постановке учебного дела.

Современные пролетарские школы, как рабочие факультеты, техникумы, курсы, партийные школы и пр., имеют в общем довольно однородный состав это, по большей части, рабочая и крестьянская молодежь в возрасте от 18—25 лет, командируемая различными государственными учреждениями, профессиональными и партийными организациями. «Сейчас студенты—не масса случайных слушателей, а государственные служащие, получающие посильное для государства реальное обеспечение, мобилизованные для учебной повинности, обязанные выполнить ее под строжайшим контролем, распределяемые по окончании курса государственными органами в соответствии с нуждами республики» (Профес.-технич. образ. в России Т. II 1922 г.). Это в массе, люди интересующиеся, работоспособные, настойчивые, обладающие определенным и жизненным опытом.

Последнее обстоятельство дает им определенное преимущество перед под-

ростками—учащимися школ нормального типа. Это наличие опыта и практических знаний учитывается иногда, как основной фундамент, на котором уже легко возможны дальнейшие образовательные надстройки. «Взрослый рабочий, благодаря своей практической работе в производстве, имеет большой запас экспериментальных сведений, недоступных школьнику и нуждается только в теоретическом обосновании их; благодаря своей умственной зрелости и житейскому опыту пролетария, полному борьбы за идеалы своего класса, умеет логически мыслить и рассуждать конкретными образами, нуждаясь лишь в усвоении навыков отвлеченного мышления и формального обобщения разрозненных научных опытов и явлений». (А. Лившиц, журнал Знамя Рабфаковца № 1).

Возможно, что автор отчасти и прав имея ввиду слушателя—рабочего определенной квалификации, связанного с высоко развитой формой промышленности, но таковых, обычно, в учебных заведениях меньшинство. Большинство же представляет собой молодежь, правда, привыкшую к различным видам физического труда, но не успевшую прочно связаться с определенным производством и обогатиться полезными навыками и наблюдениями. Затем, чтобы извлечь из любого вида физического труда «запас экспериментальных сведений», необходимо общее развитие, которое у большинства стоит на довольно низком уровне, а за ним—то рабочая молодежь, в частности, и идет, в стены школы. Несомненно, что надежды, возлагаемые на наличие предшествующего опыта и практических навыков значительно преувеличены, да и установить их наличие возможно лишь путем строгой индивидуализации преподавания.

Но есть одно свойство у взрослого учащегося из рабоче-крестьянской среды—это жажда знания, благоговейное отношение к образованию и науке. Это чувство благоговения вполне понятно: ведь наука и культура так долго были достоянием привилегированных классов, а теперь они, дети фабрик и полей, вошли в храм науки, гордые сознанием, что будущее страны в их руках. И вот эту то естественную приподнятость настроения необходимо использовать в целях последующей работы, а потому с самого начала необходим правильный подход ко всем запросам и интересам слушателей, немедленное введение их в процесс активной работы по всем стадиям научного познания, упражняя их волю, ум, настойчивость, приводя к сознанию, что учение это прежде всего труд настойчивый и упорный. Всякий, кто шел этим путем, быстро замечает, как аппетит учащихся развивается по мере еды, с каким искренним восторгом они наблюдают процесс своего внутреннего духовного роста, когда, слушая научную лекцию, читая книгу, они наблюдают свою, пока и не полную, но все же известную подготовленность к овладению знанием.

Эта пестрая и разнообразная аудитория слушателей очень чутка; она инстинктивно чувствует, дают-ли ей хлеб или камень. А потому и руководителям необходимо быть особо чуткими и внимательными, чтобы захватить слушателей научным интересом, вызвать в них личную активность, возбуждая к творчеству их молодые еще не испытанные силы.

Не менее важным условием правильности постановки занятий является определенность целей и задач обучения. Определенно осознанные требования, пред'являемые к школе, облегчают самое конструирование учебной программы и делают задачи обучения ясными в глазах учащихся, которым далеко не безразлично, чему их будут учить, и какое отношение эти знания будут иметь к поставленной ими цели. Грехом старой школы являлась ее многопредметность и, если можно так выразиться, программный фетишизм. Успехи науки и все усложняющийся темп жизни вносят в курс школьного обучения все новые и новые требования, все новые и новые области знания, делая нормальную школу как бы микрокосмом состояния научных знаний современности. Обще-образовательная школа стремилась дать своему воспитаннику элементарные сведения из

всевозможных областей, опасаясь, что иначе он выйдет невеждой и уже не пополнит своих недочетов за стенами школы, а отсюда и вытекало стремление к усвоению колоссального количества фактического материала, одно обилие которого уже не давало возможности как следует его продумать и уложить в юной голове. Стремление к многопредметности роковым образом приводит к развитию в юноше верхоглядства и невежественной самоуверенности, вселяя в него опасное сознание, что он всему научился в школе, и дальнейшее пополнение знаний, помимо его узкой специальности, вовсе не обязательно. Поэтому в построении программы прежде всего необходимо концентрировать внимание на отдельных дисциплинах, которые должны явиться базой для дальнейшей специализации слушателя, стать центром его учебного внимания, а при прохождении же отдельных предметов преподавания необходимо иметь ввиду не количество материала, подлежащего изучению, а твердое усвоение основных положений предмета, законов и характерных явлений, раскрытий внутренней связи и причинности, ознакомление с методом и приемами самостоятельного наблюдения и исследования.

С точки зрения старой школы такое образование принято называть незаконченным, а лиц, получивших его, недоучками, но в этом нет ничего страшного, если эти недоучки будут сознавать, что учиться им надо всю последующую жизнь, и что школа только открыла им глаза на мир и указала истинные пути к знанию. Современного слушателя надо старательно предохранять от пошлой самоуверенности и верхоглядства, внушая ему убеждение, что наука безгранична и дается каждому в меру его усилий и стремлений, и что школа учит его закладывать первые камни научного познания, предоставляя его воле и доброму желанию впоследствии самостоятельно возводить дальнейшую постройку. Поэтому то особенно важно в процессе обучения знакомить слушателей с приемами и методами научной работы и подхода к предмету, чтобы тем самым вооружить его для дальнейших самостоятельных занятий.

Но самым главным условием успешности работы является ее правильная организация и серьезность постановки. Помимо своего чисто-практического значения, выполнение этого условия является хорошим воспитательным средством, привязывающим учащегося к школе, приучающим его ценить образование и вселяющим уверенность в возможность получения серьезных научных знаний. Надо сознаться, что всевозможные краткосрочные курсы со случайным подбором предметов преподавания и лекторов, вселили в широкие массы определенное скептическое отношение. Современный пролетарский слушатель ясно сознает, что ему нужна правильно поставленная школа, с определенным курсом и квалифицированным составом преподавателей. К такой школе он сразу чувствует доверие и охотно будет в ней учиться. Если мы образовательные учреждения для взрослых мыслим, как школу, то к такому учреждению приложимы и все требования школы: определенная внутренняя организация, дисциплина, твердо установленный круг обязанностей учащих и учащихся по отношению к учебному делу. Из обихода школы должен быть изгнан элемент любительства и добровольчества; учащиеся в ней несут круг определенных обязанностей, касающихся непосредственного участия в работе, периодической сдачи зачетов, твердого усвоения известного минимума и т. п

Рассматривая учебное заведение для взрослых, в частности рабочий факультет, как правильно построенную школу, мы ни на минуту не должны забывать его внутреннего отличия от школы обычного типа. Обычно, школа в процессе образовательной работы имеет дело с однообразной массой учащихся по возрасту, уровню развития и их прихологическим особенностям или, как принято говорить, со «средним учеником». В интересующем нас случае мы имеем дело с крайне разнообразным составом учащихся по их внутреннему содержанию, с рядом духовно сформировавшихся личностей, а поэто-

му самый метод работы должен быть значительно иным: в основу его должно быть положено стремление к индивидуализации преподавания, внимательное изучение духовных сил, способностей и стремлений учащихся. Проведение этого в полной мере для преподавателя необычайно трудно, особенно в группах по 30—40 человек. Но тем не менее преподавателю следует обратить особое внимание, как на знакомство с общей физиономией группы в целом, так и на отдельных ее представителей, что может быть достигнуто путем бесед, анкетных опросов, выясняющих степень подготовки, интереса и развития слушателей в области каждого отдельного предмета. Потраченное на такое ознакомление время не пропадает даром, а во многом облегчит целесообразность постановки учебного дела, даст возможность надлежащего подхода, если не к каждому слушателю, то во всяком случае, к отдельным группам.

Несомненно, что наилучшим образом ознакомиться со слушателями смогут те преподаватели, которые заняты в учебном заведении наибольшее количество часов. Отсюда крайне желательно иметь в учебном заведении кадр основных преподавателей, спаянных общностью интересов и внутренней работы и лишь в исключительных случаях обращаться к услугам приходящих преподавателей, уделяющих незначительное количество часов.

В связи с характером и составом слушателей стоит вопрос о построении плана преподавания. Существующая семестровая или триместровая система прохождения курса, приноровленная для однородного по уровню знаний состава аудитории, не всегда подходит к современной рабочей школе, неизбежно пестрой по подготовке и уровню познаний. Часто случается, что лицо, подходящее по знаниям в области русского языка к приему на третий триместр, по математике оказывается подготовленным много слабее и наоборот. Проф. Крижковский считает наиболее подходящей предметную систему в групповой модификации, представляя ее в следующем общем виде «Устанавливается максимальный срок пребывания на рабфаке (напр. 3 года). В пределах этих трех лет студенты работают, будучи разбиты на группы по предметам, работая независимо от других предметов. Таким образом, студент по разным предметам может состоять в разных группах соответственно своей подготовке. Периодически, после контроля знаний его переводят в следующую группу по данному предмету, независимо от его успехов по другим предметам. Подобная система была бы гораздо удобнее принятой триместровой, дав возможность более рационально наладить преподавание, не укладывая студента в своего рода прокрустово лоте, что в той или иной мере неизбежно при триместровой системе и разношерстности уровня знаний студентов».

Несомненно, что предлагаемый план имеет свои значительные преимущества, но в целом мало осуществим в настоящее время в виду его громоздкости и неизбежно огромного количества отдельных групп по каждому определенному предмету, различных по своему составу и количеству учащихся, требующих огромного числа учебных часов и тем самым значительно удорожающих содержание учебного заведения. Если в данный момент такой учебный план еще является роскошью, то позволительно надеяться, чтобы в ближайшем будущем он был необходимостью, а от попыток частичного применения не следует отказываться и в настоящее время.

Что же касается путей и методов педагогической работы в деле образования взрослых, то это вопрос крайне сложный и лишь в последнее время к разрешению его начинают подходить правильным и организованным путем. Выявление характера и приемов обучения может быть результатом направляющей работы центра и практического опыта, вырабатывающегося на местах, в стенах учебных заведений. Средствами обмена такого опыта может являться специальная педагогическая литература и периодически устраиваемые с'езды по программным и учебным вопросам. В этом отношении мно-

гое дал с'езд рабочих факультетов в 1922 г.

С'езд установил учебный план рабфаков, основными принципами которого явились след. положения: 1) план не должен быть загруженным, 2) план должен быть гибким; 3) план должен обратить внимание, как на предметы наиболее необходимые для В.У.З. и В.Т.У.З. так и на общее образование; 4) план должен считаться с потребностями рабочего и его практической психологией. На том же с'езде были намечены общие положения для построения программы преподавания по отдельным предметам.

Конференция по учебно-программным вопросам установила нормальный об'ем курса по каждому предмету, дала возможность преподавателям обменяться педагогическим опытом, накопившемся за 3 года работы, высказала ряд пожеланий и практических предложений, касающихся постановки отдельных учебных предметов и в то же время впервые об'единила на деловой почве преподавательский элемент рабочих факультетов сознанием важности и жизненности их работы. Из постановлений общего характера следует отметить—признание необходимости организации при Отделе Рабфаков постоянного совещания по разработке программ при участии преподавателей рабфаков, издание необходимых учебников по всем предметам преподавания в количестве (приблизительном) по 30 книг на человека. Проведение в жизнь последнего постановления во многом сдвинет с мертвой точки программных и общих разговоров преподавание каждого предмета.

Касаясь, в заключение, вопроса об условиях, способствующих наибольшей продуктивности постановки учебного дела, следует признать, что условия эти крайне многообразны. Одним из основных условий следует признать необходимость соответствующего материально-хозяйственного и учебного оборудования: занятия рабочей молодежи в холоде и голоде, без книг и карандашей для будущего историка явятся ярким примером человеческого героизма, но получаемые в такой обстановке результаты совершенно не оправдывают затрачиваемой энергии. Одновременно необходимо создание соответствующих материальных условий для привлечения высоко-квалифицированного педагогического персонала, отдающего большую часть своего рабочего дня делу просвещения взрослых, вростающего корнями в данное учебное заведение и не тратящего свои силы по мелочам.

Нужно отметить тот факт, что большинство преподавателей работает с особенным удовольствием со взрослым слушателем в современной пролетарской школе, будь то рабочий факультет, техникум, партийная школа, командные курсы, ценя в аудитории интерес к знанию, пытливость и любознательность. Необходимо использовать эту настроенность, об'единяя работу преподавателей однородных по духу и задачам учебных заведений путем живого обмена мнениями и результатами своего опыта на с'ездах, конференциях и специальных журналах не только в масштабе общереспубликанском, но областном и губернском.

Еще более необходимым является поддержание неослабевающего интереса к учреждениям рабочего образования со стороны правительственных органов и рабочих организаций. В переживаемый момент, полный неизжитых еще экономических затруднений, нельзя бросить на половине так хорошо наладившееся дело, которое легко может захиреть, если ему не уделить достаточного внимания. Эта мысль получает в последнее время общее признание, и сознание необходимости сугубого внимания к судьбе рабочих факультетов мы видим в статье председателя Ц.И.К. Белоруссии А. Г. Червякова, помещенной в газете, «Голос рабфаковца». «Мы в процессе строительства забываем иногда о некоторых завоеваниях революции, сохранение, поддержание и процветание которых есть жизненная необходимость для дальнейшего развития и закрепления ее. В число таких заведений должен быть включен и рабочий факультет. Это должен помнить каждый рабочий и крестьянин, этого не должны забывать союзные организации, об этом должны

знать наши советские учреждения и их руководители».

Несомненно, что рабочим факультетам суждена исключительная роль в общей системе постановки образования рабочего класса. Это, конечно, не значит, что все рабочие должны и могут пройти через рабфаки, лишь известная часть ребочего класса, его интеллектуальная верхушка сможет получить высшее образование. Но если до революции стремление поступить в высшую школу было очень сильно у отдельных рабочих, и они путем тяжелых жертв и огромных усилий добивались этой цели, то революция сделала возможным для рабочих и крестьян получение высшего образования без применения тяжелых жертв. В этом отношении роль рабочих факультетов огромна. Это те каналы, через которые вольются живые и крепкие молодые силы в стены высшей школы.

В. Тепин.

Математическое творчество.*)

Изучение процесса математического творчества, знакомство с теми переживаниями, и настроениями, какие происходят в душе математика во время его творческой работы, интересно с различных точек зрения и не только для одних математиков, но и вообще для педагогов.

Научная педагогика давно уже выдвинула на первый план принцип активности, т.-е. самодеятельности, учащихся. А ведь проведение в жизнь этого принципа сводится к тому, чтобы преподаватель по возможности помогал учащимся самим приходить к известным конечным выводам. В частности, применяя сказанное к школьной математике, учащиеся должны при таком обучении (хотя бы в идее) выполнять посильную для них творческую работу. Душевные переживания ученого-математика, сделавшего какое-либо открытие, и ученика, пришедшего к самостоятельному, с его точки зрения, выводу какой-нибудь теоремы в сущности одинаковы. Ученик, например, пришедший к заключению о существовании известной зависимости между гипотенузой и катетами треугольника благодаря незаметному для него руководству преподавателя, испытывает в сущности те же чувства, которые пришлось переживать Пифагору. Да и та умственная работа, которую приходится в таком случае выполнять учащимся, имеет несомненно характер творческой работы. Разница между работой ученого и учащегося с этой точки зрения состоит лишь в об'ективной ценности достигнутых результатов.

Если благодаря совместным усилиям математиков-ученых, психологов и математиков-педагогов удастся пролить свет на многие до сих пор темные стороны процессы математического творчества, то несомненно тогда на очередь станет вопрос, каким образом создать такия внешния условия, которые дали бы возможность этому процессу проходить с наибольшей легкостью к плодотворностью.

Последний вопрос, конечно имеет кардинальное значение в деле преподавания математики.

По этой причине небезполезно коснуться вопроса о математическом творчестве.

Изучение творческого процесса давно уже привлекало внимание, как математиков, так и психологов. Еще в девятисотых годах редакция известно-

*) Доклад, читанный на заседании матсекции Вольно-экономического общества при Белор. Политехн. Институте и заседании Минского Педагогического общества в апреле и мае 1922 г.

го математического журнала „L'Ensçrgement Mathematique», руководимая математиками Лезаном и Фером, предприняла анкету для определения методов работы и умственных привычек известных математиков преимущественно Франции. Результаты этой анкеты вместе с некоторыми общими выводами были опубликованы в указанном журнале. Далее Парижское Психологическое общество, заинтересовавшись вопросом о природе математического творчества, на свое заседание пригласило известного математика Г. Пуанкаре и заслушало его доклад на эту тему. Хотя доклад Пуанкаре был прочитан им до опубликования результатов анкеты, предпринятой Лезаном и Фером, но общее заключение, к которому пришел автор доклада, вполне совпадает с выводами на основании этой анкеты.

То же Парижское Психологическое общество незадолго пред докладом Пуанкаре заслушало доклад математика Пьера Бутру на ту-же тему, причем автор пришел к выводам, аналогичным с выводами Пуанкаре, только иначе обоснованным.

Доклад Пуанкаре переведен и на русский язык Е. Г. Рувиной и вышел отдельным изданием (Юрьев 1909 г.) Кроме того, почти все положения, высказанные в этом докладе, помещены в изданном Пуанкаре этюде под заглавием «Наука и метод» (имеется также и русский перевод изд. Матезис). В своем докладе Пуанкаре воздерживается от каких бы то ни было определенных выводов, касающихся раз'яснения сущности творческого процесса. Да такие выводы в настоящее время и невозможны, ибо затронутый вопрос находится еще в первоначальной стадии разработки. Вопрос этот тесно связан с наименее исследованной в настоящее время стороной психической деятельности, а именно с психологией подсознательного. Это положение можно считать установленным вполне точно. Оно подтверждается не только докладами Пуанкаре и Бутру. Вся история математических открытий (в особенности открытий, оставивших крупные следы в истории науки) несомненно подтверждает справедливость этого положения.

Прежде, чем перейти к рассмотрению самого процесса математического творчества, рассмотрим несколько фактов отрицательного характера. Постараемся выяснить, что представляет собою так называемая неспособность к математике и в чем заключается ее причины. Мы должны /удивляться говорит Пуанкаре или лучше сказать должны были-бы удивляться, если бы это не являлось для нас столь обыденным, каким образом могут существовать люди, неспособные к математике. Математическое рассуждение основано, ведь на законах логики, свойственных всякому здравому уму. Оно представляет собою естественный вывод из общих положений-аксиом, с которыми согласится всякий нормально мыслящий человек.

Математическое рассуждение. есть в большинстве случаев, схематизированное рассуждение, в котором опущено все несущественное, не относящееся прямо к разбираемому вопросу. Однако такое рассуждение оказывается непосильным для многих умов, прекрасно разбирающихся в более или менее сложных умозаключениях, касающихся менее отвлеченных предметов. То, что лишь немногие люди способны к самостоятельной разработке различных математических проблем, способны к чисто творческой работе, представляется вполне понятным. Дар творчества и неразрывно связанная с ним самостоятельность мысли, как в области математики, так и в других науках и искусстве, являются вообще очень редким и качествами, свойственными лишь избранным натурам.

Под «неспособностью» к математике надо подразумевать то, что значительное большинство людей не в состоянии понимать более или менее сложные математические теории.

Пуанкаре об'ясняет это обстоятельство следующим образом:

«Вообразим себе», говорит он, «длинный ряд силлогизмов, в которых заключения предшествующих служат посылками для последующих. Мы будем в состоянии схватить каждый из этих

силлогизмов и мы, конечно, не будем ошибаться при переходе от посылки к заключению. Но между моментом, когда мы впервые встречаем предложение, как заключение силлогизма, и тем моментом, когда мы его снова находим, как посылку другого силлогизма, проходит подчас много времени, почему может случиться, что предложение будет забыто или, что еще важнее, будет забыт его смысл, а это может повлечь за собою либо замену одного предложения другим, несколько отличным от первого, либо изменение смысла предложения, при сохранении в точности его первоначальной редакции. Отсюда и возникают ошибки».

Все те правила, какими приходится пользоваться математикам, доказываются и обосновываются ими в начале, но при дальнейшем признании этих правил математикам приходится действовать чисто механически, полагаясь главным образом на свою память. Память же часто изменяет нам, выпуская некоторые, хотя бы мелкие, но существенные для конечного результата подробности. Такие дефекты памяти являются причиной нередких ошибок при математических вычислениях.

В качестве самого крупного примера можно привести, ошибки, допускаемые в арифметических вычислениях вследствие того, что мы забываем в момент вычисления таблицу умножения.

История математики часто подтверждает общеизвестный факт несовершенства человеческого мышления. От ошибок не только вычислительного характера, но и от более существенных ошибок, не свободны труды самых выдающихся из математиков. Замечательно несколько то, что сами авторы допускали неправильные рассуждения, сколько то, что многочисленные читатели их произведений в течение десятилетий не могли заметить допущенной ошибки.

В виде примера можно привести страницы из классического курса анализа Бертрана, по которому училось целое поколение математиков. Лучшие руководства нашего времени по интегрированию уравнений с частными производными Гурза и Форзита содержат ошибки, происшедшие от того, что эти авторы изложили опубликованную еще в 1811 году ошибочную теорию Майера. Якоби, не проверив ее во всех деталях. Ошибка эта была замечена лишь в девятисотых годах. Здесь, конечно имеет главное значение авторитет авторов, впервые опубликовавших такие сомнительные теории.

Если, таким образом, главной причиной математических ошибок признать дефекты памяти, проявляющиеся либо в забвении какого-либо предложения, либо в упущении таких подробностей в посылке, которые делают ошибочным полученное из нея хотя бы и строго логическим путем, умозаключение, то казалось бы, наоборот, способности к математике должны требовать и очень хорошей памяти. Следовательно, хороший математик должен был бы быть и хорошим вычислителем, и хорошим шахматистом, и наоборот, люди обладающие необычайной напряженностью внимания, должны были бы легко ориентироваться и в сложных математических рассуждениях.

Конечно, иногда так и бывает. В виде примера можно привести Гаусса, который был и гениальным математиком, и искусным вычислителем. Но такие случаи, надо признаться, составляют исключение: вообще многие выдающиеся математики оказывались и оказываются очень плохими вычислителями. Напр., Пуанкаре говорит про себя, что он не в состоянии без ошибки произвести сложение. Равным образом, он сознается, что из него вышел бы плохой математик не потому, что он не разбирается в представляющихся комбинациях, а потому, что он наверное сделал бы по рассеянности ход, уже отвергнутый им самими раньше во время обсуждения всех полезных или вредных комбинаций. Причиной ошибки было бы забвение той опасности, которая уже была предусмотрена.

Далее оказывается, что знаменитые счетчики Иноди, Диаманди и другие, быстро совершающие в уме не только арифметические вычисления над миллиардными числами, но и умеющие бы-

стро производить сложные алгебраические преобразования, ничем не выдаются среди обыкновенных людей в области чисто математических общих рассуждений. Точно также нельзя утверждать, что гениальные шахматисты вообще более способны к усвоению математических теорий более, чем люди, совсем не знакомые с шахматной игрой. Повидимому здесь мы имеем дело со специального рода дарованием.

Различие между процессом математического рассуждения и процессом чисто вычислительного характера хорошо сознавали греки, у которых арифметика и связанное с нею искусство счета даже не относились к области математики. Они называли ее логистикой и резко разграничивали от математики, под именем которой они подразумевали собственно геометрию.

Таким образом, в процессе математического рассуждения главная роль принадлежит не памяти и напряжению внимания. Существенно важным здесь является то, что памятью математика руководит общий ход рассуждения. Этим легко об'ясняется, что обыкновенная память математика не изменяет ему в трудном математическом рассуждении, в котором растерялось бы большинство искусных математиков.

Математическое рассуждение никогда не представляет собою простого нагромождения силлогизмов. Все силлогизмы такого рассуждения об'единены одной общей идеей, которая лежит в основе всякого математического процесса рассуждения. Этот порядок в расположении силлогизмов, обусловленный общей идеей, гораздо важнее самих силлогизмов.

Математик, обладающий интуицией этого порядка, сразу охватывает все рассуждения в целом. Ему вполне ясна причина, почему данный элемент рассуждений должен занимать именно такое, а не иное место в общей цепи силлогизмов. Поэтому математику нечего опасаться, что он забудет какой нибудь элемент. Каждый из таких элементов занимает, как сказать, сам по себе без всякого почти усилия памяти надлежащее место в общем ходе процесса рассуждения.

Следовательно, эта «интуиция» математического порядка, по терминологии Пуанкаре и есть главное орудие математика исследователя.

Конечно, такое свойство интеллекта, которое Пуанкаре называет интуицией математического порядка, позволяющее обладателям его проникать в сущность процесса математической мысли и угадывать гармонию и скрытыя соотношения между различными на первый взгляд вещами, не может быть общим достоянием. Несомненно также, что и люди, отмеченные этим даром интуитивного прозрения, обладают им далеко не в одинаковой степени. У громадного большинства оно находится в зачаточном состоянии. Есть некоторыя основания предполагать, что это так сказать, *математическое чутье* можно развить и усилить соответственными упражнениями. Вероятно, почти каждый, кому приходилось много заниматься разного рода математическими задачами, замечал, как при постепенном углублении в детали и существо какого либо вопроса расширяется умственный горизонт, просветляется сознание и становятся ясными такие вопросы, какие представляют в начале изучения серьезныя затруднения. Математик, ознакомившийся с каким либо отделом своей науки настолько основательно, что при чтении какого либо труда, относящегося к затронутой области, он сможет не только свободно следить за мыслью автора, но и предугадывать, что будет сказано последним на следующих страницах, без сомнения развил в себе то свойство ума, которое Пуанкаре называет интуицией математического порядка.

Если стать на ту точку зрения, что это интуитивное чувство порядка играет руководящую роль в процессе математической мысли вообще, а творческой в особенности, то станет вполне понятным, почему люди, лишенные его не могут понять более или менее сложные математические теории.

Люди с хорошей памятью и высокой способностью внимания могут положительными свойствами своего интеллекта до некоторой степени восполнить

отсутствие или слабость развития интуитивной «способности порядка», они могут не только усваивать самые сложные математические теории, но и с успехом применять их. Более того, такие умы смогут выполнять отчасти творческую работу, углубляя и развивая изученные теории, но они не смогут создать новых совершенно самостоятельных теорий.

Наконец, люди, обладающие этой подчас трудно определимой интуицией математического порядка, даже и не имея особенно выдающейся памяти, могут быть творцами, открывающими новые пути в науке. Их попытки к новым открытиям будут тем более успешны, чем в большей степени развита у них указанная выше специальная интуиция.

Причина непонимания многимм математики заключается повидимому, главным образом в неспособности их проникнуть во внутренний смысл рассуждения. Силлогизмы, с которыми им приходится встречаться, кажутся таким людям подчиненными какому то непонятному капризу; получается таким образом, быть может, безотчетная и смутно сознаваемая неудовлетворенность, подавляюще действующая как на внимание, так и на память. Тогда вследствие пропуска каких либо элементов в цепи рассуждения все последующее изложение становится совершенно непонятным. Кстати необходимо заметить, что в термин «понимать» многие люди вкладывают совершенно различное содержание.

Действительно, что значит «понимать»? Понять доказательство теоремы —значит ли это рассмотреть последовательно каждый из силлогизмов, из которых оно составляется, и константировать, что он правилен и согласуется с общим ходом задачи.

Понять определение, значит-ли это только признать, что смысл всех входящих в определение терминов известен и константировать, что это определение не заключает в себе никакого противоречия.

«Да», скажут одни, подметившие отсутствие противоречия в определении. «Нет» скажет большинство. «Почти все люди», говорит Пуанкаре, «оказываются более требовательными; они хотят нетолько знать правильны ли все силлогизмы доказательства, но еще и знать, почему силлогизмы связываются в данном, а не в другом порядке. Пока им кажется, что эта связь рождена капризом, а не разумом в постоянном сознании преследуемой цели, они думают, что не поняли доказательства. Без сомнения, они сами не отдают себе отчета в том, чего они собственно требуют и не могут формулировать своего желания; но, если они не находят удовлетворения, то они смутно чувствуют, что чего то им недостает. Что же тогда происходит? В начале они еще схватывают не очевидные вещи, которые представляются их взору, но так как последние чрезвычайно тонкой нитью связаны с предыдущими, то они не оставляют никакого следа в их мозгу и тотчас забываются. Освещенные на одно мгновение, они сейчас же исчезают в сумерке вечной ночи. А когда эти люди следят за дальнейшим развитием доказательства, для них исчезает прежняя ясность, так как теоремы опираются одна на другую, а теоремы, которые им нужны уже забиты. Таким образом, эти люди становятся неспособными понимать математику».

Приведенные слова Пуанкаре в яркой и образной форме передают душевное состояние большинства людей, впервые вступающих в новую для них область математического рассуждения.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о сущности процесса математического творчества, сначала с точки зрения физиологической, а затем постараемся указать, какие переживания приходится испытывать математику в процессе его творческой работы и отметить те гипотезы, которые пытаются установить механизм этого процесса.

Если мы зададим вопрос, каковы должны быт физиологические условия процесса творчества, то здесь уместно будет изложить лишь гипотезы, какие возможно высказать об органических условиях этого процесса. Надо заметить, что психология дает здесь пови-

димому мало положительного и даже просто более или менее вероятного.

Что касается анотомических условий, то надо отметить гипотезы, связанные с попытками более или менее подробного изучения мозга выдающихся в различных отношениях людей.

Один способ, процветавший в средене 19 века, состоял во взвешивании большого числа мозгов выдающихся людей и в сравнении результатов взвешиваний. От этого способа однако пришлось отказаться, так как он не оправдал возлагаемых на него ожиданий.

Затем было обращено особое внимание на морфологию мозга, гистологическое устройство и развитие известных его областей. Из теорий, основанных на этих исследованиях, имеют важное значение теории *Флексига* и *Рюдингера*.

На основании исследования этих ученых гениальность соединена с особым строением мозга (Рибо). У великих математиков (Гаусс) оказываются особенно развитыми центры задней части мозга, также центры лобной области. У художников особенно развиты темянные части. Это обстоятельство, как будто, указывает на специфичность математического дарования, обусловленного даже особой организацией. На особое развитие глазной кости в височном углу у математиков обратил внимание также математик Мебіус.

Далее интересно поставить вопрос, как смотреть на физиологические состояния, существующие совместно с работой творческого воображения. Составляют ли они причину последней или ее следствие, или просто сопровождают эту работу, проявляясь независимо от нее? Вероятно, здесь имеют место все три случая. Обращает на себя прежде всего внимание факт изменения кровообращения во время творческого процесса. Увеличение интелектуальной деятельности обусловливается увеличением работы в клетках коркового вещества мозга, а последнее зависит вобще от прилива крови Иногда однако и легкая анемия дает возбудимость коркового вещества.

Слабый пульс, бледность, холодность кожи, горячая голова, блестящие, напряженные, блуждающие глаза—таково часто повторяемое всеми классическое описание физиологического состояния во время творческого процесса (Рибо).

Многие изобретатели сами замечали у себя такие состояния (неправильность пульса у Лагранжа). Повышение жизненного тона во время творческого процесса выражается также в нервном напряжении, разрешающимся рефлективными, машинально повторяющимися движениями.

Многочисленные и очень известные физиологические изыскания (работы Моссо) показывают, что всякий умственный процесс влечет за собой приливы крови к мозгу, но все это не раскрывает нам ничего особенного относительно характера процесса, происходящего в момент творческой работы.

Делающиеся в последнее время попытки подробного изучения изобретателей об'ективным способом (исследованием у них аппаратов кровеносного, дыхательного и пищеварительного, общей и частной чувствительности, видоизменений в памяти и формах ассоциаций), быть может, позволят сделать более конкретные выводы.

Математическое творчество, повидимому, совсем не уживается с искусственными способами для его возбуждения (Гельмгольц) Свежесть ума является необходимым условием успеха в области математического чтения. В заключение необходимо отметить, что наибольший под'ем сознающего воображения, а следовательно наиболее интенсивное течение творческого процесса совпадает с моментом возмужалости и наиболее полного расцвета сил индивидуума. Наоборот, вместе со старостью, которая сопровождается упадком питания и производительных сил организма, наблюдается и ослабление сознающего воображения. Многочисленные примеры из истории математики (да и других наук) подтверждают это положение.

Рибо об'ясняет то обстоятельство, что многие математики делают откры-

тия, прославившие их имена, не достигши даже 20 летняго во раста, тем, что материал, с которым они оперируют, проще и им нет надобности иметь обширные фактические познания. необходимые для людей, занимающихся экспериментальными науками, и знакомства со страстями человеческой жизни, необходимого для поэтов и писателей. Едва ли можно с этим согласиться: для того, чтобы сделать какое либо открытие в области математики, необходимо конечно детальное знакомство со всеми почти работами предшественников и по крайней мере необходима широта взглядов, соответствующая уровню науки. Особенность метематического дарования позволяет умам, владеющим этим дарованием, быстро схватывать различные теории. Кроме того здесь имеется на лицо вообще ранее созревание особенно одаренных натур.

(Окончание в сл. кн.)

В. К. Дыдырко.

Очерки по истории идеи трудового обучения.

I.

Идея образовательного значения ручного труда в педагогике XVI-XVIII в.

Одной из характерных особенностей современной школы является наличность в системе образовательного курса элемента технического развития. Примитивная ступень этого развития —упражнение в ручном труде.

Особенное значение идея технического развития, в частности, идея ручного труда приобретает в связи с вопросом о реформе школы на трудовых началах. При узком понимании характера трудовой школы особенностью ее признается именно введение уроков ручного труда; американские трудовые школы прямо и называются «школами ручного развития»,—«Manual training schools. Подобное узкое понимание трудовой школы является вполне несовершенным, ручной труд еще не делает школу «трудовою» и современные американские трудовые школы уже переросли тот момент своего развития, когда они были просто школами ручного труда, момент, зафиксированный, в частности, в известной книге Е. Янжул «Очерки американской школы». При всем том нельзя не признать, что идея образовательного значения ручного труда явилась исходным пунктом в развитии идеи трудовой школы.

Когда же в европейской педагогике возникает мысль в ручном труде, как предмете общего образования?

Идея ручного труда в истории педагогической мысли не нова и уже в

Прим. редак. Реформа школы на трудовых началах по признанию самих руководящих органов потерпела неудачу. Значит-ли это, что неверен самый принцип, положенный в основу реформы, что неправильна идея трудового обучения? Ничуть нет. Реформа школы по трудовому принципу и не могла пройти в жизнь, так как для этого не было об'ективных условий. Не говоря о других причинах неуспеха реформы, следует признать, что одной из таких причин явилась почти полная неориентированность учительства в вопросе о трудовой школе. Теперь пред учительством стоит задача восполнить этот недостаток. Особенно необходимо основательное знакомство с историей идеи трудового обучения и с ее об'ективными экономическо-социальными условиями. В этой необходимости, а также в отсутствии на книжнем рынке более или менее полных пособий по истории трудовой школы—мотив, побудивший к помещению в журнале „Очерков“.

первые моменты ее развития были высказаны основания, оправдывающие его введение в школу, однако она возникает в определенное время в зависимости от определенных экономических и социальных условий, во время индустриализации и демократизации общества, когда под влиянием роста промышленности производящие классы общества начинают играть активную роль в общественной жизни и школа перестраивается согласно с потребностями и запросами этих классов.

Под'ем промышленности в Западной Европе ясно обнаружился уже в начале XVI в. В это время европейская торговля уже вступила в океанический период; начала разрушаться система натурального хозяйства; города становятся центрами промышленности; вызванные к жизни производственные классы дают знать о себе демократическими движениями, происходящими под знаком религиозной реформы.

В XVI в. впервые и начинает проводиться в педагогической литературе идея ручного труда, как предмета общеобразовательного курса.

«Раблэ первый говорит о пользе физического труда», указывает Квик в своей книге «Реформаторы воспитания»[1]), однако с этим указанием нельзя вполне согласиться: до Раблэ или, по меньшей мере, одновременно с Раблэ значение ручного труда было осознано *Томасом Мором* (1478-1535), автором известной социальной «Утопии», излагающей идеи социализма и коммунизма.

«Есть одно занятие», говорится в «Утопии» в главе «Об искусствах и ремеслах», «которым все утопийцы занимаются сообща и от которого никто не смеет отказываться, это—земледелие. Дети изучают его теоретически в школах и практически на окружающих город полях, куда их водят гулять. Там они видят, как возделывают землю, там они и сами работают и развивают свои физические силы.

Кроме земледелия, от которого, как сказано, никто не имеет права уклоняться, каждому утопийцу назначается еще какое-либо специальное ремесло. Одни ткут полотно, или шерсть, другие становятся каменьщиками и горшечниками, третьи обрабатывают металлы и дерево. Все это—самые благородные ремесла.

Все без исключения, не только мужчины, но и женщины обязаны изучить одно из ремесл[2]).

Таким образом, у Т. Мора мы находим вполне определенное требование обязательного упражнения в ручном труде.

У *Франсуа Раблэ* (1483-1553) идея ручного труда проводится также с большей или меньшей определенностью в его известном романе, «Гаргантюа и Пантагрюэль».

В дождливую погоду Гаргантюа и его воспитатель Панократ после обеда, вместо упражнений на открытом воздухе, с гигиеническою целью занимались уборкой сена, кололи и пилили дрова, молотили хлеб в риге...

Высказывая мысль о ручном труде, Ф. Раблэ проводит вместе с тем столь характерную для современной педагогики идею экскурсионного метода.

Гаргантюа и Панократ ходят смотреть, как плавят металл и льют пушки, посещают мастерские ювелиров и резчиков драгоценных камней, лаборатории алхимиков, монетный двор, ткацкие мастерские, где ткут шелковые материи и бархат, органных мастеров, типографщиков, красильщиков и других ремесленников, где, давая им на водку, знакомятся с приемами и изобретениями различных ремесл»[3]).

Идею развития ученика чрез действование высказывает и умерший в конце XVI в. *Монтэнь* (1533-1592). Он пишет: «Мой ученик должен не столько отвечать урок, сколько выполнять его, он заучивает его, *действуя*», —мысль, на которую, в частности ссылается В. А. Лай в своей «Школе действий»[4]).

---

[1]) См. рус. пер. Москва 1893 стр. 42.

[2]) „Утопия“, пер. А. Генкель. Петроград 1918, стр. 88.

[3]) „Гаргантюа и Пантагрюэль“. Пер. Энгельгардта. С.П.Б. 1900, стр. 58.

[4]) „Опыты“. См. „Избранные места из Монтэня“ в изд. К. Тихомирова и А. Адольфа. М. 1896, стр. 71, Ср. Лай. „Школа действий“ С.П.Б. 1914, стр. 9.

В XVII в. мысль об образовательном значении ручного труда находит себе ясное выражение в педагогических взглядах славяно-германского педагога *Я. А. Коменского* (1592-1670). В его «Великой дидактике определенно указывается на необходимость упражнения руки для полноты образования. «Научное образование должно вырабатывать рассудок, язык, *руки* для того, чтобы человек все разумно созерцал, излагал и *исполнял*. Если что-нибудь из этого опустить, то образуется пробел, который не только внесет из'ян в образование, но и ослабит его прочность»[5]). По мысли Коменского введение практических упражнений, —трудовых процессов, необходимо для подготовки к практической деятельности. «Практической деятельности можно научиться только на деле.

Мастера не задерживают своих учеников теоретическими рассуждениями, но прямо заставляют их работать, чтобы они, занимаясь ковкой, ваянием, живописью и т. д., научились всему этому. И в школах следует учиться так, чтобы они действительно были не иным чем, как мастерскими, в которых происходит кипучая работа»[6]).

«Так как жизнь придется проводить в деятельности и в сношениях с людьми», читаем мы в другом месте «Великой дидактики», «то следует научить мальчиков не бояться лиц человеческих и исполнять всякую честную работу, чтобы они не сделались либо нелюдимыми, либо мизантропами, тунеядцами, безполезным бременем земли. Добродетель развивается посредством дел, а не посредством слов»[7]).

Моральное воспитание,—воспитание для добродетели,—вот другой важный мотив, который руководит А. Коменским в его требовании трудовых процессов.

В уме чешско-немецкого педагога предносится мысль и о социальном значении технического воспитания. «Только тогда настанет», говорит он, «полное блаженство в делах общественных и частных, когда все будут хотеть и уметь работать на общую пользу. Но уметь и хотеть будут лишь наученные этому»[8]).

Понятным отсюда представляется следующее «золотое» правило «дидактики»: «должно постоянно соединять слух со зрением, *слово с деятельностью руки*. Именно, назначенное для усвоения учениками должно не только рассказывать, чтобы оно проникло им в уши, но и прибегать к рисункам. А ученики, в свою очередь, должны учиться передавать свои мысли словами и *выражать их посредством деятельности руки*. [9]) Современный педагог мог-бы сказать, что А. Коменский проводит идею *иллюстративного* метода обучения.

Не ограничиваясь указанием на важность практических занятий, Коменский вводит ручной труд в составленную им программу курса общеобразовательной школы на ее младших ступенях. Программа «материнской» школы предполагает наставление детей в *механических работах* и в *хозяйстве*. «Первоначальное наставление в механических работах дети получат в том случае, когда им будут дозволять и даже *учить их постоянно* что-либо делать, т. е. переносить вещи туда и сюда, приводить их в тот или иной порядок, строить и ломать, связывать и развязывать, как любят делать мальчики в этом возрасте. Так как все это является не иным, чем как усилием даровитой природы для искусственного воспроизведения вещей, то следует не только не воспрещать этих попыток, но даже поощрять их и разумно направлять». [10]) В программу школы родного языка также вводится «ознакомление по возможности со всеми ремесленными приемами. [11]) Вполне понятным представляется, что Амос Коменский выступает защитником идеи ручного труда в школе. Ведь, по происхождению он принадлежал к демократическому, про-

[5]) „Великая дидактика", гл. XVIII. 2, пер. А. Адольфа и С. Любомудрова. М. 1896, стр. 273.
[6]) Там же. Гл. XXI, 5, стр. 367.
[7]) Там же. Гл. XXIII, 9, стр. 404.
[8]) Там же. Стр. 405.
[9]) Там же. Гл. XVII, 42, стр. 265.
[10]) Там же. Гл. XVIII 12 стр. 497
[11]) Там же. Гл. XIX, 12, стр. 513.

изводящему классу. С другой стороны, промышленный рост Европы, обозначившийся еще в XVI в. во Франции и Англии, в XVII в. захватил и Германию. Тридцатилетняя война несколько замедлила этот рост, но не могла остановить его.

Начиная со второй половины XVII в., со времени Оливера Кромвеля, Англия особенно сильно пошла вперед по пути промышленного развития.

В Англии конца XVII в. мысль о введении в систему образования ручного труда была высказана одновременно довольно известным тогда литератором, квакером *Джоном Беллерсом* (1624—1725) и знаменитым философом *Джоном Локком* (1632—1704).

Джон Беллерс известен в истории педагогических идей своим проектом «Предложение основать промышленную школу для узучения всех существующих отраслей промышленности и сельского хозяйства». Согласно этому проекту обучение в промышленной школе должно быть поставлено в самую тесную связь с занятием физическим трудом. Беллерс мотивирует необходимость такой постановки учебного дела следующими соображениями: [12])

«Не связанное с физическим трудом обучение немногим лучше, чем обучение безделью».

«Физический труд так же необходим для жизнедеятельности человека, как еда. Он подливает свежего масла в лампу жизни, которая светится мыслью, без этого масла мысль погасла бы».

Исполняя даже самую легкую работу, ученики развивают свой ум наглядными доказательствами».

Ручной труд приносит пользу, делает ум мудрее и, закаляя волю, укрепляет в добре».

Сама трудовая обстановка промышленной школы должна действовать благотворно на учащихся. «В промышленной школе дети будут жить и обучаться всему полезному. Видя, что другие работают и берегут время, дети вместо того, чтобы играть, будут изучать какое-либо производство; видя, что другие работают они будут им подражать и подражание доставит им столько же удовольствия, как и игра. Так им легче научиться и приобрести привычку к труду».

Следует заметить, что по мысли Беллерса его промышленный колледж не является только детской организацией: дети учатся и работают вместе со взрослыми. «В сущности школой тут», по словам т. Крупской, «является разумная организованная жизнь, полная труда, дающая ребенку необходимые условия для проявления его активности».

«Итак», замечает Крупская, «промышленное развитие Англии дало возможность Беллерсу уже в конце XVII века понять важность соединения обучения с производительным трудом; он придает этому труду громадное воспитательное значение».

С этой же точки зрения смотрит на ручной труд и Джон Локк.

Заканчивая свои «Мысли о воспитании», Локк говорит: «Мне остается прибавить лишь одну вещь, но при первом же упоминании о ней я рискую навлечь на себя подозрение, что я забыл, о чем идет речь и что я раньше писал,-о воспитании, приноровленном к призванию джентльмена, с которым ремесло, повидимому, совершенно несовместимо. При всем том, не могу не сказать, что я желал бы научить его ремеслу, ручному труду, даже двум, трем ремеслам, но одному из них особенно основательно».

Локк указывает на следующие выгоды от приучения воспитанника к ручному труду:

1) само искусство, приобретаемое упражнением, стоит приобрести;

2) упражнение, безотносительно к результатам, полезно для здоровья: ручные ремесла, которые заключаются в физическом труде и приобретаются физическим трудом, увеличивают нашу ловкость и силу, особенно, если они производятся на открытом воздухе;

3) знание ремесла важно и в практическом отношении.

Свою мысль о необходимости обучения джентльмена ручному труду Локк обосновывает и исторически, — ссыл-

[12]) См. Н. Крупская. Нар. обр. и демократия. Берлин 1921, стр. 58 и сл.

ками на примеры знаменитых людей древности, которые соединяли ручной труд с государственною деятельностью; так напр., Гедеон у евреев был взят от молотьбы, а Цинцинат у римлян—от плуга командовать войсками своей страны и вести их в бой против неприятеля.

Из отдельных видов упражнения в ручном труде Локк признает наиболее подходящим садоводство или сельское хозяйство, а также работы по дереву, в роде плотничьей, столярной и токарной. Далее указываются: изготовление духов, лакирование, гравирование и различные виды обработки металлов, если же джентльмен проводит значительную часть времени в городе, то вырезывание драгоценных камней и шлифовка оптических стекол.

«При огромном разнообразии затейливых ремесленных работ», замечает Локк, «не может человек не найти такой, которая придется ему по душе и по вкусу если только он не лентяй и не бездельник, чего нельзя предположить при правильном воспитании. А так как он не может все время заниматься ученьем и разговором, то кроме времени, посвященного этим занятиям, у него останется много свободных часов, и если он не затратит их указанным способом, то может затратить хуже".[13])

Нельзя не заметить, что Локк подходит к вопросу о ручном труде с несколько диллетантски—аристократической точки зрения. Ведь, он и был английским аристократом. Но тем более знаменательным представляется факт, что аристократ должен был осознать значение ручного труда, как элемента образования. Этого требовали экономически-социальные факторы педагогического мышления.

В Германии в XVII—XVIII в., отчасти одновременно с Локком, идею физического воспитания в ручном труде практически осуществляют *пиетисты.*

Глава педагогии пиетистов *Герман Франке* (1663—1727) ввел обучение ручному труду в основанном им сиротовоспитательном доме в Галле и в «Педагогиуме»,—учреждении, назначенном для благородных лиц. В учебно-воспитательных учреждениях Франке ученики занимались ремеслами наряду с музыкой и рисованием; были заведены токарные мастерские, домашние мельницы, шлифовальни, зоологический и ботанический сады и проч. При этом Франке смотрел на занятие ручным трудом, как на воспитательное средство.

Помощник и продолжатель Франке —*Земмлер*, находя, что «нужно учиться для жизни, а не для школы», устроил в Гале первую германскую «реальную школу" (1739), где обучение было поставлено на вполне практическую почву. Здесь преподавалось все, что было нужно для практики, с помощью рисунков, чертежей, моделей и проч.; ученики занимались сельским хозяйством и огородничеством; наряду с работами в саду, поле и огороде было введено также занятие ремеслом столярным, плотничьим и т. п.

Во Франции в XVIII в. идея ручного развития получает яркое выражение у предвестника «Великой революции» *Ж. Ж. Руссо* (1712—1780).

«Я решительно хочу, чтобы Эмиль обучался ремеслу»,—заявляет Руссо, говоря в своем педагогическом романе о воспитании молодого человека.[14])

Интересно проследить те мотивы которые руководят французским философом в его желании.

Руссо предвидит катастрофу в политическом строе европейского общества и отмечает важное значение ручного труда, как средства к обеспечению жизни.

«Мы приближаемся», говорит он, «к эпохе кризиса, к веку революций. Кто может ручаться вам за то, чем вы тогда станете? Что же станет делать в ничтожестве этот сатрап, которого воспитали вы для величия? Что будет делать в бедности этот ростовщик, который умеет жить только золотом? Что будет делать, лишившись всего, этот пыш-

[13]) „Мысли о воспитании" Пер. М. А. Энтельгардта. С. П. Б. 1913, стр. 244.

[14]) Ж. Ж Руссо. Эмиль. Пер. П. Д. Первова. Изд. второе. Москва. 1911. Гл. III, § 145, стр 273.

ный глупец, не умеющий пользоваться самим собою?[15])

Труд, — простой физически труд есть требование и социальной справедливости.

«Труд есть неизбежная обязанность для человека, живущего в обществе. Всякий праздный гражданин, богатый или бедный, сильный или слабый— есть плут".[16])

«И из всех занятий, которые могут доставить человеку средства к существованию, ручной труд больше всего приближает его к естественному состоянию; из всех званий самое независимое от судьбы и людей — это звание ремесленника».[17])

Отсюда требование: «Учись ремеслу"!

Однако Руссо руководится и прямо педагогическими соображениями. Обучаясь ремеслу, ученик привыкает вообще работать исправно; в нем развивается наклонность к саморазмышлению, наблюдательность, внимание у и активность. С другой стороны, и учителя имеется возможность лучше ознакомиться со вкусами и наклонностями ученика и подметить первый проблеск его дарования, если у него действительно есть дарование.

Педагогическими соображениями, кроме соображений утилитарно практических, определяется у Руссо и выбор форм ручного труда. Он особенно хвалит столярное ремесло „Оно опрятно и полезно; им можно заниматься дома; оно достаточно упражняет тело, требует от работника изобретательности и ловкости, и хотя форма произведений определяется здесь полезностью, но последняя не исключает изящества и вкуса».

Исходя из подобных же соображений, Руссо решительно высказывается против профессий, в которых рабочие, «не проявляя никакой изобретательности, почти как автоматы, упражняют свои руки вечно одной и той же работой», каковы, например, профессии ткачей, чулочника, каменотеса. «К чему», спрашивает он, «на эти ремесла употреблять людей со смыслом?[18])

Во многих отношениях продолжателями Ж. Ж. Руссо в XVIII в. явились *филонтрописты*. Как и Руссо, они проникнуты идеей естественного воспитания, как и Руссо, они проводят принцип самодеятельности ученика и, подобно Руссо, признают необходимость в системе общего образования элементов технического развития.

Наиболее выдающиеся из филан тропистов *Базедов* (1724—1790) и *Х. Зальцман* (1744—1811), требуют, чтобы дети уже с 4 года приучались к ручному труду. По мнению Зальцмана, воспитание только в том случае может сделать человека счастливым, если оно основано на физическом труде. В своем сочинении «Кое-что о воспитании» он говорит: «Самые благородные инструменты, это—человеческие руки. В состоянии-ли будет дух человеческий проявить свои разнообразные способности, если его руки не будут годны к работе?» В своей «Муравьиной книжке» Зальцман подчеркивает пользу ручного труда в трех отношениях: а) упражнение в нем удовлетворяет естественой потребности ребенка в движении, б) ручной труд способствует его здоровью и в) посредством упражнения рук и глаза развиваются все вообще силы и способности.[18])

Говоря о выражении идеи ручного труда во взглядах представителей педагогической мысли XVIII., нельзя пройти мимо проектов реформы школьного дела, выдвинутых Великой французской революцией.

13 июня 1793 г. Национальный Конвент установил программу народного образования, приняв проект Лепелетье, выдвигавший между прочим следующее положение: в школах вводится ручной труд, дети будут учиться обрабатывать землю; физически труд необходим; если при школе не будет земли для обработки, пусть дети идут мостить дорогу.»

15 сентября 1793 г. Конвентом был

[15]) Там же. § 136, стр. 268.
[16]) Там же. § 137, стр. 269.
[17]) Там же. § 138, стр. 270.

[17]) Там же. § 155, стр. 279.
[18]) Ср. С. Левитин „Трудовая школа—школа будущего", Свобод. Восп. 1913 г., № 3.

вотирован другой проект Газенфрати—Лавуазье. В своем докладе о создании форм общественного воспитания, способных усовершенствовать национальную промышленность, Лавуазье писал: «Необходимо познакомить ребенка с употреблением молотка, ножа, клина, винта, топора и пилы, чтобы он знал искусство обработки дерева...[19])

Таким образом, деятелями французской революции сознавалась необходимость введения технического развития, в форме ручного труда, в обиход школы, хотя им и не удалось провести своих проектов в жизнь.

Современником французской революции был швейцарский педагог Генрих Песталоцци. На него оказали влияние педагогические взгляды Руссо и филантропистов, а также общий порыв революционной эпохи.

Воспринятая и углубленная Песталоцци идея технического развития чрез него переходит к педагогике XIX в.

[19]) Ср. Н. Крупская. Народная образование и демократия, стр. 60 и сл.

Н. Бойков

Библиография.

Праф. Н. А. Янчук. *Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры. Старадаўны пэрыад.* Пад рэдакцыяй Ул. Дзяржынскага (Курс прачытаны ў Маскоўскім унівэрсытэце). Менск. 1922. 8°. 119.

Последние три года оказались урожайными по части истории белорусской литературы: в 1920 г. в Вильне вышла «Гісторыя беларускае літаратуры» *М. Гарэцкаго*; в том же году, в Москве *Н. А. Янчук* выпустил «Очерки белорусской литературы. Вып. I. Новейшая литература» (больше перевод известной брошюры Ил. Святицкого 1908 г.); в 1921 г. вышла наконец из печати *моя* книга «Белоруссы. т. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая Западнарусская письменность (Птгр. 8°. VIII—246); текущий 1922 г. подарил нас посмертным трудом *Янчука*, заглавие которого выше приведено. Он написан самостоятельно, независимо от своих предшественников, и представляет довольно интересные очерки—мы бы сказали—не столько по белорусской литературе, сколько по старинной культуре вообще, насколько она зависела от связи с польским государством.

Книга состоит из одиннадцати глав.

I. Исторические условия и обстановка, при которых начала развиваться старая белорусская письменность, изложены довольно полно, только не указаны причины, почему пришлось обращаться к народному белорусскому языку вместо господствовавшего тогда в русской литературе церковнославянского языка русской редакции. Следовало более определенно высказаться о белорусской стихии в словах Кирилла Туровского (я ее не знаю), слове полку Игорове (Всеслав, Немига и т. п.), хождении игумена Даниила (поминание в Иерусалиме минских князей) чтобы не относить этих памятников, как у Горецкого, и по языку к белорусским.

II-ая глава посвящена деятельности д-ра Фр. Скорины. Последняя рассмотрена и оценена в общем правильно. Но нельзя не отметить нескольких малопонятных неточностей, часто дающих ложное освещение труду славного полочанина. Так Скорина отнесен к богатым и состоятельным белоруссам, вследствие чего, по мнению Янчука, и отправился для продолжения образования за границу. Этому противоречит явное документальное показание о докторском диспуте Скорины в Падуан-

ском университете, где сказано, что перед медицинской коллегией университета предстал некто ученнейший, но *бедный* юноша, *пришедший* из отдаленных стран, имеющий степень доктора наук... (ср. Ж. М. Н. П. 1892, апр. ст. И. Шляпкина). Этот важный документ Янчуку, очевидно, был неизвестен, иначе он упомянул бы о том, что Скорина был и доктор наук Краковского у-та. Ничего он не знает и о деятельности Скорины у прусского короля Альбрехта Старшего (ст. наши «Белоруссы», III, 2, стр. 241). Предисловия к переводам Скорины рассмотрены тщательно, но почти ничего не сказано о самих переводах: источниках их, пособиях, печатных шрифтах, иллюстрациях; нет даже упоминания о выдающейся работе о Скорине П. В. Владимирова (Спб. 1888 г.). Еще несколько мелочей: 10 стр. вм. «причтах» (bis) следует «притчах»; 12 стр.—сборник библиотеки Рачинских 1594 г. не XV, а XVI в.; стр. 13—Почаевское издание Богогласника 1805 г., но было издание и 1790—1791 г., а позже было несколько изданий. Стр. 14. Про собственно «литературную деятельность Скорины» нам —увы— ничего неизвестно.

III-я глава о деятельности Симона Будного слишком растянута. Будный известен лишь, как автор Катихизиса 1562 г. и «Оправдания грешного человека перед богом», теперь утраченного, напечатанных на старом белорусском языке; остальная его деятельность нашла отражение в произведениях, писанных по-польски, которые не могут составить предмета белорусской литературы. Его взгляды, высказанные в них, составляют предмет разбора в истории культуры. Во всяком случае глава эта не вредна. Следовало лишь по-больше остановиться на противнике Будного старце Артемии. Мелочи: стр. 23 вын. дискосы не кубки, а тарелки, на которых полагается агнец.

IV-ая глава о В. Тяпинском изложена обстоятельно. Не было только надобности приводить все предисловие к его изданию: лучше было бы сделать из него извлечение. Жаль, что не указан источник его перевода Евангелия —польская библия С. Будного, 1572 г.; тогда не пришлось бы датировать его перевод годами 1540-1580 (стр. 30). Не знаю, зачем понадобилось модернизировать выписку из перевода Тяпинского на стр. 37? Неопытный читатель может подумать, что так печатал Тяпинский, а не обозреватель его труда. В конце главы сказано несколько слов о деятельности А. и Гр. Ходкевичей, Смотрицком и полемической литературе. Литература предмета приведена небрежно (перепутаны имена) и неполно, при чем опущены главнейшие работы (Завитневича, Голубева, Петрова И. и др.). Ст. у нас в «Белоруссах» III, 2, стр. 172—209.

V-ая глава касается юридических памятников. Лишь один род юридической письменности—судебники, статуты, уставы—могут составить предмет рассмотрения в истории литературы, но из таких памятников Вислицкий статут, чему уделено много места у Янчука (стр. 43—48), вряд ли имел отношение к Белоруссии, он и явился в Польше. Остальные памятники исчерпаны печатным статутом 1588 г. Их чисто юридические особенности должны найти место скорее в истории белор. права, или культуры вообще, но не литературы.

VI-ая глава, посвященная статутам, представляет по существу продолжение предыдущей. Выдержки из статутов сделаны умело, но редакторские недосмотры есть: стр. 54 вын. 2, вм. 328 т. д. б. XVII т., стр. 58—«опытъ» не «дазнаньне», а опрос—«распытаньне».

VII-ая глава посвящена обозрению содержания Литовской Метрики, где совокуплен очень ценный материал для истории Белоруссии, этнографии и быта. К сожалению литературное значение этого материала ничтожно, и рассматривать его здесь неуместно. Разные формулы писания грамот и актов ценны для дипломатики и отчасти палеографии. Даже язык актов Литовской метрики, так как здесь документы больше в поздних копиях XVI-XVII в. в., имеет значение лишь с словарной стороны. Два перепечатанные полностью документа (о Курбском) белорусской жизни не касаются: в одном пред-

ставлено ограбление московского беглеца немцами, в другом милости польского короля к нему.

VIII-ая глава посвящена деятельности Льва Сапеги, который по словам самого же автора «меў толькі пабочны стасунак да нашага пісьменства» (82). Действительно, настоящих литературных произведений ему нельзя приписать ни одного, так как схоластически построенная приветственная речь королю, напечатанная при статуте 1588 г., могла быть составлена и не им, как и весь статут; на всем заметна только его редакция. Вся его деятельность была направлена на поддержание главным образом католической белорусской шляхты, а не народной массы, которой мало кто интересовался. Вообще и в этой главе (стр. 71—82) больше дается материал исторического, а не литературного характера.

IX глава рассматривает известный памфлет «Речь Ив. Мелешки». Взгляды автора повторяют известную статью проф. Н. Ф. Сумцова. Напрасно только высказано предположение что «Ив. Мелешка»—псевдоним: он не только был делегатом от Смоленска и Мозыря, но даже имел имение в Жировицах Слоним. у. (ср. Ж. М. Н. П. 1916, март, 151, ст. Ф. Ф. Турука). Несомненно, подлинная речь Мелешки подверглась разным переделкам и вставкам со стороны различных лиц, переписывавших ее; отсюда и различие в списках.

X-ая глава посвящена так называемым «Литовским летописям». Материала и притом ценного собрано много, но составитель Очерка не был знаком с главным пособием по изучаемому предмету—премированной работой И. А. Тихомирова: «О составе западнорусских, так называемых литовских летописей» Ж. М. Н. П. 1901, март, май), неизвестно ему, повидимому, и большинство других статей по этому предмету, приведенных у меня («Белорусы» III, 2, 95). Вследствие этого вышла спутанность в изложении: смешаны разные изводы и редакции; не определены основные тенденции летописцев и главные идеи, руководившие ими; не указаны центральные личности; не определено даже время, к какому относятся эти летописи. Из мелочей отметим: на стр. 94 ссылки на Ив. Грозного и Андр. Курбского сделаны так неопределенно, что можно подумать, что об этом говорится в Литовских летописях, чего на самом деле нет. На той же странице вм. Розы, Урсы д. б. Рожи, Урги.

XI-ая глава—памятники светской литературы. Рассмотрена по А. Брюкнеру повесть рукописи библиотеки Красинских о Тундале рыцаре. Статья немецко-польского ученого исчерпана полностью, но во введении к ней есть несколько ненужных рассуждений, не имеющих никакого отношения к белорусской литературе и даже культуре, напр. о сношении поляков с итальянцами, о кровосмешении Ченчи и Беатриче, о подобном случае в роде Пацов. Белорусский текст о Тундале напечатан довольно неисправно: ср., напр., стр. 105: вотяжный вм. витяжный, ибо вм. або, Ротат вм. Котат, стр. 109: одыницовъ вм. одиньцовъ и т. п. Вторая половина этой статьи занята сообщением о Сивилле пророчице по моему реферату в Варш. универс. известиях 1898, II. Статья изложена занимательно.

Отмеченные недочеты не умаляют в общем значения ценного труда Н. А. Янчука, который может читаться белоруссами не без интереса.

Акад. Е. Карский.

Н. Крупская. *Народное образование и демократия. Изд. 3-е. Гос. Изд. Р. С. Ф. С, Р. Берлин 1921 16о, 124 стр.*

Книжка написана т. Н. Крупской еще в 1915 г. Первое издание ее вышло в 1917 г. в издательстве «Жизнь и Знание», при чем книга была сдана в печать еще до февральской революции. Этим об'ясняется то, что автором поставлены не все точки над «і» и сама книга написана отчасти «рыбьим языком»,—цензуры ради. Цензурными условиями об'ясняется и заглавие книжки «Народное образование и демократия», выбранное автором вместо слишком, по ее мнению, революцион-

ного для 1915 г. заглавия «Народное Образование и Рабочий класс».

Книжка переиздается уже третий раз. в революционной повременной печати неоднократно появлялись отзывы о ней; в этих отзывах отмечены крупные достоинства и своевременность книжки.

В своей книжке автор пытается дать историю вопроса о трудовой школе и показать, как менялось содержание этой идеи в зависимости от общих экономических условий,—и от того, какой общественный класс пытался воплотить трудовую школу в жизнь. Вывод был сделан такой: «пока организация школьного дела будет находиться вне сферы влияния рабочей демократии, школа труда будет орудием, направленным против ее интересов. Лишь рабочая демократия, или, точнее рабочий класс, может сделать школу труда орудием преобразования современного общества.»

Со времени написания книжки прошло уже семь лет,—семь лет, в течение которых многое изменилось, как в области социальных отношений, так и в области строительства школы.

Значит-ли это, что книжка Н. Крупской устарела?

«В области народного образования», пишет автор в предисловии к третьему изданию книжки, «более, чем в какой иной, скрывается экономическая отсталость России, ее низкий культурный уровень. Проводить в жизнь трудовую школу должны были учителя старой школы, специально подобранные старым министерством народного затемнения из самых отсталых элементов, заброшенные в большинстве своем в глушь деревень сами полу-темные, чуждые тому великому перевороту, невольными свидетелями которого они являлись и которым они были оглушены и испуганы. Над учительством нужна еще огромная работа прежде, чем оно сможет стать действительным руководителем трудовой школы. Для школы учебы много знать не надо: дисциплина, «от селева до селева» и с делом конец. Другое дело школа труда, где самому учителю надо так много знать и уметь. Учиться, учиться и учиться, вот что надо русскому учительству.

Хороших трудовых школ пока чрезвычайно мало.

Но значит-ли это, что надо вернуться назад к школе учебы? Конечно нет. Школа учебы стала уже невозможной, невозможной потому, что ученики стали другими, пережившими уже революцию, потому, что старые учебники в роде Иловайского в современной школе немыслимы, потому, что за три года и учительство многому научилось, передовая часть его по крайней мере.»

Да, старая школа уже невозможна и учительству, хотя отчасти кой-чему и поучившемуся за время революции, нужно еще многому поучиться, чтобы уяснить себе сущность совершившегося переворота и выставленные этим переворотом принципы народного образования.

В этом отношении книжка т. Крупской может оказать очень большую пользу учительству и теперь, на пятый год революции.

С особенным интересом читаются места, посвященные попыткам реформ народного образования в эпоху Великой французской революции и взглядам на народное образование вождей рабочей демократии (стр. 72—82).

√ **Л. Д. Синицкий.** *Трудовая школа. Ее принципы, задачи и идейные корни в прошлом. Библиотека „Вестника Просвещения". Моск. отд. Гос Изд. М. 1922. 187* стр.

Изданная в первый раз в 1919 г. в Харькове «Союзом потребительных обществ» и переизданная в текущем году в Москве книга Л. Д. Синицкого (Седова) носит преимущественно историко-педагогический характер. Основная мысль автора та, что «трудовая школа является не чем-то надуманным в текущий политический момент, а естественным и логическим завершением всех характернейших педагогических исканий последнего времени и осуществлением лучших чаяний искателей (стр. 90).

В первых четырех главах эта мысль выясняется автором чрез обозначение

характернейших педагогических направлений новейшего времени, каковы социальная педагогика, трудовая педагогика Зейделя и Кершенштейнера, педологическое течение и современные искания полноты духовного развития, наиболее ярким выразителем которых признается Фэрстер.

В пятой главе автор излагает свой собственный взгляд на организацию трудовой школы, подводя, как бы, итог сказанному ранее. «Такая школа», говорит он, «должна одновременно готовить к тем задачам жизни, какие выдвигает нынешний уклад последней и в то же время так организовать жизнь детей, подростков и юношей, чтобы они и сейчас чувствовали себя не только готовящимися к жизни взрослого человека, но жили всей полнотой своей жизни и испытывали всю радость бытия. Уже в этом смысле, как организация подлинной жизни, школа должна быть коммуной, общиной сотрудничества и содружества» (стр. 79). Отличительную особенность такой школы представляет динамический метод, выдвигающий на первый план мускульную сторону психического процесса, метод, который легко сам комбинируется с генетическим. Работа на первой ступени обучения тесно связана с ручным трудом (рисование, лепка, аппликация, самостоятельное изготовление простейших приборов, моделей жилищ и т. п). и ведется по возможности, среди природы. На этой ступени природоведение не только комбинируется с ручным трудом, но является тем общим центром вокруг которого об'единяются все предметы. На второй ступени обучения метод остается прежним — динамическим и генетическим, но если в начальных классах, сообразно с особенностями детского возраста, главное внимание обращается на действенно-мускульную сторону, то здесь на первый план выдвигается действенно-интеллектуальная сторона, все большее и большее развитие уменья самостоятельно мыслить. Главным предметом изучения остается по прежнему земля и человек, но человек в особенности. Подготовкой к сознательному усвоению основ современной техники должен быть углубленный по сравнению с пропедевтическим курс физики и химии, связанный с практическим изучением ремесленного и фабричного производства.

В последних 5-ти главах, об'единенных в общий второй «раздел», автор выясняет ид йные корни трудовой школы в прошлом, в частности, усматривая эти корни в античной системе воспитания, в педагогических взглядах представителей гуманизма, у Раблэ, Монтэня, Бэкона, Коменского, Ж. Ж. Руссо, Песталоцци, Фребеля, Гербарта.

В последней X главе обрисовывается реформа воспитания в Англии согласно запросам современной культуры, делается краткая характеристика французской педагогики XIX в., как педагогики прогресса и человечности, и тот же характер отмечается у русской педагогики в лице ее представителей Белинского, Пирогова и Ушинского.

В книге Л. Д. Синицкого находится не мало интересных и, в сущности, дельных замечаний. Она может быть полезной учителю.

Однако, здесь имеются и недостатки.

Кроме некоторой нестройности плана, книжке не достает того, что выгодно отличает книжку Н. Крупской: у автора нет подхода к пробле е трудовой школы с точки зрения требований, пред'являемых к школе рабочим классом, и совершенно не упоминается о педагогических идеях вождей рабочей демократии, причем историко-педагогические построения автора проникнуты идеалистической тенденцией. Думается, что идея трудовой школы может быть вполне выяснена только при указанном условии, а для полного понимания этой идеи и ее факторов необходимо усвоить точку зрения исторического материализма.

Р. Гюнтлер. *Опытное обучение на основе влечений и переживаний. К практике врачебной педагогики и трудовой школы. С 39 иллюстр. Перевод с нем. Н. Шер-Семковской. Библиотека журнала «Путь просвещения». № 1. Харьков. 1922. 75 стр.*

Перевод брошюры немецкого автора Р. Гюнтлера первоначально был

напечатан на страницах Харьковского журнала «Путь просвещения» и потом издан отдельной брошурой.

Настоящая работа Р. Гюнтлера, руководителя школы для дефективных детей в Хемнице, заключает в себе три лекции, читанные автором по специальным вопросам педагогики дефективных детей.

Своей основной целью она ставит послужить делу развития преподавания в учебных заведениях для дефективных, но вместе с тем лекции имеют значение и для решения общих вопросов трудовой педагогики.

В ряду особых целей, какие ставит себе автор, в предисловии книги отмечается прежде всего стремление к борьбе с широко распространенным предрассудком, согласно которому обучение дефективных рассматривается, как нечто малоценное (теперь этот предрассудок уже изжит, по крайней мере для Сов. России). Автор старается при помощи научно-обоснованных примеров показать, что специальное обучение дефективных должно быть признано весьма важной задачей. Вместе с тем, он доказывает самостоятельность душевной жизни дефективных в ряду других явлений психического характера и необходимость специального подхода к ней.

Приведенные автором примеры основаны на его собственном восемнадцатилетнем опыте.

В связи с поставленным теперь на очередь вопросом о воспитании дефективных детей книжка Р. Гюнтлера приобретает особенный интерес для педагогов,—и здесь можно найти ряд верных мыслей и ценных наблюдений.

Совершенна правильна мысль о воспитании на основе влечений и переживаний, — мысль, высказанная еще Фребелем.

Равным образом согласно с духом всей новой педагогики автор проводит идею активности учащегося,—идею воспитания чрез действие и в процессе действия, подчеркивая вместе с тем, что активность взрослого, нормального и дефективного ребенка в их борьбе за жизнь должна быть различна, ибо основная деятельность совершается у взрослого в форме труда, у ребенка в форме игры, а у дефективного, главным образом, в форме простого подражания.

Верность основных мыслей книжки, однако, еще не говорит за то, что в ней нет вовсе спорных мест.

Стремление к конкретизации или, согласно с терминологией автора, антропологизации учебного материала нельзя доводить до абсурда.

Нечто подобное встречается в расплывчатых без нужды рассуждениях автора во второй лекции.

«Изобразить на чертеже высокий образ мыслей», утверждает он, а также прямоту и низость *весьма легко* (!). Я рисую *просто* человеческую фигуру или же три человеческих схемы и посылаю от лба или из сердца стрелы, направляющиеся вверх, прямо и вниз. Недостойное чувство — себялюбие я изображаю посредством идущей от лба стрелы, ведущей ко рту или животу (стр. 55).

Совершенно сомнительная легкость и довольно загадочные символы!

Наличность малообоснованных мыслей в книжках иностранных авторов, появляющихся в русском переводе, указывает на необходимость подхода к ним с критической точки зрения.

Крупный недостаток книжки Гюнтлера—слишком суммарный характер его понятия «дефективный ребенок». Следует различать виды дефективности и также соответствующие этим различиям педагогические приемы.

Н. Б.

Педагогическая мысль. *Общепедагогический журнал под редакцией И. С. Симонова, И. М. Гревса, Н. А. Герда и Д. Н. Егорова. Петроград 1922 г., № 3-4.*

В августе м. вышел в издательстве Брокгауз-Ефрон № 3—4 «Педагогической Мысли».

Книжка вышла с передовой статьей «От Редакции», статьей, очень важной для характеристики журнала.

«С настоящей книжки», говорится здесь, «Педагогическая Мысль выходит в новом издательстве и под обновленной редакцией, но единомысленной с

прежним руководителем, что и видно из его участия в ней... Четыре года журнал стремился твердо следовать по начертанной дороге серьезного, принципиального обсуждения вопросов просвещения, отыскивая правду о нем в теоретической научной работе и вдумчивом наблюдении на практике. В течении протекшего периода, очень трудного для независимой печати, голос его одиноко звучал в области педагогической работы.

Ныне расширенная редакция искренно желает продолжить разработку той же ответственной задачи, приглашая к труду новые силы и углубляя далее программу. Приходится выступать на труд в момент глубокого кризиса школы, всего русского просвещения.

Надобно напряжение всех живых сил, чтобы поднять великое дело, восстановить преемство и энергию просвещения. Возврата к прежнему быть не может. Старые формы отжили свой век. Необходимо создавать новые, ибо новою стала страна...

Для этого требуется неуклонная работа, стойкая, беспристрастная и убежденная. Нужно пересмотреть цели и средства, выделить ценное, осознать и сплотить искания, оживлять хорошие предания, строить идеалы, исследовать пути, оживлять планы, собирать матерьял. Это обязанность педагогической печати. «Педагогическая мысль» видит свой долг в посильном служении этой важной задаче...».

Пересмотру идеалов педагогики революционного времени и посвящена первая статья книжки «Что есть трудовая школа?» И. М. Гревса.

Правильно-ли был понят трудовой принцип, правильно-ли была поставлена и верно-ли понята идея школьной перестройки в пламени революции?—спрашивает автор и критически рассматривает определившиеся во время революции понимания трудовой школы: а) как школы физического труда, б) как школы политехнической, в) как «трудовой коммуны». В противоположность идее профессионализма автор устанавливает, что школа должна быть образовательной раньше, чем стать профессиональною, — тезис, который и раньше был выставлен им на страницах «Педагогической мысли» (1921 г. № 1—4, ст. «Два педагогических идеала»). Основная мысль автора выражена в следующих словах: «Трудовая школа—это та, которая стремится развить личность всеми силами души и тела, которая зажигает в питомцах жажду познания и творчества, вызывает потребность и растит способность к необходимой для них постоянной работе. Она воспитывает энергию всеми доступными ей, дружно комбинированными средствами, укрепляет понятие, что труд есть долг и умеет научить ему, как радостной деятельности. Трудовая школа, поднимая личность и обращая ее к миру, помогает ученикам сходиться друг с другом в живое общество, старается вдохнуть в души их симпатию ко всему живущему, ищет пронизать душу активными идеализмом к свету и благу. В последних словах концентрируется понятие об ее цели, желанном результате».

Из последних слов автора видно, что он стоит на точке зрения *педагогического идеализма*.

Кроме статьи И. М. Гревса в общем отделе помещены статьи: Е. Досычевой «Творческое чтение и письменные работы учащихся на второй ступени», В. А. Герда «Естествознание в начальной школе» и Л. Щербы «К вопросу о летней школе».

Основная мысль статьи В. А. Герда: главная задача нашего времени планомерная систематическая работа над утверждением естествознания в начальной школе.

Нельзя не согласиться с этою мыслию.

Л. Щерба в своей статье отрицает самый термин «летняя школа». Главными признаками школы для него являются неуклонная обязательность посещения школы, напряженность умственной работы и выполнение самостоятельной домашней работы. Вместе с тем он подчеркивает значение летнего отдыха и перерыва занятий.

Кой-что в замечаниях автора правильно.

Богато, как и ранее, в журнале обставлен библиографический отдел, в

педагогической хронике освещены явления из области культурно-просветительной работы за-границей и в различных частях Советской федерации.

Общее заключение о рассмотренной книжке «Педагогической мысли»: расширенная редакция журнала продолжает держаться того пути, который был начат 5 лет тому назад ставшим теперь ответственным редактором И. С. Симоновым.

Н. Бойков.

На путях к новой школе.

Орган Научно-Педагогической Секции Государственного Ученого Совета, № 1, июль 1922 года. Москва.

Журнал является выразителем взглядов идейных руководителей нашей школы, близко стоящих к делу Управления школой. В общем отделе напечатаны 4 статьи: Гордона «Новая школа, принципы, структура, методы»; Шацкого «Школа для детей или дети для школы;» Крупской «Задачи школы I-й ступени» и Блонского «Педагогические задачи начальной школы». Все эти статьи пытаются разрешить принципиальные вопросы, касающиеся задач и структуры начальной школы, имея, очевидно, в виду определить основные точки зрения на этот предмет к предстоящему в скором времени Всероссийскому С'езду работников школ I-ой ступени. Как в редакционном предисловии, так и в самых статьях авторы определенно констатируют, что опыт массового строительства трудовой школы в обстановке полного отсутствия самых необходимых, самых элементарных предпосылок, дал больше отрицательных, чем положительных результатов; что русское педагогическое дело претерпевает страшные удары, вызывающие большую тревогу за его дальнейшую судьбу; что после 4-х лет всевозможных попыток, больших и малых, талантливых и бездарных, серьезных и глупых мы, разочарованные пришли к разбитому корыту старой школы. Но и отрицательный опыт есть также опыт громадной важности; его нужно учесть, чтоб не возвращаться к старым ошибкам; благодаря ему «мы много приобрели и начинаем кое-что понимать» (Шацкий). Причиною неудавшегося массового опыта строительства новой школы авторы считают полное отсутствие самых необходимых условий для этого в голодной, обнищавшей стране, отсутствие сплоченности учительства на почве педагогических идей, без которой усилия единиц пропадают, начатое обрывается, у начинателей нет продолжателей (Редакция). Но пожалуй, более прав Шацкий, которого тревожит особенно идейная сторона дела, не менее шаткая, по его словам, чем материальная, та сбитость с фундамента, растерянность, которая чувствуется сейчас в общественно-педагогической жизни.

К сожалению, новый журнал не подводит пока этого твердого фундамента под здание новой школы, и авторы указанных выше статей далеко не согласны между собою в основных принципах организации школы. Так, Гордон в своей статье раскрывает содержание школы не из личности ребенка, не из переживаний, свойственных данному возрасту подрастающего, вообще не из психологии, а из социологии—из нужд и потребностей современной культуры; того же направления держится Крупская и особенно Блонский. С точки зрения общественной, говорит Гордон, не школа существует для детей, а дети для школы, так как школа есть как раз тот социальный институт, который обслуживается детьми, и годы, проводимые ими в школе, являются их общественным служением. Шацкий, озаглавливая свою статью «Школа для детей или дети для школы», убежденно заявляет, что основной педагогический вопрос, который должен сдвинуть с места современную туманную педагогику, не в том, что такое та школа, которая нам нужна, а что такое детская жизнь, какие ее характерные черты и в чем ее ценность для работы школы. Нужно прежде всего дать детям возможность жить в школе по детски, дать необходимый материал для их текущей жизни. «Да что же такое, наконец, школа?» спрашивает Шацкий и очень осторожно отвечает: «Во всяком случае школа

есть место, где преимущественно, *как будто* идут процессы воспитания и образования».

Нет единства во взглядах авторов и насущность трудового воспитания в школе. Гордон в понятие труда включает, как физический, так в равной мере и умственный труд, причем и тот и другой в применении к школе имеют смысл лишь постольку, поскольку они построены на началах физической и психической самодеятельности. Принцип активности или самодеятельности —основной принцип новой школы, почему ее следовало бы назвать, по мнению Гордона, «школой действия»: этим был бы избегнут старый предрассудок, связанный с представлением о труде, как труде физическом по преимуществу. Крупская решительно восстает против понимания новой школы, как «школы действия»; по ее мнению, в организации школьной жизни господствующуюся роль должен играть *производительный* труд детей, то-есть труд, создающий известные материальные ценности. Важен выбор труда, который должен быть согласован с интересами детей, их представлениями о производительном труде. «И таскание воды, и колка дров—труд, и собирание лекарственных растений, и рисование плаката, и устройство школьного музея, и обшивание малышей детского сада, и собирание грибов и сучьев—труд». Такого же взгляда на трудовое воспитание держится и Блонский.

Реформаторы русской школы, как известно, об'явили ее политехнической, понимая под этим усвоение подростающими необходимых для жизни элементарных технических навыков и видя в этом, главным образом, ее социальный и гуманитарный характер (Блонский. «Трудовая школа»). Сейчас в понятие политехнизма вкладывается уже иное содержание. Гордон под этим термином понимает культировку крепкого и тренированного организма, точной и гибкой мысли, умения ориентироваться в основных направлениях и главном содержании культуры; такому пониманию этого термина соответствует и старинное значение греческого слова «Тэхнэ», которое относилось не только к искусству строгать или пилить, но и к искусству заострения мысли в теоретическом исследовании или словесном поединке. Крупская под политехнизмом понимает всестороннее изучение трудовой деятельности народа, что должно составлять основу школьной программы. Политехнизм не есть многоремесленность; такое понимание ошибочно. Изучение конкретной, близкой ребенку трудовой деятельности должно стать базой изучения хозяйственной жизни страны в целом.

Нет единства во взглядах названных авторов и на такие школьные занятия, как «самообслуживание» и «трудовые процессы», которые в последние годы играли выдающуюся роль в жизни нашей школы. Гордон и Крупская относятся отрицательно к тем формам этих понятий, которые употреблялись в наших школах, причем Гордон трудовые процессы рассматривает не как конкретный материал—содержание политехнической школы, а лишь как один из основных ее методов. Блонский же по прежнему в число видов труда, возможных в начальной школе, включает и уход за помещением и несложныя работы с деревом и другие.

Такая несогласованность в основных педагогических взглядах авторов, об'единившихся для идейной работы в новом журнале, является сама по себе странной; она особенно не желательна потому, что авторы близко стоят к управлению школой и имеют, несомненно, значительное влияние на конкретные формы нашей школьной структуры. Значительная доля неудачи строительства трудовой школы должна быть отнесена к тому, что в понятие трудового воспитания не вносилось полной определенности, ясности, что трудовая школа строилась без соображения ея принципов с фактической возможностью их осуществления. Великая идея трудового воспитания, идея великого Песталоцци, с'умевшего воплотить ее в жизнь, в значительной степени дискредитирована у нас, благодаря отсутствию определенных, ясных и практически осуществимых взглядов.

В разбираемых статьях есть не мало верных мыслей, которые могут и должны быть положены в основу строительства школы. Безусловно правильна основная мысль Шацкого, что школу нужно строить на психологическом фундаменте. Только этот фундамент есть глубокий и прочный, и социальные основы воспитания только тогда правильны, когда базируются на нем. Совершенно правильна мысль Гордона, что основным принципом новой школы должен быть принцип активности, физической и психической самодеятельности. Следуя Лаю, он рекомендует называть новую школу «школой действия». Отводит видное место Гордон труду умственному, который в последние годы мы склонны были не дооценивать и даже не считать его трудом. Еще Ушинский говорил, что умственный труд, может быть, самый тяжелый труд и не даром очень многим людям так свойственна умственная лень. И странно было бы, если бы в трудовой школе этот вид труда не занял видного места. В настоящее время и Блонский в своей статье отводит уже $^3/_5$ учебного времени на интеллектуальное воспитание и настаивает на необходимости специальных учебных часов для обучения грамоте, счету и т. п. Это большая уступка с его стороны после того, как в своей «Трудовой школе» он неоднократно повторял, что всякая система при начальном обучении вредна, так как она уменьшает, суживает возможность получения ребенком знаний, что все знания должны сообщаться *при случае*, в связи с работой школьников, и должны быть лишь естественным следствием этой работы. У цитируемых авторов нет в настоящее время и того исключительно отрицательного отношения к старой школе, которое замечалось у них раньше. Так Гордон определенно говорит, что далеко не все те методы, которые применялись в старой школе, плохи и непригодны для школы новой и должны, якобы, быть заменены единым «трудовым» методом. Из старых методов должны быть отвергнуты, разумеется, говорит Гордон, те, которые превращали ученика в пассивно воспринимающий резервуар всяких на веру собщаемых знаний. «Но мы считаем нисколько не изжитыми и не превзойдеными метод наглядный и метод формального упражнения».

Все авторы обращают, конечно, серьезное внимание на социальное воспитание, справедливо полагая, что коллективный труд в школе и самоуправление учащихся являются лучшими условиями для осуществления этой задачи. Но взгляды на практические формы осуществления принципа самоуправления несколько расходятся. Блонский все еще возлагает большие надежды на общие собрания учащихся, которые он рекомендует делать ежедневно и которые должны регулировать всю жизнь школы и класса. Крупская справедливо придает большее значение не готовым формам социальной жизни учащихся, а самостоятельной выработке этих форм, хотя бы и не совершенных, детьми. И это понятно, потому что в процессе выработки этих форм школьной жизни у подрастающих должно сложиться жизненное убеждение, что совместная жизнь требует от каждого из них известного самоограничения в интересах коллектива. Это основное требование всякой социальности должно быть усвоено подрастающими не путем поучений и наставлений, а жизненным опытом. Нужно, чтобы учащиеся привыкли отдавать на служение коллективу не мысли только свои, тем более не слова, а свои дела. К сожалению, авторы не развивают этой мысли и попрежнему не хотят связать социальное воспитание с нравственным.

Крупская, между прочим, высказывает здравую мысль, что самоуправление учащихся нельзя смешивать, как это делают многие, с управлением школой Управление школой—дело очень сложное; оно требует и знания людей, и ясного представления о задачах школой, и большого житейского опыта. Ничего этого нет у детей. Эту мысль не мешает подчеркнуть, так как недалеко то время, когда мы склонны были увлекаться «правом решающего голоса» учащихся в советах чуть ли не на «паритетных» с учителями началах.

Все еще придавая большую цен-

ность «производительному» труду, т.-е. труду, дающему определенные ценные в материальном отношении результаты, авторы (Крупская, Гордон) рассматривают труд и как метод воспитания. Эта последняя точка зрения нам представляется наиболее правильной. В самом деле, «материальные плоды трудов, говорит Ушинский, можно отнять, наследовать, купить; но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии: она остается у того, кто трудится. Недостаток то этой незримой ценности, производимой трудом, а не недостаток бархата, шелку, хлеба, машин, вина, погубил Рим, Испанию, вырождает сословия, уничтожает роды и лишает нравственности и счастья многие тысячи людей». Увлекаться производительностью труда, особенно в начальной школе, нам казалось, не следовало бы.

В связи с вопросом о производительном труде почти всеми указанными авторами выдвигается вопрос о сельско-хозяйственном уклоне начальной школы. Отказавшись, повидимому, от мысли об индустриальной школе, Блонский усиленно пропагандирует теперь сельско-хозяйственный уклон ее. В том же нумере журнала помещен его доклад в заседании Научно - Педагогической Секции ГУСА, из которого мы узнаем, что реформа школы в этом направлении серьезно обсуждается в руководящих сферах. Нам кажется, что если бы такая реформа была проведена в жизнь, то для нашей, преимущественно сельско-хозяйственной страны, она была бы во всяком случае во много раз ценнее, чем идея индустриальной школы. Необходимо только, чтобы уклон этот не превратился в профессионализм и не затемнил обще - образовательных и гуманитарных задач начальной школы. Повидимому, опасность такого положения существует, так как бывшие на упомянутом совещании Петроградские педагоги с силой возражали против этого и один из них заявил, что школа с сельско - хозяйственным уклоном в таком случае провалится так же, как провалилась трудовая школа. В результате прений была принята резолюция с оговоркой Петроградцев, что сельско-хозяйственный уклон школы не означает преобразования ее в профессиональную и не ослабляет обязательства дать детям прочные умственные навыки.

Не мало и других интересных вопросов затронуто в разбираемых статьях нового журнала: об экскурсионном методе, принципе жизневедения, комплексном методе и др. Ничего лишь не говорится об индивидуализации воспитания, принципе, который в последние годы отошел на задний план, но который имеет не меньше значение, чем вопрос о трудовом и социальном воспитании. Совершенно ничего не говорится и о самом насущном и самом важном вопросе настоящего времени—о положении учительства. А между тем без удовлетворительного и немедленного разрешения этого вопроса безусловно обречены на гибель все благие начинания новой школы. На упомянутом выше совещании педагогов Блонский, между прочим, сказал, что современный учитель одинаково не подготовлен ни к какой школе: ни к старой, ни к новой. Это в значительной степени верно, но к этому нужно добавить, что он и не будет подготовлен, если положение его останется тем же, что было, и особенно тем, что есть. Новая школа требует от учителя больших знаний и умений, большой преданности делу, больших усилий. Она трудовая больше для учителя, чем для ученика. В настоящее время больше, чем когда либо, могут быть признаны справедливыми слова нашего стараго педагога, профессора Юркевича: «легче всего подготовить профессора, труднее—учителя среднейшколы и очень трудно—учителя начальной школы». Необходимо, наконец, создать такое положение учителя, чтобы он не мог говорить о себе: «кого боги возненавидели, сделали педагогом».

Кроме общего отдела, в новом журнале имеются отделы: из педагогического опыта, хроника русская и заграничная, библиография, русская и иностранная. Отделы эти не блещут пока содержательностью и разнообразием.

Д. Сцепуро

ХРОНИКА

Деятельность органов Наркомпроса

Польская культурно-просветительная работа в Советской Белоруссии.

Вследствие тяжелых условий, в частности, большого недостатка квалифицированных педагогических сил Ц. П. П. Б. не могло развить в достаточном об'еме свою работу. Однако не смотря на все трудности и препятствия, среди польского населения Белоруссии развивается стремление к советскому просвещению, о чем свидетельствует законченная работа 1922 года некоторых школ. Молодежь, старших групп семилетки, выдержала экзамен и целиком вливается для продолжения обучения в польпедтехникум. Ц. П. П. Б., учитывая всю важность своей работы на Белорусской территории, отдает все свои силы, чтобы учебные учреждения могли стать на должную высоту и выпустить политически-воспитанных специалистов. В некоторых отношениях это частью достигается и ряды коммунистов среди польского населения пополняются свежими силами.

Крестьянство в уездах постепенно начинает оценивать положение Совреспублики и общими силами старается удержать школы на свои средства, чтобы иметь возможность обучать своих детей в социалистическом направлении, о чем свидетельствуют требования из отдельных волостей о присылке им новых учителей для замены старых, которые отравляли молодежь в деревне клерикально-шовинистическим ядом. В этом отношении Ц. П. П. Б. приняло все меры и организовало 6-ти недельные курсы для уездных учителей, куда специально вызван из Москвы тов. Бабинский.

До сего времени польработа не могла стать на должную высоту, в частности, благодаря непрерывной реорганизации польучреждений в Белоруссии. Особенно неблагоприятным явилось сокращение штатов учительского и инструкторского персонала, вследствие чего Ц. П. П. Б. осталось совершенно оторванным от уездов.

После сокращения целого кадра работников Ц. П. П. Б., переживая слишком тяжелый кризис, не имело возможности контролировать работу на местах и таковая велась по усмотрению каждого учителя в отдельности, без всякого контроля и отчета. При таких обстоятельствах трудно было вести правильную статистику о ходе польработы на Белоруссии. В свою очередь критическое положение самих учащихся, нерегулярное посещение ими школ за неимением теплой одежды и обуви, самое состояние школьных помещений, в большинстве с разбитыми окнами, поломанными печками, препятствовали правильной работе и ее учету. Все эти недочеты школьного дела как в самом Минске, так и в уездах возможно будет урегулировать лишь с началом нового школьного года при помощи соответствующих инструкторов.

Ц. П. П. Б. имеет в своем ведении техникум, преобразованный из 2 летних педагогических курсов с 15 июня 1922 года. Слушателей насчитывается по сие время 57, преподавателей 17 чел. В 1921—22 уч. году на курсах проходились следующие предметы: русская литература, белорусская литература, история польской культуры, все-

общая история параллельно с историей Белоруссии и Польши, география, космография, математика природоведение с физикой, рисование, лепка, гимнастика, пение, музыка, огородничество, основы сельхозяйства, Совконституция, политэкономия, история социализма и рабочего движения.

В самом гор. Минске кроме польпедтехникума в начале уч. 1922—23 года будут открыты три польские школы,—одна полная семилетка, которая будет считаться вступительной группой польпедтехникума и две четырех комплектных. Кроме того, будет открыта на окраине города одна школа с белорусско-польским характером.

Польских детских домов в Минске —4; во главе каждого поставлен один из более сознательных коммунистов и воспитание детей ведется под их наблюдением. Дом № 26 имеет две мастерские: сапожную и портняжную, в которых дети обучаются ремеслу.

Клубная работа в самом гор. Минске ведется нормально. При клубе им. Розы Люксембург об'единена и культурально-просветительная работа. Имеются кружки как-то: драматический, юный спартак, столярная и слесарная мастерские, в которых тоже обучается часть старших детей из детдомов.

О ходе польской культурно-просветительной работы в Советской Белоруссии наглядное представление дают ниже помещенные таблицы.

1. *Школы*:

№ по порядку	НАЗВАНИЕ ГОРОДА И УЕЗДА	Одно комплектн.	2-х комплектн.	3-х комплектн.	4-х комплектн.	5 комплектн.	6 комплектн.	7 комплектн.	Всего школ	Число детей посещ. школ.	Число учителей
1	Гор. Минск	—	—	—	3	—	—	1	4	1000	27
2	Борисовский уезд . .	—	24	4	—	—	—	1	29	995	33
3	Бобруйский	—	2	11	5	—	—	—	18	745	21
4	Минский.	—	—	3	1	—	—	1	5	283	10
5	Слуцкий	—	—	3	4	—	—	1	8	221	11
6	Мозырский	—	2	3	1	—	—	—	6	200	6
7	Игуменский	—	—	3	—	—	—	—	3	99	3
	ВСЕГО . .	—	28	27	14	—	—	4	73	3543	111

2. Детские дома:

№ по пор.	№ д. д.	Адрес детского дома в Минске	Колич. детей	Колич. воспитат.	Колич. тех. перс.	Колич. учеб. груп.
1	12	Коломенская, № 2	52	5	5	3
2	8	Советская, 102	60	5	5	—
3	17	Провиантская, 11	43	4	—	2
4	26	К. Маркса, 37	32	3	1	2
		Итого .	187	17	11	7

3. Детские сады:

№ по пор.	№ дет. сада	Колич. детей	Колич. воспитател.	Колич. тех. перс.
1	11	58	3	1
2	14	40	2	1
	Итого .	98	5	2

4. Клубы, читальни и библиотеки:

№ по пор.	МЕСТНОСТЬ	Число клубов	Число читален	Число библиотек	Число книг.	Число читающих.	Школы для взрослых	
							Число школ	Число учащ.
1	Гор. Минск и его уезд . . .	1	1	2	5000	—	1	4
2	Борисовский уезд	1	—	1	—	—	1	160
3	Бобруйский	2	2	—	—	—	—	—
4	Игуменский	2	1	1	—	—	—	—
5	Мозырский	—	16	1	—	—	3	45
6	Слуцкий.	1	—	1	2800	41	1	50
	ИТОГО. . .	7	20	6	—	—	6	259

Зав. Центрпольпробюро А. Кениг.

чти все школьные здания требуют капитального ремонта. От недостатка помещений страдают, гл. образ., линейные школы, и Культотделу приходится делать большое напряжение, чтобы выйти из этого затруднения. Испытывается также большая нужда в школьном инвентаре, учебных пособиях и книгах.

Школьная работа в истекшем году велась в общем нормально. Незначительные перебои в работе были по случаю болезни школьн. работников и временного отсутствия топлива, вследствие чего программа не во всех школах была пройдена полностью. Не смотря на это, все же успехи учащихся оказались выше, чем в предыдущем учебном году. В школах проходилось все предусмотренные программою предметы, включая и иностранные языки.

Обращалось внимание на художественное воспитание, особенно в полных семилетках. Для физического воспитания не было руководителей и подходящих помещений, а потому пришлось ограничиться только гимнастическими упражнениями. При одной из Минских школ устроена небольшая столярная мастерская. В Борисовской и Минских школах организованы довольно хорошие ученические хоры; учащимися 2-ой Минской семилетки составлен струнный и духовой оркестр; там же имеется драматическая студия В школах устраивались ученические спектакли в пользу голодающих, красн. армии и в неделю помощи школе.

В школах-семилетках полных большую пользу по части самоорганизации учащихся оказывал Комсомол.

Учебный год закончился несколькими школьными экскурсиями и прогулками.

В ведении Минского Культотдела *Зап. ж. д.* имеются 3 школы-семилетки полные, 3 неполные семилетки, 1 детский сад (на 60 детей), среднее техническое училище, непосредственно подведомственное Гомельскому Доркультотделу, и старшие отсеченные группы бывшей школы II ступ., преобразованные недавно в гуманитарно-педагогический техникум. В 1921/22 уч. году в этих школах обучалось до 3.000 детей железнодорожников; школьных работников числилось 87 челов. Школьная работа здесь также подвинулась вперед. Учебный год закончился нормально; успешность учащихся вполне удовлетворительна.

С неуспевающими учащимися старших групп организованы летние занятия.

Преподавание искусств, а также физическое воспитание велось не во всех школах из-за отсутствия средств и подходящих помещений. При 17/60 школе имеется столярная мастерская. Учащимися Минских школ устраивались несколько раз школьные вечера, спектакли, концерты в пользу голодающих, кр. армии и для усиления школьно-хозяйственных средств. Весною было произведено несколько школьных экскурсий за город.

Некоторые школы, расположенные на малых станциях, не имеют подходящих помещений, а потому не могут развить свою деятельность до нормальных пределов.

Все школы на Зап. ж. д. также нуждаются в необходимом инвентаре, школьных пособиях и книгах.

В линейных жел.-дор. школах на обоих участках в небольшом количестве обучаются также дети и нежелезнодорожников.

В довоенное время некоторые железнодорожные школы были хорошо обеспечены инвентарем и учебными пособиями. За время войны и оккупаций школы на обоих участках сильно пострадали в материальном отношении; некоторые из них лишились собственных своих помещений и почти всего имущества. Особенно большой вред школам причинили поляки: здание одной школы сожжено ими со всем имуществом (Алекс. ж. д.), из другой школы (Зап. ж. д.) увезено богатое оборудование класса ручного труда, при чем увезены столярные и слесарные станки и много ценных инструментов.

В настоящее время принимаются меры к улучшению материального положения жел.-дор. школ, количество которых, начиная с 1917 г., несмотря на тяжелые обстоятельства, увеличилось более, чем в два раза.

С. С.

Из опыта новой школы.

Пешеходная экскурсия в Изяславль.

В конце минувшего учебного года, в конце июня и начале июля, Минским Педагогическ. Обществом была организована для учащихся школ гор. Минска пешеходная экскурсия в м. Изяславль. (24 версты). Экскурсия поставила себе целью ознакомление с историческими и археологическими памятниками Изяславля и его окрестностей. В ней приняли участие два руководителя: пр. пр. Н. Г. Маслаковец и В. П. Сущинский и 37 учеников школ-семилеток.

Накануне отправления была проведена предварительная беседа, на которой экскурсанты познакомились и историей Изяславля, с целью, планом и маршрутом экскурсии.

29 июня экскурсанты совершили переход Минск—Изяслявль. Каждый нес сумку с необходимыми вещами. Во время перехода было сделано 2 привала для отдыха и принятия пищи. Вечером того же дня экскурсия прибыла в Изяславль и участники были размещены в классных помещениях местной семилетней школы для ночевки.

30 июня и утром 1 июля был произведен осмотр Изяславля и его памятников. Были осмотрены: в северной части Изяславля: укрепление («вал»), обнажение культурных слоев укрепления на берегу реки Свислочи, слияние рек: Свислочи и Черницы, Преображенская церковь, Дехновская гора и курганники, в западной части: второе укрепление («Замочек»), б. помещичьий двор и парк, в южной части: курганные могильники (Черничная, кладбищенская и Свислочская группы), Черная гора, Черница.

Кроме указанных исторических мест осмострены: паровая мельница и смолокуренный завод.

Экскурсанты во время пребывания в Изяславле получали горячую пищу в детском доме. Обратный путь совершен поездом. Экскурсия продолжалась неполных 3 суток.

3 июля уже в Минске участники экскурсии продолжали знакомиться с историческим материалом, относящимся к Изяславлю: осмотрен музей Минского Общества Истории и Древностей, в котором хранятся предметы раскопок в Изяславле летом 1921 г.

Экскурсия закончилась анкетным опросом участников, который выяснил, что более всего заинтересовало экскурсантов, что оставило неблагоприятное впечатление. Это дает возможность в будущем исходить из полученных данных. Участники остались довольны и выражали желание и впредь участвовать в подобных экскурсиях.

Удачный опыт пешеходной экскурсии в Изяславль, надо думать проложить дорогу в деле организации экскурсий по всестороннему ознакомлению с краем.

В. Сущинский.

Волостной школьный музей.

На Самохваловичской волостной конференции школьных работников 2 июля 1922 года был поставлен на обсуждение вопрос об волостном школьном музее. По этому вопросу был сделан доклад шк. раб. М. А. Ломако, выставившим следующие тезисы:

1. Общие положения:

1) Крайняя бедность школ учебными и наглядными пособиями диктует необходимость из'ять некоторые пособия из отдельных школ, сконцентрировать их в волостном селе и пользоваться ими по очереди.

2) Каждая школа ежегодно представляет в музей образцы всякого рода ученических работ, что служит во 1-х побуждением для

соревнования, во 2-х материалом для истории строительства трудовой школы.

3) Музеем приобретаются по 1 му экземпляру по возможности всех вновь издающихся учебников, дабы можно было выбрать из них наилучший для применения в нашей местности.

4) Для переподготовки старых шкрабов и подготовки молодых сообразно с требованиями трудовой школы необходимо иметь при волостном музее литературу по вопросам педологии. По одному экземпляру издающихся педагогических журналов, наиболее популярных трудов по психологии, школьной санитарии и по всем вопросам трудового воспитания не так трудно приобресть коллективом, пользоваться же ими мог бы каждый шкраб волости.

5. Всякого рода коллекции: ботанические, зоологические, минералогические, технологические, образцы местных производств, образцы народного творчества в области искусств составят богатое отделение краеведения.

6) Переживаемая нами эпоха, величайшая в истории человечества, эпоха смертельной борьбы двух миров, возлагает на нас, ее свидетелей и участников, священную обязанность сохранить памятники этой эпохи для потомства, для истории. В деле собирания памятников больше всего могут сделать в сельских местностях школы. Почему и это, историческое отделение вполне уместно при школьном музее.

7) Таким образом музей намечается в составе 4-х отделений: 1) пособия и учебники, 2) учительская библиотека 3) отделение краеведения и 4) историческое отделение.

II. Источники пополнения музея.

8. Наиболее верным и богатым источником пополнения музея являются сами школы. Они будут представлять: а) образцы ученических работ, б) заготовленные ими коллекции в) записи народных песен, поговорок и проч. Каждому школьному коллективу дано будет определенное задание заготовить те или иные предметы, чтобы они, собранные со всей волости, в общей сложности давали бы полную картину местного края. Это потребует широкой постановки экскурсионного метода, умения составлять гербарии, делать препараты. В связи с этим поднимется на должную высоту преподавание естествознания в школе.

III. Значение музея.

9. Из предыдущих тезисов, определяющих функции отделений музея, видно, громадное значение музея для оживления школьной работы, для самообразования учащих, для науки.

Необходимо отметить, что музей окажет большое и очень важное воспитательное влияние. Он будет развивать в учащих и учащихся организационные навыки и навыки коллективной работы.

Комиссия, избранная конференцией шкрабов для детальной разработки вопроса о музее, выработала следующие положения по докладу.

1) К 1-му ноября с. г. все школы волости должны представить копии описей наглядных и учебных пособий и учительских библиотек.

Комиссия делает выборку тех учебных и нагл. пособий и тех руководств, которые могут быть изъяты для музея.

2) Месткому Раб. Просвещения следует сейчас же войти с ходатайством пред соответствующими организациями об отводе помещения.

3) Комиссия наводит справки, какие в настоящее время издаются в Республике педагогические журналы, и к 1-му ноября составляет смету на выписывание их.

4) Средства на выписывание журналов создаются путем самообложения учащих.

5) Каждый учащий жертвует не менее одной книги научного содержания по одной из следующих дисциплин: педологии, социологии, естествоведению, математике. Книга может быть заменена деньгами в размере 150 руб. вып. 22.

6) Ежегодно 28-го сентября и 5-го мая по всей волости устраивается так называемый «день просвещения». При каждой школе устраивается собрание населения, на котором учащие выясняют населению цели и задачи единой трудовой школы, ведут беседы о работе и нуждах данной школы и выявляют значение музея.

После чего производится сбор пожертвований в пользу музея по подписному листу.

Эти собрания также принесут громадную пользу для связи школы с населением.

7) Среди учительства образовывается драматический и хоровой кружки. Весь чистый доход от постановки спектаклей, концертов, поступает в пользу музея.

8) Всякого рода штрафы, пени, налагаемые на учащих в порядке товарищеской самодисциплины вносятся в кассу музея.

9) При музее организуется киоск для продажи газет, журналов, книг, учебников и письменных принадлежностей. Вся чистая прибыль поступает в пользу музея.

10) Один из учащих Самоуваловичской семилетки освобождается от значительной части учебной работы и избирается заведывающим музеем.

В круг его обязанностей входит: 1)сношения по делам музея со всеми лицами и организациями, 2) изыскание средств для пополнения музея и самое пополнение его по директивам общего собрания, 3) определение заданий школам по составлению коллекций и инструктирование школьных работников в этом отношении, 4) прием, выдача книг и прочих материалов и заведывание киоском.

М. Ломако.

Из жизни Союза.

Губконференция Союза Белрабпрос.

В Минске 8 и 9 сентября состоялась Губконференция союза Белрабпрос.

Присутствовали делегаты от Уотделений Союза: Слуцкого—тов. Гиткович, Борисовского—тов. Абрамович, Мозырского—тов. Драп, Бобруйского—тов. Успенский и Вержбицкий и Игуменского—тов. Каплан.

Члены правления: т. т. Нодель, Ахрамович, Садовский, Масевич, Блецько, Драбович; члены Ревизионной Комиссии: т. Робенраут и Шект.

Председатель Нодель.

Секретарь Ахрамович.

На повестку были поставлены следующие вопросы:

1) Отчет Правления.
2) Доклады с мест.
3) Доклад о деятельности Наркомпроса.
4) Доклад Правления Союза о ближайших задачах Союза Белрабпрос.
5) Выборы.

I. Работа Правления.

Отчет Правления Белрабпрос о профессиональной работе с 18-IV по 1-IX 1922 г. сделал т. Ахрамович.

Общие замечания.

Первые месяцы деятельности Прав-

ления Союза проходили в обстановке основной перестройки Союза, что неизбежно приводило к некоторому разрыву связей между Союзными ячейками. Правление само приспособлялось к новым требованиям и не могло давать достаточно руководящих указаний на места, которые сами приспособлялись к местным особенностям. Но постепенно Союз упрочивался и начал с успехом разрешать выдвигаемые жизнью вопросы. Связь усиливалась с каждым днем, обстановка работы выяснялась и в настоящее время Союз, проделав большую работу, окреп и готов в дальнейшем с успехом проводить пролетарскую союзную политику. Работа Правления шла по двум направлениям: организационно-инструкторскому и тарифно-экономическому. Первые месяцы требовали усиления организационной работы, поэтому на ней сконцентрировалось особенное внимание.

Разлияние.

Первое же знакомство с работой Белиспроса показало, что необходимо разлияние на Рабпрос и Рабис, ибо работники этих союзов находятся в различных условиях, а потому и требуют различных методов подхода и тактики союзной деятельности. Единое Правление Белиспроса не могло охватить в достаточной мере Рабисовцев, а выделять автономную секцию с подсекциями означало значительно усложнить, а тем и ослабить структуру Союза. Поэтому во исполнение мнения Губконференции 13 апреля и решения Правления от 15 апреля т. Касаткину, отправляющемуся на пленум ЦК, поручено было отстаивать необходимость разлияния. Практическая повседневная работа шла в сторону размежевания, наконец 18-V была выделена особая Комиссия по размежеванию и 5-VI разлияние совершилось на условиях: 1) аннулирования задолженности Белиспроса ЦК, 2) Распределения фондов кассы взаимопомощи между Рабпросом — 8 частей и Рабисом—1 часть и 3) Оставления всего аппарата и архива в Рабпросе.

Для уездов, имеющих незначительное количество их легко было, получив протокол Комиссии по разлиянию, произвести таковое в кратчайший срок. Разлияние везде прошло удовлетворительно.

Перерегистрация.

Самая большая работа проделанная Орготделом—компания о добровольном членстве и перерегистрация. Добровольное членство, которое требовало упрочения идейной спайки Союза, привело к очистке союза от нежелательных элементов, что и произошло, хотя не вполне достаточно, путем добровольного невхождения в Союз и путем отказа принятия в Союз лиц, так или иначе неподходящих для членства в пролетарском Союзе. Перерегистрация в Минске началась 15-го июня и закончилась 15-го июля, по уездам она началась с 1-го июля и закончилась к 1-му августа.

По гор. Минску и его уезду до перерегистрации было 3500 членов (из них было много мертвых душ) перерегистровано 1732 члена, из них безработных 67, не принято в Союз 94. По уездам на 1-VIII—принято 1759 членов.

О связи.

Уже проведение перерегистрации поставило на очередь дня усиление связи под лозунгом: „*Ближе к массам*". Некоторый разрыв связи в первые месяцы привел к тому, что Губотдел был в неведении о жизни и работе Уотделений. Для устранения этого недочета была разработана и послана 31-VI анкета с рядом вопросов (до 41-го). Из заполненных анкет видно, что некоторые Уотделения не на высоте своего положения. Нужно отметить, что на целый ряд практических предложений в области усиления связи Уотделения ничем не ответили. В свое время Губотдел разослал ряд циркуляров о выработке и присылке статистических сведений о самообложении, о количестве школ и шкрабов на предмет использования для рационального распределения кредитов на заработную плату, но сведения во время присланы не были. Связь важна не только с Губотделом, но и с самыми низовыми

ячейками, а через них и с рядовыми членами Союза. Губотдел разослал циркулярное письмо, в котором просит о присылке в Губотдел своих замечаний по поводу циркуляров и других распоряжений, о присылке своих предложений Губотделу, о собирании статистических сведений, суммирующих работу Уотделений.

На отсутствие личной живой связи Губотдел не имеет повода жаловатлся: его представители посетили 2 уездно-городские Союзные Конференции в Игумене и Слуцке; представители всех уотделений, кроме Мозырского, перебывали в Губотделе, где получали нужную информацию.

Секционное строительство.

Союз Рабпрос охватывает большое количество различных производственных групп, для полного обслуживания которых необходимо создать ряд секций. На путь секционного строительства вступило еще старое правление, но старый принцип строгой централизации не мог создать благоприятной обстановки. Наименее обслуживаемая часть работников просвещения—транспортники, которые естественно тяготели к союзу железнодорожников, но по инициативе ЦК просвещенцы транспортники получили самостоятельную организационную форму в виде Доротделов, подчиняющихся непосредственно ЦК Учкомов подведомственных Доротделу. Никаких взаимоотношений соподчиненности между нашим Губотделом и в данном случае в Минске с 2-мя Учкомами нет. Губотдел через своего представителя принимал активное участие в организации Учкомов, оказывая последним товарищескую поддержку (Учкомы созданы 14-15/VII). Другая часть членов нашего Союза, плохо обслуживаемая в прежнее время,—работники печати: редакций газет, Госиздата, Контрагентства, «Адраджэньня» и т. п. В июле они об'единены в производственную секцию работников печати, построенную на автономных началах и имеющую тенденцию развиться в самостоятельный Союз. Оставшаяся в наследство от старого Правления Секция научных работников, несмотря на нее старания Губотдела, находится в состоянии полнейшей бездеятельности. В практической работе Губотделу пришлось организовать работников школ, перешедших на самооплату, выделив от них Бюро из 5 человек. Эта организация теперь ликвидирована.

С самого начала своей работы Правление решило организовать третью группу членов Союза наименее квалифицированную—техничеких работников. Соответствующий циркуляр ЦК был переслан всем Уотделениям, но летние каникулы не давали достаточной почвы для их организации. Предполагалось еще создать Секцию—Политпросвет работников. Попытки были неудачны, с началом зимнего сезона их необходимо организовать. На местах иногда считают необходимым организовать (в Слуцке) национальные секции Союза. Это глубочайшее заблуждение профработников. Национальные секции или коллективы могут создать органы НКП для обслуживания своих производственных нужд.

Содержание месткомов.

Еще 22/IV в правлении поднимался вопрос о содержании НКП месткомов, а 12/V о снабжении их канцелярскими принадлежностями, но благодаря отсутствию у НКП средств, Правление не нашло возможным урезывать фонды заработной платы для оплаты работников месткомов. Перед составлением сметы на новый гражданский год Губотдел разослал циркуляр о необходимости включения в смету ОНО 2% на содержание месткомов; Губотдел с своей стороны включил в смету НКП на содержание месткомов 18,523,959 руб.,

О финансовых взаимоотношениях.

Самая слабая часть Союзного фронта—отсутствия налаженности в финансовых взаимоотношениях. Все Уотделения не сумели наладить собирания членских взносов с Волместкомов от денежной и натуральной заработной платы. Финансы Губотдела находились в особо критическом положении о разлияния. 22/IV Губотделом был ра-

зослан циркуляр о производстве 2% членских отчислений с натуральной части заработной платы. Циркуляр 15/VI ставил вопрос ребром, грозя взысканиями в порядке профессиональной дисциплины. 12/8 был разослан циркуляр ЦК, в котором категорически требовалось упорядочить финансовые взаимоотношения. Результаты оказались слишком малы: кое что единовременно прислали Игуменское, Слуцкое и Мозырское Уотделения. Систематических ежемесячных отчислений установить не удалось, ибо финансы самих Уотделений ничтожны. Губотдел вполне наладил взимание членских взносов, как с денежной, так и с натуральной части заработной платы по гор. Минску к его уезду и послал в ЦК 40% июньских отчислений в размере 22185 руб.

40% июльских отчислений в размере 22946 руб.

40% августовск. отчислений в размере 22985 руб.

Итого 68116 руб.

С апреля по сентябрь передано СНСБ 10% членских отчислений 23005 руб. Итого ЦК и СПСБ переслано 91121 руб. С началом гражданского года все Союзные органы должны перейти на сметное существование. Уотделениям разослана номенклатура расходной сметы.

Представленные сметы придется жестоко сокращать, ибо Уотделения должны уложиться в рамках 50% всех членских поступлений. Губотдел составляет смету для всех Союзных органов Белоруссии.

Статистика.

Статистика имеет в жизни Союза громадное значение, только при ее помощи можно получить ясное представление о всех достижениях Союзной работы. Индивидуальный учет членов Союза, как наиболее идеальный, требует особенного внимания к статистике, что указано в циркуляре; там же указано на необходимость ведения точной статистики всех конфликтов и стачек. Статистика членов, конфликтов и т. п. имеет глубокое научное значение для Росийского профдвижения. В повседневной деятельности Губотдела зачастую требуется наличие тех или других сведений, особенно при распределении кредитов заработной платы, поэтому циркулярами от 23/IУ и 27/IУ Губотдел запросил статистические сведения о количестве школ, шкрабов, их категорий, о ходе самообложения, но несвоевременная присылка требуемых сведений не дала возможности своевременно и точно распределить кредиты на апрельскую и майскую заработную плату.

Кул trабота.

Проведение компании о добровольном членстве—основной вид Культработы Союза за истекший период, проведенный более или менее удовлетворительно. Много внимания уделялось организации «Дома Работника Просвещения», но продолжительные переговоры с Муно и Уисполкомом о предоставлении Союзу б. «Дома Крестьянина» не увенчались желаемым результатом. Как Муоно так и Уисполком предлагает совместительство «Дома Работников Просвещения» и «Дома Крестьянина». В крайнем случае придется с этим согласиться. В смету НКП включена смета на содержание «Дома Работников просвещения» в размере 2200000 руб. Губотдел в целях снабжения Волместкомов литературой выписал из ЦК издаваемые им журналы по одному экземпляру на каждый местком. Культотдел Губотдела принимал самое активное участие в обсуждении и проведении выделения школ для преимущественного укомплектования детьми членов Союзов. Много энергии было потрачено на выполнение разверстки ВУЗ для командирования членов Союза. Всего послано до 60 человек из них до половины из уездов Нужно отметить, что некотория Уотделения (Слуцкое) положительно забрасывало ходатайствами о командировании в ВУЗ.

Структура правления.

Характер задач, стоявших перед Правлением Губотдела, требовал наибольшего напряжения организационной работы, требовал организации

Комисий вместо Отделов, но недостаток работников и летние каникулы лишали возможности до конца испробовать выгоды «Комиссионного» строительства. Пришлось после некоторых колебаний остановиться на Отделах. Разлияние, от'езды членов Правления в отпуска и другие причины привели к тому, что перераспределение обязанностей между членами Правления происходило 6 раз. Постепенно Завед. всех Отделов и председателем всех Комиссий становится *Ахрамович*, зам. зав. и Секретарем Комиссий—тов. *Кунцевицкий*, которые и составляет Президиум Губотдела, Естественно, что при такой постановке дело чрезвычайно страдало. Орготдел делал все возможное, чтобы поднять работу Отделов Союза, составляя календарный план работы, требуя плана и отчетности Отделов и Комиссий, но видя безполезность своих усилий ставит в настоящее время вопрос о кооптации новых работников.

Отдел тарифно-экономический.

Вся тарифно-экономическая работа Союза чрезвычайно ярко показывает, что Союз перешел на путь защиты интересов членов Союза. Изданный в июле с. г. Уголовный кодекс является в этом отношении могучим орудием в руках Союзов. Уотделениям указывалось на необходимость здорового размежевания с УОНО (Борисов, Мозырь). Такое же разделение работы должно быть и во взаимоотношениях с другими Государственными Органами. Борисовскому Уотделению предлагалось Губотделам отдать под суд Предисполкомов, неправильно расходовавших фонды самообложения, Игуменскому указывалось на недопустимость расходования 150 пайков на организацию курсов, Мозырю указывалось на неправильность стремления Уотделения в вопросе раз'ассигнования кредитов, сокращения, увольнения и перебросок работников заменить собой УОНО и т. п. Губотделу в своей Минской практике приходилось отдавать ГППросвет под суд, об'являть Гороно бойкот и т. п. При всяких столкновениях с хозорганами необходимо помнить, что Союз есть защитник интересов членов в рамках Советской Республики.

Изыскание и распределение кредитов на заработплату.

В деле изыскания кредитов на заработную плату Правление Губотдела могло идти и шло по следующим направлениям:

1) Урезывание расходов НКП на хозяйственные нужды с тем, чтобы большая доля кредитов пошла на заработную плату.

2) Ходатайства перед фондовой Комиссией, а потом перед Высшым Тарифным Советом о дополнительном отпуске средств на заработную плату. В апреле ассигновано Наркомпросу 2.200.000 руб., в мае 1.200.000 руб., в августе 5.443.982 руб.

3) Ходатайства перед Центром об отпуске средств на заработную плату. В и не получено 621.098 руб., и августе 1.145.000 руб.

4) Требования к Наркомпросу об урегулировании вопроса о плате за учение, о самообложении, о ходатайствах в ЦИК о дополнительных отпусках средств и т. п.

А всего НКП ассигновано в апреле 3.013.691 руб., в мае 5.303.418руб., в июне 6.296.664 руб., в июле 7.700.835 руб., в августе 13.342.678 руб.

В деле распределения средств пришлось натолкнуться на ряд затруднений, главным из которых было отсутствие статистики о числе школ и шкрабов по Уездам, о ходе самообложения и самооплаты. Попытка Губотдела собрать эти сведения не привела к успеху. Пришлось циркулярно 26/IV указать уездам принципы распределения фондов заработной платы между городом и деревней, учитывая самобложение и самооплату. Циркулярно 16/VIII всем Уотделениям указывалось, что вычеты за пайки на местах не производить. В общем Губотделом послано 6 циркуляров о распределении кредитов на заработную плату, последний от 25/VIII с подробным указанием ассигнованных сумм, с точным указанием принципов нового рас-

пределения и с требованием прислать отчетность за все прошлые месяцы (с апреля по I/IX). Говоря о распределении кредитов, необходимо коснуться применения к жизни нашей 17-ти разрядной сетки и политики ставок. Установилось, как правило, что ставки сельских работников на процентов 50 ниже ставок городских работников; среди последних в свою очередь выделены некоторые групы (например работники техникумов, рабфаков, дефективных учреждений, партшкол и т. д.) которые получают заработную плату сверх ставки присвоенного им разряда в виду особой важности их работы и в целях уравнения их ставок со ставками производственных органов. Сетка таким образом оказалась сломанной. Такая ломка была неизбежна при чрезвычайно ничтожных средствах, отпускаемых НКП на заработную плату, так что даже повышенные ставки ничтожны по своему размеру. Ликвидировать эту путаницу можно только путем повышения заработной платы основным групам работников.

Охрана труда.

Работа П/О Охраны Труда для уездов имела малое значение. Все постановления государственных, межсоюзных и высших союзных органов по вопросу об Охране Труда получались через Советскую Печать, через Упрофбюро или через Губотдел. Циркуляром 10/V Губотдел имел целью собрать сведения о количестве престарелых для включения их в число получающих увеличенную пенсию. П/О Охраны Труда своевременно откликнулся на неправильные мобилизации шкрабов на продработу путем переговоров с НКПродом, который разослал циркуляр, запрещающий принудительные мобилизации. Второе постановление, имеющее большое значение, касается шкрабов Совхозских школ, подписанное НКтрудом, Наркомземом Наркомпросом, Союзом Рабземлес и Белрабпрос; оно устанавливает летний отдых и условия с-х работы шкрабов в Совхозах. В отношении социального страхования применялся принцип индивидуальной выдачи пособий органами НКПроса (За неимением у НКП специальных кредитов на уплату 21% страховых взносов). Страхование на безработицу наши безработные получали на Бирже Труда на общих основаниях.

Борьба с безработицей.

Бывшие и готовящиеся большие сокращения штатов влекут за собой безработицу, которая кроме того увеличивается притоком шкрабов из России, преимущественно из голодающих губерний. Для борьбы с безработицей Губотдел заставил органы НКПроса не поручать без Санкции Правления сверхурочной работы; освобождающиеся таким образом вакансии замещались безработными. 8/VIII послано в Уотделения извещение о возможности получить квалифицированных безработных шкрабов. Начинают поступать требования, которые по мере возможности удовлетворяются. 13/VIII получено из ЦК инструкция об организации безработных в коллективы и т. п. Губотдел задержал проведение ее в жизнь до того момента, когда удастся повысить заработную плату штатным шкрабам и тем дать им возможность не заниматься частными уроками.

Касса взаимопомощи.

К организации кассы взаимопомощи было приступлено в первых числах мая. Из трех, имеющихся в распоряжении Губотдела уставов кассы был выработан один, который, как примерный, и был разослан по Уотделениям с предложением немедленно приступить к организации кассы. В Минске и его уезде организация кассы задержалась летними каникулами, тоже видимо произошло в уездах. С началом учебного года организация ее должна закончиться.

Компомгол.

Последняя Губконференция Союза 13-15/IV—1922 года дала Комиссии Помгол несколько указаний, которые Комиссией регулярно проводились в жизнь, но результаты оказались мало удовлетворительными. Главный недоста-

ток работы Комиссии заключается в отсутствии налаженной связи с местами. Кроме того частая смена работников Комиссии, неналаженность работы аппарата ЦК Компомгол при ЦИКЕ ставили большие препятствия успешности работы. Делались практические указания Уотделениям о проведении Помголовских отчислений, о регулярности отчетов и т. п. Из отчетов Компомгол Уотделений видно что не все сделано для успешности работы. Циркуляром в конце июля месяца предложено было всем Уотделениям 5% отчисления от денежной части заработной платы за июль и август и все 3-х фунтовики целиком отправить в Саратов голодающим сочленам. Работа Компомгол представлена в следующей таблице:

№№ по пор.	От какого Союзного органа послано.	В Компомгол в общий фонд.		Саратовскому Союзу Рабпрос.		ИТОГО.	
		хлебом в пудах	дензнак 1922 г.	хлебом в пудах.	дензнак. 1922 г.	хлебом в пудах.	дензнак. 1922 г.
1.	Губотделом	3871	336862	1493	70000	5274	408662
2.	Бобруйским Уотд. .	432	170044	154	—	584	170044
3.	Борисовским Уотдел.	214	19500	28	—	242	19500
4.	Игуменским Уотдел.	451	4948	60	—	511	4948
5.	Слуцким Уотд . .	170	15643	73	—	243	15643
6.	Мозырским Уотдел.	—	51945	—	12000	—	63945
	ИТОГО	5138	598942	1808	82000	6854	680942.

В общем отчисления города Минска и его уездов составляют до 80% всех отчислений Белоруссии.

Конференция приняла по докладу след. постановление: доклад принять к сведению, работу Губотдела признать вполне удовлетворительной.

II. Доклады с мест.

От Мозырского Уотделения (тов. Драп).

Разлияние Союзов произошло 16/VI. Перерегистрация происходила отдельно по Рабису и Работпросу. В Рабис записалось 15 человек, из числа которых принято в Союз только 4 человека. Перегистрация Рабпроса в городе прошла нормально. Было проведено 11 общих собраний по учреждениям. Школы выносили постановление об индивидуальном вступлении в Союз, а Детские дома—о коллективном. Все служащие в городе Работники Просвещения вступили в Союз. На уезде перерегистрация прошла слабо, благодаря разбросанности шкрабов по глухим уголкам уезда. К 1 сентября всего зарегистрировалось 354 человека, из них не принято 29; не зарегистрировалось по уезду 146 человек. С разрешения упрофбюро об'явлена дополнительная перерегистрация по уезду как работающих шкрабов, так и безработных. Все служащие Детских Д. зарегистрировались в Союзе Рабпрос, но потом по ходатайству Союза Нарпит весь технический персонал Д. Д. с разрешения Софпрофбела был переведен в Союз Нарпит (всего 20 челов.).

Средств в УОНО всегда не хватает, ибо городское самообложение всецело поглащается на содержание Д. Домов, а также приходится урезывать фонды заработной платы для хозяйственных расходов, которые очень ве-

лики. Местные средства от Уисполкома ненадежны. Из полагающихся 35 миллиардов отпущено лишь 4 миллиарда, которые преимущественно ушли на ремонт школьных зданий города Мозыря и Д.Домов. В летние месяцы оплачивались по ставкам только городские работники Просвещения. Уезд в мае, июне и июле почти не получал жалования. Всего отчислений по Компомгол с августа 1921 года по 1-е сентября 1922 года 99511 руб. и 33 пуд. муки. Из них сдано в общий Помгол 68002 руб. Осталось в Саратовском Губотделе Рабпроса 29475 руб. и 33 пуд. муки.

От Бобруйского Уотделения (т. Вержбицкий).

К 1/IX зарегистрировалось 544 члена. Карточки получены пока от 11-ти волостей; не утверждено 9 человек. Разлияние Союзов произошло 2/VI. Новое Правление Рабиса сконструировалось 25/VI. Правление Рабпроса пришлось пополнить, взяв работников из Райкомов. Процентные отчисления вследствие незначительных сумм, выплачиваемых шкрабам, не велики. С пайка стали высчитывать только в последнее время: за июль отчитано 9 пуд. ржи. Статистика поставлена хорошо, ведется учет членов, действительных, выбывших и пр. Культработа все время велась энергично. На еженедельных собраниях проводились устные газеты, обсуждались вопросы педагогическце, политические и научные. На летних учительских курсах велась большая работа по ознакомлению шкрабов с союзной работой, с полит. жизнью и т. д. Правление несколько раз видоизменяло свой состав; выборы нового крайне необходимы. Средства распределялись по числу шкрабов города и уезда; в августе месяце по городу выплачено по 217 платных единиц (комплектов) по ставкам, выработанным ВТС. Всего городу выдано 637.096 р.

Касса Взаимопощи организована, утвержден устав; установлены процентные отчисления для работников, получающих жалованье, кончая 4-м разрядом полпроцента, кончая 9-м 1% и свыше 2%. По Помголу отчислено в июле 45.110 руб. 50 коп., в августе 55.991 руб. Саратовцам за июль месяц —24 пуд. ржи, а с прежним отчислением 154 пуда.

От Борисовского Уотделения (т. Абрамович).

Новое Правление Рабпрос было удачно сформировано, 6-го мая была выделена секция Рабис, которая до разлияния продуктивной работы не вела. Организационная работа, заседания Правления, происходят еженедельно. Разобрано 35 вопросов. Созданы Комиссии: 1) Помгол, 2) Культ-Просв. Организована секция технического персонала. Правлением приняты меры против желания Комхоза взять арендную плату со школьных садов и огородов. Поддерживается теснейшая связь со школьно-хозяйственным советом: его суммы в первую очередь расходуются на содержание технического персонала. Улажен вопрос о своевременной выдаче пайков уезду через Упродком. Кассы Взаимопомощи не имеется и нуждающиеся удовлетворяются по мере возможности средствами УОНО. Перерегистрировано 123 члена (кроме безработных), не утверждено 2 члена.

Слуцкого Уотделения (тов. Гиткович).

Перерегистрация и компания о добровольном членстве прошла успешно в городе, а по волостям несколько задержалась. Перерегистровано 617, не перерегистровано по волостям 421 человек, которые будут охвачены дополнительной перерегистрацией в начале учебного года. Связь с месткомами поддерживалась путем протоколов, циркуляров, личных посещений Предволместкомами. Все директивы Правления Месткомами исполнялись удовлетворительно. Связь с Губотделом поддерживалась делегированием представителя в Губотдел и оживленной перепиской. Связь с Упрофбюро вполне удовлетворительна. Работа месткомов хромала благодаря отсутствию средств даже на почтовые расходы. Финансовые взаимоотношения с низовыми ячейками урегулированы, но мизерность ставок определяет недо-

статок союзных средств. Статистика еще не вполне налажена. Культработа чрезвычайно хромает, но все же через ряд конференций и собраний члены Союза усвоили основные положения новой профполитики. Правление сконтрунровано 8/VI и работает без перебоев. В области ОТЭ проделана большая работа по проведению самооплаты, самообложения, распределения кредитов и т. п. Все эти мероприятия дали возможность поднять заработную плату выше ставок соседних уездов Соц. страхование производится в виде индивидуальных пособий. Организация кассы взаимопомощи заканчивается. По 1/VIII Помголовских отчислений в общий фонд 170 пуд. хлеба и 15.643 руб. Саратовцам 73 пуда хлеба.

От Игуменского Уотделения (тов. Коган).

Перерегистрация охватила 500 работников. Финансы Союза наладить не удалось. Статистики нет. Культработа велась слабо. Правление неработоспособно, ибо почти все члены его заняты другой ответственной работой. Совместно с УОНО проводилось самообложение и самооплата, но прошли они чрезвычайно слабо. По уезду громадная задолженность. Правление не пользуется никакой популярностью. Кассы взаимопомощи нет. Помгол собрано по 1/VIII в общий фонд 451 пуд. муки и 4.948 руб., Саратовцам 60 пуд.

III. Работа Наркомпроса.

Доклад о работе Наркомпроса сделал т. Балицкий, информировавший Конференцию с фактическим финансовым положением Наркомпроса и планом работы на ближайшее время.

По докладу было принято постановление:

1. Принимая во внимание тяжелое материальное положение НКП в силу об'ективных причин, признать политику НКП в области народного образования правильной.

2. Избрать Комиссию в составе уездных делегатов, тов. Ахрамовича и тов. Балицкого для выработки проэкта договора УОНО с Сельсоветами о содержании школ.

На заседании 9/IX по докладу т. Гитковича о проэкте договора с сельсоветами о содержании школ, выработанным на заседании, Комиссии постановлено:

1. Проэкт договора утвердить.

2. Минимум заработплаты установить в 15 пуд. ржи в месяц, кроме квартиры и отопления:

IV. Дальнейшая работа союза Белрабпрос.

Доклад о дальнейшей работе союза сделал т. Нодель, выставивший следующие положения

1. Союз Работников Просвещения по сравнению с другими профсоюзами находится в несколько своеобразных условиях. Исключительная материальная зависимость общегосударственных средств, чисто государственный характер работы в области Просвещения и целый ряд других условий заставляют строить Союзную работу на несколько иных началах, чем в других Союзах.

2. Основная задача Союза, предпосылка для правильной постановки чисто союзной работы—это более или менее нормальная работа органов Просвещения. Без этого условия Союз не может и думать о более или менее нормальной работе, дающей определенные результаты.

3. Защита интересов своих членов, являющаяся основной задачей в Союзной работе, в настоящий период для Союза работников просвещения может быть разрешена только в согласии с общей работой НКП и в зависимости от наличия его рессурсов.

4. Новый учебный год НКП Белоруссии начинает в условиях отсутствия твердого бюджета и ясного представления поступлений по общегосударственному бюджету на дело нар. образования. Это заставляет обратить особенно сильное внимание на те источники доходов, кои могут быть получены на месте.

5. Такими источниками могут быть в городах местный бюджет и обязательная помощь населения школе. Особенное внимание следует обратить на несение населением обязательной помощи, учитывая, что на ближайшие месяцы эти

средства будут единственными источниками для оплаты труда школьных работников.

6. При взимании взносов обязательной помощи необходимо установить, как обязательное правило, единство кассы НКП, т. е. все средства поступают в общую кассу органов НКП, при чем ставки школьным работникам обязательно устанавливаются единые для всех школьных работников вне зависимости от того, сколько средств поступило в ту или иную школу.

7. Для установления некоторого единобразия в оплате работников городских школ необходимо Губправлению в кратчайший срок заключить коллективный договор и установить минимум заработной платы, обязательный для всех уездов.

8. Уезды каждый в отдельности заключают коллективный договор, при чем изменения могут вноситься только тогда, когда они улучшают условия работы по сравнению с условиями договора, заключенного Губправлением.

В случае несогласия заключения договора НКП или УОНО передавать вопрос на разрешение органов НКТ.

9. В деревнях, как основную систему обеспечения школ, необходимо признать договор с населением.

Минимальная ставка в ржаных единицах должна быть равна 15 пуд. иначе договоры заключены быть не могут. При заключении договоров необходимо учесть местные условия и принять меры к возможному его повышению до необходимого прожиточного минимума. Договоры должны предусмотреть обязательную плату в течении всего года, а не только в учебные месяцы.

10. В области охраны труда необходимо принять все меры к созданию более нормальных условий работы в школах (обязательный ремонт, снабжение топливом, предоставление прозодежды и пр.)

11. С нового учебного года Наркомпрос обязан провести страхование всех работников вне зависимости от форм и условий оплаты, хотя бы по основным видам (от временной потери трудоспособности, инвалидности и безработицы). Пункты, соответствующие должны быть включены в коллективные договоры, заключаемые между УОНО и союзами.

12. Необходимо с начала нового учебного года обязательно наладить работу кассы всех членов союза и привлечь нужные средства.

13. В области организационной необходимо в ближайшее время произвести перевыборы месткомов, там, где такие перевыборы не имели место. При перевыборах постараться вовлечь в активную Союзную работу наиболее политически зрелых членов Союзов, способных поставить правильно союзную работу.

14. Наладить более нормальную связь между уотделениями и школами, разбросанными в уездах путем рассылки инструктирующих писем, указаний и пр. В Уотделениях обязательно принять одного постоянного ответственного работника.

15. Провести в жизнь все постановления о связи между Уотделениями и Губотделом. Особенно обратить внимание на своевременное освещение местной работы и на представление установленных форм отчетности.

16. В кратчайший срок закончить перерегистрацию, при неперерегистрировавшихся снять с работы, поскольку есть безработных членов Союза.

17. Считать нежелательным создание секции школьных работников и дошкольных в уездах. Секции работников технических не создавать нигде, а принять меры к их вовлечению в общую работу Союза, путем организации специальных собраний этих работников периодически и привлечения наиболее активных к союзной работе.

18. Взимание членских взносов установить не через органы Наркомпроса, а через союзные ячейки, при чем эту реформу провести только по мере укрепления Союзных ячеек на местах.

19. Учитывая особую важность Культработы, необходимо обратить особенное внимание на постановку Культработы. Необходимо наладить работу домов работника Просвещения и снабжение работников литературой.

Считая обязательным чтение школьным работникам газет и педагоги-

ческих изданий, необходимо при заключении договоров органами просвещения включить специальные суммы на выписку газет для школьных работников. Эту работу должен взять на себя Союз и его ячейки на местах.

20. Союзы на местах должны привлечь школьных работников к работе изб—читален и кружков самообразования, которые создаются в деревнях главным образом ячейками КСМ.

По докладу постановлено:

1. Тезисы Губотдела о дальнейшей работе утвердить.

2. Предложить Губотделу заключить общий коллективный договор с НКП, считая договор ЦК с НКП РСФСР для себя и НКП ССРБ обязательным.

V. Выборы.

Довыбраны в Правление Губотдела тов. Рабинович и тов. Шукевич-Третьяков.

Избран на Всероссийский С'езд Союзов 15 сентября тов. Нодель.

Избраны на Всероссийски С'езд Союза Работпрос тов. Ахрамович и Гиткович, кандидатом тов. Абрамович.

В Советской федерации.

Новое положение о социальном воспитании и образовании детей в Р. С. Ф. С. Р.

Коллегией Наркомпроса издано новое положение о социальном воспитании и полит. образовании детей республики до 17 лет. Начало социального воспитания детей республики от 3 до 7 лет, согласно положению, проводится через учреждения дошкольные, детские сады, очаги, дома ребенка. После 7 лет дети переходят в школы I ступени с 4-летним курсом и II ст. с 5-летним курсом. Вторая ступень имеет 2 концентра: 3 года и 2 года. Школы-семилетки, в тех местностях, где они проявили свою жизнеспособность и установили связь с техникумами, сохраняются, при чем возможность перехода из них в ВУЗ-ы должна быть обеспечена об'емом знания, 2-го концентра школы 5-летки. Никакие приготовительные классы или группы при школе 2-й ступени не допускаются.

Все социальное воспитание детей республики представляет единую систему, дающую возможность нормального перехода от низшей группы к высшей. Во всех воспитательных учреждениях, за исключением учреждений для дефективных детей, проводится совместное воспитание и обучение мальчиков и девочек.

Преподавание какого бы то ни было вероучения и исполнение в стенах учебных заведений обрядов религиозного культа не допускается. Обучение в учреждениях по соц. воспитанию—бесплатно. Социальное обеспечение дается только неимущим. Организация частных учреждений по соц. воспитанию не допускается. В интересах расширения и укрепления сети учреждений по соц. воспитанию Наркомпрос допускает временно: материальную поддержку учреждений на договорных началах сельскими, общественными, кооперативными, профессиональными и советскими организациями (шефство и т. д.), а также прикрепление к производственным предприятиям по соглашению НКП, ВСНХ и ВЦСПС.

Прием в школы 2-й ступени обеспечивается за детьми трудящихся. Выбор производится по проявленным способностям.

Все учреждения по соц. воспитанию интернатного типа (дома ребенка, детские дома, постоянные колонии, школы-комуны, опытно-показательные учреждения Главсоцвоса и дома де-

фективн. детей, дошкольные учреждения) и различные учреждения по соц.-правовой охране несовершеннолетних находятся на полном или частичном госснабжении.

Сокращение штатов в школах.

По полученным в Главсоцвосе сведениям, в 27 губерниях РСФСР до сокращения штатов было 36.181 школа I ступени с 31.757 учащих и 3.611.971 учащихся.

После сокращения по 27 губерниям осталось 35.883 школы I-ой ступени, 79.624 учащих и 2.621.831 учащихся.

По 5 автономным областям до сокращения было 2.788 школ I-ой ступени, в них 5.726 учащих и 208.625 учащихся. После сокращения в 5-ти автономных областях осталось 2.294 школы, 4.841 учащих и 200.887 учащихся. По Сибири до сокращения было 8.220 школ, 13.226 учащих и 49.156 учащихся, после сокращения по Сибири осталось 2.110 школ, 4.153 учащих и 29.958 учащихся.

Школ II-й ступени до сокращения штатов в 27 губерниях РСФСР было 1.422, в них учащих 10.051 и 180.444 учащихся.

После сокращения по 27 губерниям осталось 1.185 школ II-й ступени с 9.875 учащих и 158.185 учащихся.

По 5 автономным областям до сокращения было 101 школа, 482 учащих и 9.465 учащихся, после сокращения осталось 78 школ, 106 учащих и 9.246 учащихся.

В Сибири школ II-ой ступени до сокращения было 399, учащих 1.063 и 27.159 учащихся. После сокращения по Сибири осталось 120 школ, 521 учащих и 6.973 учащихся.

Центральный Институт организаторов Народного Образования.

Для подготовки инструкторов и организаторов Народного образования в Москве еще два года тому назад был открыт специальный Институт

Институт является специальным учебным заведением с 2-х годичным курсом, в задачи которого входит подготовка высококвалифицированных работников по организации и администрированию народного образования (инструкторов, инспекторов, заведующих отделами, уполномоченных) т. е. своего рода инженеров народного просвещения, почему к поступающим студентам пред'являются высокие требования.

Все студенты по прохождении годичного курса на основном отделении поступают на одно из специальных отделений (профессионального образования, социального воспитания и политического просвещения), имеющих целью подготовить работников по линии соответствующих Главков Н.К.П. Главполитпросвета, Главпрофобра, Главсоцвоса. Кроме того, при Институте открыто в виде отдельных курсов статистическое отделение с задачами, отличными от других отделений: здесь подготовляются работники по статистике народного образования.

В число студентов Института принимаются лица, в первую очередь, командированные (отделами народного образования, профессиональными и партийными организациями), а затем по личному желанию.

Для поступающих на основное отделение установлены следующие требования: общее образование не ниже среднего, педагогический или общественный стаж, примерно 5-ти летний, но не менее 3-х лет, возраст не менее 21 года, определенные административные или организационные способности, проявленные на работе по народному образованию, удостоверенные соответствующим учреждением или лицом, а также рекомендация, как серьезного и преданного делу работника в области народного просвещения,

Для поступающих на статистическое отделение требуется: общее образование в об'еме среднего, желателен педагогический или общественный стаж и работа в области статистики, а также рекомендация от учреждения, предоставляющего командировку, или с места последней работы.

Все командируемые для поступления в Институт должны быть снабжены соответствующими документами, в том числе документами, указывающими

отношение к воинской повинности, желательно также представление документов об образовании.

Кандидаты, поступающие в Институт, подвергаются в приемой комиссии коллеквиуму, имеющему целью определить подготовку и достаточное общее развитие, необходимое для успешного усвоения в краткий срок учебного материала, а также организационные способности для лиц, поступающих на основное отделение, и подготовку к работе в области статистики для лиц, поступающих на отделение статистики.

Лица, не удовлетворяющие вышеуказанным условиям, приему не подлежат и будут откомандированы обратно.

Студенты Института обеспечиваются общежитием и довольствием.

В общежитие Института принимаются только одинокие. Содержание семьи студента Институт не берет на себя ни в каком отношении.

Поступившие в Институт студенты дают подписку в том, что по окончании отработают за каждый год пребывания в Институте $1^1/_2$ года в области народного образования.

Согласно распоряжению по Наркомпросу, за командированными лицами сохраняется содержание по занимаемой ими должности, выплачиваемое им в Москве во время пребывания их в Институте.

Адрес Института: Каретная Садовая ул. Ляхов. пер. д. № 6 телефон—2-19-25

Беларускі аддзел

Беларускі тэатр.

(Нарысы і артыкулы).

I. Пачаткі і аснова беларускага тэатру.

Як усе іншыя мастацтвы,—паэзыя, музыка, плястычныя штукарствы і г. д.—маюць сваім карэньнем народную творчасьць, так сама й тэатр пачаўся на аснове народнай творчасьці. Драматычнасьць у сваёй элемэнтарнай форме, бадай раней за выяўленьне іншых формаў творчасьці, сустракалася ў кожным народзе ў самых яго звычайных жыцьцёвых абставінах: Калі вясковы чалавек апавядае аб гутарцы трэцяй асобай, дык у гэтым апавяданьні ён мімаволі падрабляецца пад інтанацыю, жэсты і міміку тэй асобы, аб якой ён гавора. І чым болей аб'ект яго апавяданьня вызначаўся камічнымі або трагічнымі асаблівасьцямі, тым болей падсьвядомая тэатральная творчасьць апавядальніка выходзіць выпуклейшай і выразьнейшай, і выклікае ў слухачоў залежныя вывы пачуцьця,—сьмех або смутак.

Дзіцячыя гульні, ў якіх выяўляецца капіраваньне жыцьця акружаючых людзей, ёсьць так сама інстыктыўныя пачаткі драматычнай творчасьці. А калі мы пяройдзем да сьпеваў двух асоб, да хору, да народных міфічна-містэрыяльных абраднасьцяў з маналёгамі, скокамі, якія ў пэўны час году й жыцьця чалавека паўтараюцца пунктуальна, дык гэта ўжо ёсьць народны прымітыўны тэатр, з якога раней за ўсіх іншых народаў, шмат вякоў да нар. Хрыста, старажытная Грэцыя стварыла свой пышны клясычны тэатр.

Цяпер пяройдзем да беларускай народнай творчасьці: Калі пачне які колечы беларускі селянін апавядаць здарэньне з кірмашу, ці сьмешнае, ці жаласьлівае, дык ён дае такі выразны малюнак, што бачыш перад сабою жывы, выпуклы, сцэнічны абразок. Калі ў зімовы вечар

бабулька пры прасьніцы на пяколку пачне расказываць-імправізаваць байку, дык толькі дзіву даешся, скуль бярэцца ў яе гэткая фантазыя, эпічнасьць, драматычнасьць і ядраннасьць выразаў? Так і накідывае рознабароўны малюнак, так і тчэ багатыя ўкрасы на тканінах сваёй творчасьці.

Ня гледзячы ні на якія гістарычныя і сацыяльныя варункі, беларус інстынктыўна, час ад часу адрываўся ад сваёй безпатольнай і нуднай працы, каб адвесьці сваю душу чым колечы духоўным і паэтычным, каб хоць на хвілінку забыць аб цяжкім ярме чужынцаў, якое крывавіла яму шыю й плечы, каб хоць на кароткі час заглушыць сьвіст панскага бізуна, які дыміўся ў мужыцкім мясе. У самыя цёмныя часы нашай гісторыі, у працягу многіх вякоў, беларускага селявіна галоўным чынам і падтрымлівала яго ўласнае мастацтва. Каб ня гэта, дык наш народ даўно бы згівуў у моры польскай або расейскай асіміляцыі.

У гэтага сымбалічнага «Сымона музыкі» быў вялікі скарб пекнаты і непатухаючае полымя праўдзівага натхненьня. Соткамі гадоў разсыпаўся беларускі брыльлянтавы каскад па чужых людзёх, па карчмах, па камяністых палёх. І чужыя людзі выкпівалі нас як мага і чым мага, і чужыя магнейшыя народнасьці на кожным кроку, markoзнымі спосабамі эксплёатавалі наш народны геній...

Але гэтае пастаяннае карыстаньне чужых народаў залатымі скарбніцамі нашай творчасьці не перашкаджала нашаму народу тварыць, не адыймала ў яго здольнасьці. А калі часам ворагі так накладывалі свае жалезныя лапы на нашыя плечы, што мы ўжо думалі вось-вось сканаем, дык гэта былі толькі хвілёвыя выяўленьні роспачы; пасьля гэтакіх націскаў заўсягды іскрачкі народныя, якія мігацелі ў попеле, бухалі ў полымя ў пажарышчы і абхаплівалі беларускае цёмнае, ночнае неба. Бажніца міфічнага крывічанскага Ярылы, як аўтар Дыоніса ў мінуўшчыне Эльлядзе, ніколі не заставаўся пакінутым бяз вогнішча й бяз жрацоў...

З нашай народнай творчасьці відаць, што беларус з прыроды сваей—артыста. У гэтым пераканаецца кожны, хто бліжэй знае беларускую люднасьць, хто добра ведае нашыя забытыя, глухія куткі, у якіх яшчэ жыва захаваліся ў поўнай сваёй чыстаце й дэкаратыўнасьці ўсе абрады, звычаі і сьвяткаваньні-ігрышчы з самых сівых часоў так званай «паганшчыны». Артызм і паэтычная імпровізацыя служылі беларускаму народу ў яго векавой няволі тэй вяснавай расою, якая не давала завянуць кветкам яго душы й падтрымлівала яго жыцьцёвую энэргію.

Увесь мозаічны народны артызм і ўсю яго тэатральнасьць мы знаходзім у абраднасьцях, звычаях, гульнях і песьнях жывога народнага беларускага каляндара, дзе культ паганшчыны, культ непасрэднай прыроды, злучыўся й пераплёўся ўсуцэл з містэрыямі хрысьціянства.

Усе абраднасьці і маналёгі-песьні да іх маюць сваей бацькаўшчынай сівую старасьветчыну, калі чалавек усе зьявішчы прыроды ўразумеў, як жывых істотаў багоў і верыў у магчымасьць мець зносіны з гэтымі багамі і схіліць іх нават на свой бок ахвярамі й малітвамі,

каб яны яму дапамагалі ў паляпшэньні дабрабыту. Гэта й было пачаткам розных новых рэлігіяў.

У старадаўных часох гэтыя абраднасьці былі болей жывымі й болей зразумелымі і ў шмат стопняў багацейшымі. Яны так моцна ўкаранелiся ў чалавечай душы, што посьля распаўсюджываньня хрысьціянства гэтыя міфічныя імшы, хоць напалавіну ў застыўшай акамянелай форме, асталіся жыць у народзе па сягоняшні дзень. Яны маюць такую магічную сілу на сялянскія масы, што хоць неразумеючы значэньня слоў: Купала, Каляда, Шчадроўка і інш., якія адносяцца да бягатварэньня нябёсных сьвяцілаў, зьвяроў і жывёлін,—аднак-жа гэтыя абраднасьці жывуць. Да іх адносяцца з атавістычнай верай далёкіх прашчураў.

На аснове абагатварэньня зьявішчаў прыроды ў свой час грэкі і рымляне, калі ў іх расьцьвіў пышны букет дэкаратыўнай рэлігіі, патрапілі стварыць грандыёзныя й вялічэзныя тэатры з сымбалем бога Дыоніса каля сцэны для аграмадных народных масаў. Такіх урачыстых, паэтычных і пышных тэатраў пасьля Грэцыі і Рыму сьвет болей ня бачыў.

Дзеля таго, што нашыя абраднасьці маюць сваей старшай сястрой старую Грэцыю і дзеля таго, каб зразумець, што можна стварыць на гэтай канве, я даю тут кароценькае апісаньне старагрэцкага й старарымскага тэатру і іх значэньня:

У старой Грэцыі тэатр быў адным з найвыдатнейшых фактараў грамадзянскага разьвіцьця, распаўсюджываючы ў народзе рэлігійныя і сацыяльна-этычныя разуменьні, злучаючы тым самым у адну вялікую сям'ю розныя клясы насяленьня мест і вёсак. Для грэцкага тэатру пісалі трагэдыі й камэдыі, маючы за сюжэты міфы аб багох і нацыянальных гэроях, геніяльныя паэты, як напр. Эсхіл, Сафокл, Эўрапід, Арыстофан і інш. Гэтыя драмы мелі потым пэўны ўплыў на рымскую і нова-эўрапейскую драму; гэтыя драмы потым перакладаліся на розныя мовы. Спачатку грэцкі тэатр выпаўняў урачыстыя сьвяткаваньні багоў Вакха і Дыоніса. У Афінах і іншых гарадох Грэцыі акторы называліся „дыонісаўскімі майстрамі“. Найбольшае разьвіцьцё грэцкі тэатр меў у V в. да нар. Хр.. Тэатры будаваліся галоўным чынам на ўсклоне ўзгоркаў, дзеля палягчэньня аграмаднай будоўлі. Тэатр меў вось якія часьці: абшар для публікі, які падымаўся шэрагамі з цэнтру гмаха да краёў у форме паўкругу, чатырохкантовы прадоўгаваты пляц за архэстраю, заняты асобай будынінай, якая называлася сцэнаю й архэстрароўны утоптаны пляц для хора й актораў, якія гралі п'есу на адным уроўні з хорам, найбліжэй да будыніны сцэны. Апрача таго мармуровыя калюмны й крэслы былі вельмі мастацкай работы. Але ня ўсюды тэатры будаваліся на адзін манер. Наогул тэатры былі вельмі пекнай архітэктуры і зьмяшчалі ў сябе ад 17.000 да 44.000 людзей. Па большай часьці публіка за ўвойсьце не плаціла. Грэцкі тэатр быў зьвязаны з культам Дыоніса і ў аркэстры заўсёды знаходзіўся аўтар Дыоніса.

У Рыме тэатр на манер грэцкага быў збудаваны ў 179 г. да нар. Хр.. Велічынёю тэатр быў падобны

да грэцкага. Розьніўся ён ад грэцкага тым, што меў над сабою дах, у тэй час, калі ў Грэцыі тэатры дахаў ня мелі і быў дапасованы да глядыятарскіх боек. У Рыме тэатр ужо ня меў таго грамадзянска-дэмакратычнага характару як, у Грэцыі; хоць увойсьце было дарэмнае, але нявольнікаў у тэатр не пускалі. Тэатральным мастацтвам займаліся нявольнікі. Яны былі й драматургамі й акторамі, бо для вышэйшых клясаў гэта работа лічылася не ганаровай, у той час, калі ў Грэцыі драматургамі і акторамі былі людзі вышэйшых клясаў, якія карысталіся вялікімі прывілеямі і пашанай, як рэлігійныя жрацы. У Рыме, апрача трагэдыяў і камэдыяў ставіліся яшчэ мімы, пантамімы й балеты.

Потым гэта ўсё згінула, пашло ў нябыт як казка старасьветчыны. Чалавечтва ня можа цяпер дайсьці да гэткай грандыёзнасьці. Гэта быў пышны, эфэктыўны орнамэнт паганскай культуры. І пядарма цяпер антыквары і архэолёгі пры раскопах і досьледах шчыра дзіву дающца чалавечаму гэнію да хрысьціянскіх часоў.

З пашырэньнем хрысьціянства гэта ўсё затушовывалася ў працягу шмат вякоў вялікай барацьбы двух культаў. Ойцы царквы ўсімі сіламі стараліся выкарчоўваць „сатанінскія“ антычныя звычаі з народнай душы. Ў сярэдніх вякох езуіты нішчылі мармуровых багоў, іхнія пышныя хорамы і палілі на вогнішчах ведзьмаў, жрацоў і ўсю «паганшчыну». З народнымі абраднасьцямі— беднымі абломкамі старых багоў—яны вялі сыстэматычнае змаганьне.

Тое самае было й у Расеі. Для прыкладу даем цытату з Стоглава аб гэтых сьвяткаваньнях: „...въ навечеріи Рождества Христова сходятся народи, мужи и жены и дѣвицы, на нощное плещеваніе, и безчинный говор, на бѣсновскіе, пѣсни и плясаніе»...; «простая чадь... во градѣхъ и въ селѣхъ творять еллинское бѣснованіе, различныя игры и плясаніе въ навечеріи праздника Рождества Христова и противъ праздника Іоанна Предтечи въ нощи, и въ праздникъ весь день, мужи и жены, и дѣти въ домѣхъ и по улицамъ отходя, и по водамъ глумы творяць всякими играми и пѣснями сатанинскими и многи виды скаредными. Подсбно же сему, творяць и во святыя вечеры и въ навечеріи Богоявленія Господня».

Энэргічная барацьба хрысьціянства пропіў старадаўных абраднасьцяў зрабіла тое, што ў Вялікарусі іх цяпер вельмі мала. Але затое на Беларусі, дзе на наш народ ўлада столькі ўвагі не зварочвала, бо ўвесь час аднасілася як да чужога народу, да «забранага краю», духавенства,—як праваслаўнае так і каталіцкае,—моцных карэньняў у народ не пусьціла. Апрача таго праваслаўнае й каталіцкае духавенства ў нас вялі між сабою пастаянную барацьбу, у якой кожнае старалася пераманіваць да сябе беларускія сялянскія масы, так што ў астатку народ застаўся сам сабою з сваімі старадаўнымі звычаямі й абраднасьцямі. Напор хрысьціянства зрабіў толькі тое, што хрысьціянскія сьвяты на Беларусі пераблуталіся ў народным разуменьні з сьвятамі паганства. Сьвятая Троіца зьмяшалася з Калядамі, Купалаю і інш. й селянін не разьбіраецца, дзе канчаецца адно й дзе

пачынаецца другое. Перапляліся так сама ў адну тканіну ў народнай інправізацыйнай перадачы па памяці зьмест старага й новага тэстамэнту са зьместам старадаўных міфаў-песьняў. У такім відзе гэтая тканіна дзіўнымі шатамі красуецца над нашаю зямелькай па сягонешні дзень. На гэтых тканінах мільгаюць і пераліваюцца барвы арыгінальных арнамэнтаў хрысьціянскай містыкі і рэальная сымболіка сілаў прыроды.

Афіны й Назарэт нібы бралі шлюб паміж сабою і сваё дзіцё падарылі беларускаму народу, які апрануў гэтую маладзетку ў свае абраднасьці, гульні й песьні, ў сваю эллінна-хрысьціянскую творчасьць. Беларускі народ пачаў выхоўваць гэтае дзіця на свой лад: Замест грэцкага лаўровага вянка даў яму вянок з васількоў у перамешку з бярозавымі кволымі галінкамі. Замест крыжа на грудзёх аздобіў яго ў сонца, месяц і зоркі; замест старага гэбраізму, сур'ёзнай лаціны і шліфаванай грэцкай мовы, навучыў гэтае дзіця гаварыць на мове беларускіх палёў і лугоў, на мове простых ратаёў і пастухоў. Такім чынам выкрасталізавалася й выгадавалася ў беларускай народнай душы драматычна - дэкаратыўная абраднасьць і багатая мастацтвам і тэатральнасьцю імправізацыйная песьня—маналёг.

Хаця гэтымі абраднасьцямі перапоўнены ўсе этнаграфічныя зборнікі Шэйна, Раманава, Фэдэроўскага, прыкладныя, грунтоўныя працы прафэсара Карскага і інш., але для паўнаты прадстаўленьня й вобразнасьці мы лічым ня лішнім даць у гэтай працы кароткае апісаньне жывога беларускага каляндара. У гадавым крузе гэтыя сьвяткаваньні запаўняюць духоўныя і эстэтычна - мастацкія патрэбнасьці нашага селяніна, выяўляючы сабою народны тэатр на аснове культу прыроды.

Жывы каляндар беларускага гадавога круга.

Каляды. Сьвяткаваньне Каляд пачынаецца ў дзень перад Ражством і цягнецца да 5-га студзеня. Каляды (festum Calendarum), паводлуг досьледаў Весялоўскага, носяць у сябе сьляды сьвяткаваньня бога Дыоніса і інш. багоў рымска-грэцкіх. Гэта—той час году, калі сонца пасьля гадовага кругу зноў падымаецца й дні павялічваюцца, ў чэсьць чаго ладзіліся вялікія сьвяты.

Пры першай куцьці, калі вячэра ўрачыста разстаўлена на стале, гаспадар цэрамоніяльна падымаецца з свайго месца, стучыць кулаком у сьцяну і зьвяртаецца да марозу, як да жывой істоты—да бога:

«*Мароз, мароз! хадзі куцьцю есьці! Каб ты не маразіў ячменю, пшаніцы, гароху, сачавіцы, грэчкі і ўсяго, што мне Бог судзіць пасеяць*».

Такім чынам зьвяртаецца да бога—Мароза й гаспадыня, пералічываючы агародніны. Пасьля вячэры, варожбаў і інш., уся сям'я адыходзіць ад стала; гаспадар сядае ў куце, а жонка супраціў яго і паміж імі адбываецца вось якая сцэна:

Гаспадыня. Ці бачыш ты мяне?

Гаспадар. Ня бачу!

Гаспадыня. Каб жа ты ня бачыў за стагамі, за копамі; за возамі, за снапамі сьвету!

Гаспадар. Баба! Ці бачыш ты мяне?

Гаспадыня. Ня бачу!

Гаспадар. *Каб жа ты ня бачыла за гуркамі, за гарбузамі, за капустаю, за буракамі сьвету.*

Потым пачынаецца калядаваньне, якое цягнецца праз увесь калядны час. Цэлымі грамадамі дзеці й старыя сьпяваюць калядныя песьні пад вокнамі, за што ім даюць падарункі. Цыкль калядных і шчадроўскіх песьняў вельмі багаты. Адбываюцца гульні: Вясельле Цярэшкі, Яшчар, чорт, Апанас, Шыла, абход з вядзьмедзем, з кабылкаю, з жураўлём ды з казою, Бэтлейка[1]) і інш.

Гульня з казою адбываецца вось як: самага спрытнага й здольнага хлопца-аматара адзяваюць у кажух, вываорчаны шэрсьцю на верх. На ногі яму надзяваюць другі кажух, так сама вывварачаны й абодвы кажухі абвязываюць вяроўкай. Твар гэткай казы абмазываюць сажай, або надзяваюць маску. На галаву надзяваюць асобага гатунку шапку з рагамі, спляцеными з саломы або з лазы. Да казы далучаецца цэлая грамада гулякаў-актораў: дзед, павадыр, цыганкі, музыкі й песельнікі. Ў большай частцы й яны ў масках.

У такім выглядзе вандруючы тэатр абыходзіць хаты, ў якіх каза скача пад песьнямі й музыкай. У песьнях-маналёгах малюецца й сіла казы (усе сілы міфічных багоў, якія маюць уплыў над гаспадаркай), і сумная гісторыя аб тым, як яе падстрэлілі або ваўкі задушылі. Адпаведна зьместу песьняў, каза камічна скача й грае пантаміму, нарэшце падае й памірае. Пасьля гэтага даецца акторам выпіўка. Каза аджывае, ускаківае з зямлі й п'е гарэлку. Прадстаўленьне канчаецца.

Іншыя калядныя гульні ня меней сцэнічны. Гэта ўсё насьледаваньне старадаўных паганных часоў. Паралельна з гэтым адбываецца хаджэньне з гвяздой і бэтлейка— як мастацтва хрысьціянскае.

Шчадроўка.

Стаіць сьвятаіца нова зрублёна.
У той сьвятліцы чатыры акенцы:
У першым акенцы—ды яснае сонца,
У другім акенцы—ды ясны месяц,
У трэцьцім акенцы—ды дробныя зьвёзды,
У чацьвёртым акенцы—ды цёмная хмарка.
Ясна сонца—то жонка яго,
Ясны месяц—то сам гаспадар,
Што дробныя зьвёзды—то дзеткі яго,
Што цёмная хмарка—то жыта яго...
Шчодры вечар, добры вечар!

* * *

Масьленіца. У канцы лютага, ў часьць таго, што бог сонца яшчэ вышэй паднялося, што надбліжаецца вясна, праводзіцца тыдзень масьленіцы. Ядуць бліны, ўладжываюць катаньні на канёх, якія ўбраны істужкамі, званочкамі й бубенчыкамі. Пры гэтым пяюць песьні, крычаць-гікаюць і весяляцца. Такія карнавалы бываюць вельмі шумныя й вясёлыя. Праз усю масьленіцу паўтараюцца калядныя гульні.

Масьленіца.

А мы масьленіцу сустракалі,
І бярэсьні з маслам пачыналі,

[1]) Аб Бэтлейцы гл. „Весьнік Н. К. А.“ 1922 г. № 3—4. Калядныя гульні й скокі уведзены ў сцэнічным творы Міровіча (рэжысэр Бел. Дзярж. Акадэміч. тэатру ў Менску) „Машэка“.

Сырам гару усыпалі.
Наша масьленіца катліва,
Нашы дзевачкі гульлівы,
А малодзічкі ігрывы.
А мы масьленіцу пракацілі;
Нас масьленіца падманіла:
Мы думалі масьленіца 7 нядзеляк,
Ажно масьленіца 7 цзянёчкаў.

* *
*

Гуканьне вясны. У сярэдзіне сакавіка, калі сонца пачынае сьвяціць па вясноваму, вышэй на небе падымаючыся, калі селянін ужо ня можа дачакацца працы на полі, — пачынаецца «гуканьне вясны». Пасьля халоднай зімы ўжо няма цярпеньня далей чакаць, дык вось, каб вясна хутчэй прышла, клічуць яе як старадаўную багіню. Дзяўчаты ўзбіраюцца на дахы будынкаў на гумне або на ўзгоркі й пяюць вясьнянкі. Так сама клічуць вясну пры вогнішчах, уладжываюць зыбкі на брамах і пяюць вясновыя песьні. У вясьнянках, на манер старагрэцкага культу, малюецца вельмі паэтычна аджыўленьне зямлі пад чарамі багіні-вясны.

Заклікаиьне Вясны.

Благаславі, божа!
Вясну клікаць,
Зіму праважаць,
Лета дажыдаць!
Выляці, сізая галачка,
Вынясі залаты ключы,
Замкні халодную зімачку,
Адамкні цёплае лецячка.

* *
*

Вялікдзень. На Вялікдзень моладзь зьбіраецца грамадамі і пад акомпанімэнт музыкаў пяюць пад вокнамі валачобныя песьні, у якіх пад прыпевам: «*Хрыстос уваскрос, Сын божы*!» у большасьці пяюцца чыста «паганскія» песьні. У песьнях валачобнікаў малюецца прырода, дабрабыт селяніна, каханьне й інш. Пры гэтым імправізуюцца размаітыя павіншаваньні гаспадаром. Павітальныя валачобныя песьні вельмі сакавіты па вобразнасьці й паэтычнасьці.

Валачобнікам даюцца падарункі ў кожнай хаце й яны абавязкова уладжываюць вечарынку са скокамі. Калі няма музыкі, дык скачуць пад карагодныя песьні. Танцаў ёсьць шмат: падушачка, мяцеліца, гусачок, лучыніца, чыжык, лявоніха, таўкачыкі, гняваш, трасуха, вірабʻей, полька, кадрэль і г. д. Пры гэтым трэба адзначыць, што народны балет вельмі цікавы па сваей самабытнасьці. У народных танцах беларускі тэатр мае багата матэрʻялу дзеля апрацоўкі добрага балету.

Вялікодная.

Чы ня ластаўка ў вакно бʻецца,
Чы не гаспадара папуджае:
„Устань, устань, пане гаспадару,
Устань, устань ранюсенька,
І умыйся бялюсенька;
А выйдзі, выйдзі ў канюшню:
Восем кабыл ажарабілася,
Восем жарабят нарадзілася.“

Такім чынам зьвяртаюцца да гаспадыні, кажучы: «Восем кароў ацялілася».

* *
*

Радауніца ёсьць чыста старадаўны культ нябошчыкаў. На магілах плачуць і кажуць на расьпеў песьні-прычытаньні. Прыносяць яду нябошчыкам і з сцэнічным пафасам запрашаюць іх: „*Сьвятыя ра-*

дзіцелі, хадзеце, хадзеце к нам есьці, што бог даў!“

Увечары уладжываецца гульнятрызна. Тут гэтае сьвята сам народ метка ахарактарызаваў у пагаворцы: «*На Радаўніцу да абеда пашуць, на абедзе плачуць, а вечарам скачуць.*“

А звычай плакаць і скакаць у пэўны, устаноўлены час можа тольκі артыста, ды яшчэ не абі які.

* * *

Русальны тыдзень і сёмуха. Тут матывы й абраднасьці падобны да вясновых. Але дзеля таго, што на Сёмуху вясна знаходзіцца ў самым пышным росквіту сваім, гэтыя абраднасьці выяўляюцца ў болей паэтычвай форме—ў відзе гульні ў русалкі. На першы дзень Пятрова паста пад вечар дзяўчаты плятуць сабе вянкі й выбіраюць з сваёй грамады за русалку самую прыгожую дзяўчыну, якую аздобна убіраюць у кветкі ды істужкі. А пасьля ўжо, ўвечары, на ўсход месяца, дзяўчаты у белых вопратках і маністах, з распушчанымі валасамі, пераплеценымі істужкамі, надзяваюць сабе на галавы вянкі. Ўзяўшыся за рукі становяцца ў пэраг і з песьнямі йдуць на поле. Па дарозе пярэдняя пара падымае рукі дугой, пад якою пахіліўшыся праходзяць усе дзяўчаты. Да іх хутка далучаюцца дзяцюкі, якія едуць на начлег. На лузе рэскладаюць вогнішча й скачуць праз яго. Потым дзяўчаты, кідаюць вянкі ў агонь. Русалка ловіць дзяўчат і каго зловіць-казытае.

Русальная.

Пойдзем, дзевачкі,
У лугі-лужочкі
Завіваць вяночкі.
Мы заўʻём вяночкі
На гады добрыя,
На жыта густое,
На ячмень каласісты,
На аўʻёс расісты,
На грэчыху чорную,
На капусту белую.

* * *

Купальле сьвяткуецца ўночы з 23 на 24 чэрвеня. Паводлуг Гусьцінскай летапісі, купала называецца богам шчодрасьці (обилия): «*Купала бяше бог обилія якоже у Еллин Церезъ, ему же безумны за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва*». Гэта ёсьць тэй час, калі сонца знаходзіцца ў самым найвышэйшым пункце, калі дні доўгія, а ночы кароткія, калі лета знаходзіцца ў самым росквіту, калі бог „Сонца грае». Купальле зьвязана з старадаўнымі абраднасьцямі шмат болей, чымся ўсе іншыя гадавыя сьвяты. Тут ёсьць цудадзейныя чыннасьці папараць-кветкі, зьбіраньні лекарскіх зельляў, варажбы, чараўніцтва. Як найвялікшая спадчына самых сівых часоў, выяўляецца культ багіні. Каханьня ў эратычных оргіях на полі й у лесе пры вогнішчах [1]). Моладзь ў вянкох з кветак парамі, дзяўчаты й хлопцы, скачуць праз вогнішчы. Наладжываюцца гульні, скокі й карагоды пад музыкай дуды, скрыпкі і інш. інструмэнтаў.

У некаторых мясцох робіцца з саломы фігура Купалы, з якою скачуць праз вогнішча, або ставяць

[1]) Гэта было даўней. Цяпер ужо гэта ідзе не прыкмячаецца.

каля вогнішча, як сымбаль міфічнага бога [2]).

Купальскія песьні.

(*Адрыўкі*).

Ходзіць Купалка па вуліцы,.
Просіць Ільліча на ігрышча.
«А я ня пойду, Купалачка,
А я ня пойду, цёмная ночка!
Я буду жыта пільнаваці,
Каб тая ведзьма не заламала,
Каб у каровак малака не адбірала»

* * *

Рана на Йвана сонца грэла,
А там дзеўка воду брала,
Ваду браўшы утанула,
Утануўшы спанырнула.

———

Купаленька
Ноч маленька,
Да удаленька.
Цёмна ночка!
Дзе твая дочка!
«Мая дочка
У садочку
Рожу паліць.
Рукі коліць,
Красачкі рвэць,
Вяночкі ў'ець,
Усім дзевачкам
Па вяночку».

Купальскія сьвятканьні могуць даць беларускаму новаму тэатру шмат матар'ялу для розных спэнічных твораў, опэраў, балетаў і г. д. Апрача гэтага Купальле зрабілася сымбалічным сьвятам беларускага адраджэньня.

[2]) Счмыя выдатныя купальскія абраднасьці выведзены у музыкальнай драме М. Кудзелькі „На Купальле". Гэта п'еса ставілца ў Менскім Бел. дзярж. Акад. тэатры (1921—22 г.г.) з вялікім посьпехам.

Зажынкі, жніво й дажынкі.

Пры зажынках выходзяць на поле з хлебам-сольлю, а часам і з сырам. Пры гэтым зьвяртаюцца да Бога, да жыта, да палявога духа й да жняёў вось з якімі славамі:

Добры дзень господу богу,
Жыту ядранаму, хадзяіну палявому!
— Здароў, здароў, жнеі маладыя!
— Снапы залатыя!

Першы сноп прыносяць да хаты й ставяць пад абразамі. У час жніва пяюць:

Ды ўжо слонейка за лес коціцца,
Мне маладзенькай дамоў хочацца.
Ды ўжо ручаньні нарабіліся,
Ды ўжо ножанькі нахадзіліся,
Ды ўжо вочанькі наглядзеліся...

Як жніво канчаецца, ўсе вяжуць аграмадны сноп, які называецца „бабаю". Часам на гэтую «бабу» надзяваюць кашулю ды павязываюць хусткай. Жняі не дажынаюць поля да канца, а пакідаюць невялічкую купінку, называючы яе «барадою» гаспадара, дзе працавалі. У некаторых мясцох гэта называецца барадою казла (астаткі грэцкага казланогага й рагатага бога Фаўна). «Бабу» адносяць да гаспадара. Некаторыя жняі надзяваюць вянкі з жытніх каласоў. У гаспадарскі двор прыходзяць з песьнямі й ладзіцца пір-гульня. У песьнях малюецца багацьце й шчодрасьць гаспадара.

* * *

Хрэсьбіны ў беларусаў абстаўлены, як усе іншыя абраднасьці досіць тэатральна. Тут галоўнымі гэроямі зьяўляюцца бабка, бацька, матка, кум і кума.

І-я сцэнка (запросіны ў кумы).

Бацька. (*з хлебам-сольлю*). *Дзень добры вам!*

Кум. *Дзень добры!*

Бацька. *Прыміце маю хлеб-соль: хачу вас узяць за кума дзіцянё ахрысьціць.*

Кум. *Хрысьціць дык хрысьціць. Трэба ісьці.*

Бацька. *А сягоньне.*

Кум. *Я зараз.*

Бацька. *Пайду зваць куму.*

З хлебам-сольлю з такой-жа царамоніяй бацька запрашае куму.

На хрэсьбіным піры пяюцца хрэсьбінныя песьні. У канцы піру на хрэсьбінах адбываецца абавязковы звычай—ламаньне гаршчка з бабкінай кашай:

2-я сцэнка (ламаньне гаршчка).

Бабка. (*Дае куму гаршчок з кашай*). *Вось і мой падарунак!*

Кум. (*падымае гаршчок і пamaлу б'е аб стол*). *Ой, баба, —які гаршчок крэпкі ў ганчара выбрала! Ніяк не разьбіць!*

Бабка. *Ну, кумок, у другі раз, дык ня буду браць такога крэпкага. Ужо прыстаўлю дзіравы, каб кашу зварыць!*

Кум. (*прабуе біць гаршчок у другі раз, і прытвараецца што ня можа разьбіць*). *Ай, баба, ці не зялезны твой гаршчок? Ніяк не разаб'еш!*

Бабка. *Ну-тка бі, бі! Відаць, кумок мала еў.*

Пры гэтым бабка з кумам жартуюць на розныя лады. Пры трэцьцім разе кум разьбівае гаршчок. Усе сьмяюцца й клічуць з вуліцы дзяцей на кашу. Пасьля хрэсьбінаў хлопцы бабку возяць на цялежках да тых часоў, пакуль не дастануць ад яе на гарэлку.

* * *

Хрэсьбінная песьня.

Кумка на купе села
Харошую песьню спела;
Першую—хрэсьбінную,
Другую—вясельную:
«А дай, божа, гэтага дзіцяці
Хрэсьбінкі скакаці
І вясельле дажыдаці».
Судзіў бог яго відзець
Пад Хрыстом,
Судзі, божа, яго відзець
І пад вянцом.

Дзіцячыя гульні. Ня меней цікавы з боку тэатральнай здольнасьці й драматычнай творчасьці дзіцячыя гульні ў беларускіх вёсках. Адны з гэтых гульняў ёсьць чыстае падрабляньне вялікім, калі дзеці ў гульнях і поле аруць ані кірмаш едзяць і вясельле гуляюць і наогул, капіруюць жыцьцё вялікіх—прадстаўляюць маленькія бытавыя п'есы. Іншыя гульні—чыста фантастычныя, у якіх гэроямі зьяўляюцца: птушкі, зьвяры, расьліны, дрэвы, і г. д.

У гульнях-забавах ёсьць шмат матар'ялу для дзіцячых тэатраў.

* * *

Вясельле. Найчасьцей вясельле ладзіцца ў восені, пасьля сконченьні працы на полі. Абраднасьці беларускага складаюцца з вялікага цыклю размаітых тэатральных прадстаўленьняў у розных формах: дра-

ма, камэдыя, трагэдыя, фарс, апэрэтка, балет, пантаміма і інш.

Запоіны, заручыны,ёлка (дзявічнік), шлюб, васельле цягнуцц шмат дзён. Гэта ёсьць доўгі японскі сцанічны твор, які мае ў сябе цэлыя дзясяткі актаў, з карнаваламі, трыумфальнымі паездкамі і г. д. Міфалягічную сымболіку тут можна параўнаць да шматкалёрных гірляндаў расістых вясновых красак, якія зьяюць пад сонцам, пахнуць хмельным мёдам і зачаровываюць вока. Да каго й да чаго маладых не параўнаюць. У якіх відах іх не прадстаўляюць. Проста злічыць трудна! Тут і кароль і каралеўна, князь і княгіня, месяц і сонца, тавар і купец, певень і курачка, голуб і галубка, селязень і качачка, салоўка й зязюля, явар і бярозка, рожа, каліна, баравік і белянка і г. д.

Жаніх і нявеста ідэалізуюцца да немагчымасьці, надзелены цудадзейнай сілай перакідываюцца ў вышэйпамянёныя істоты. Потым, цэлая прыдворная сьвіта, якая акружае маладых: сваты, свахі, дружыны, баяры, баяркі, дружбы, дружкі, старасты, тысяцкія, маршалкі, музыкі і г. д.[1]).

Сымбалічнасьць льецца цэлым морам мёду, блішчыць хмельным фантанам фарбаў. Гэтыя абрады й звычаі маюць за сабою глыбокую старасьветчыну. Залатая тканіна народнай творчасьці зьяе ў вясельных абрадах, як жывая. Каб іх апісаць, дык можна запоўніць цэлы том.

[1]) Вясельныя абраднасьці выведзены ў сцэнічным творы Гарбацэвіча „Вясельле".

Вясельная песьня.

(*Перад выездам да шлюбу*).

Зьлятэлі, злынамі два анёлы з неба,
Селі, палі на Антонава ваконца,
А з ваконца на Настчыну галоўку.
Спыталі, спыталі ў краснай дзевухны:
«Ці благаславіла цябе матулька, малада?»
— Тады мяне матулька благаславіла,
Як яна мяне малюсеньку спарадзіла,
А спарадзіўшы з сырой зямелькі ўзьняла,
А ўзьняўшы ў тонкі бялюскі спавіла,
А спавіўшы кумом на рукі падала,
А падаўшы господа бога прасіла:
„Благаславі, божа, гэта дзіця да хрысту,
А з хросту благаславі, божа, да росту,
Ад росту благаславі, божа, да вянца,
Ад вянца благаславі, божа, да жыцьця!"

Хаутуры. Хаўтурныя абраднасьці і пэраманіяльнасьці на Беларусі так сама звязаны сымболікай, дагістарычных часоў. Вельмі тэатральна абстаўлена трызна па нябошчыку. Вельмі зьвяртаюць на сябе ўвагу сваей імправізацыяй прычытаньні сваякоў нябошчыка й чужых кабет, якія маюць за абавязак паплакаць на хаўтурах. Гэта напамінае стараэгіпэцкіх платных плакальніц, якія выпаўнялі свайго роду трагічныя ролі на хаўтурных пышных цэрамоніях.

У гэтым сэнсе й беларускія кабеты умеюць артыстычна паплакаць ў патрэбны час і гаварыць імправізацыйныя патэтычныя маналёгі.

Прычытаньне дачкі над маткай.

Галовачка мая бедная!
А зараненька ты скланілася.
А вочачкі-ж яе яркія!
Зараненька вы зачыніліся.
А ручанькі-ж мае белыя!
Зараненька вы зашчапіліся.
А ножачкі мае борздыя!
Зараненька вы падламіліся.
А словечкі мае верныя,
А словечкі мае шчырыя!

Ва ўсіх вышэй апісаных беларускіх абраднасьцях ёсьць багата драматычнага матар'ялу, у якім мозаічная сцэнічнасьць малюе сялянскі быт ва ўсіх яго праявах і дзіву даешся эфэктацыі чыннасьцяў і магутнасьці народнай творчасьці. Пры акуратнай паўторнасьці з году ў год, з веку ў век ў кожнай вёсцы й мясьціне паасобку гэтыя абраднасьці ўзбагачываюцца размаітымі дадаткамі, новымі вар'янтамі й служаць канвой дзеля вышываньня новых сцэнічных арнамэнтаў, новых дэсэнаў. Новыя беларускія пісьменьнікі з большым або меншым посьпехам у сваіх сцэнічных творах пачынаюць вывадзіць беларускія гадавыя абраднасьці.

З. Бядуля.

Шлях беларускай музыкі.

Рэвалюцыя, зьнішчыўшая путы няволі, нацыянальнага прыгнечаньня, паклікала да жыцьця народы, страціўшыя чаму-небудзь сваю дзяржаўнасьць, культуру, дала ім магчымасьць будаваць сваё ўласнае жыцьцё. Прачнуўся й беларус ад свайго векавога сну, прачнуўся й голасна заявіў, што й ён нічым ня горай іншых людзей, што й ён хоча карыстацца ўсімі тымі правамі, якія належаць яму й якія згубіў ён, дзякуючы гістарычным варункам свайго жыцьця.

Пачала буйна ўзрастаць беларуская культура. Сыны Беларусі, страціўшыя было сваю нацыянальную сьвядомасьць, вяртаюцца да яе. Але шмат каму не па сэрцу гэтае прабуджэньне нашага народу да вольнага жыцьця. Ім незразумела гэтае стыхійнае прагненьне свайго ўласнага, і яны з пенай на вуснах ганяць усё тое, што ім незразумела, што не адпавядае іх поглядам, звычаям, густу, што ломе ўклад іх жыцьця. Гэтак добра знайсьці нейкую мерку й падганяць пад яе ўсё, што толькі не спаткаем, а калі што, часам, не падганяецца пад гэтую мерку, дык што кепскае, тое трэба кінуць у гразь, затаптаць яго бруднымі ботамі, не зважаючы на тое, што гэта можа прыдзецца рабіць з душой чалавека, з душой цэлага народу. Аб маральнай вартасьці гэткіх людзей няма чаго й казаць. Іх сыны і ўнукі будуць сароміцца сваіх бацькоў—з пагардай адвернуцца ад іх.

Вось ад гэткіх людзей, ня ведаючых ні гісторыі беларускага народу, ні мовы яго, ні яго самога, часта даводзіцца чуць, што няма ні

беларускага народу, ні беларускай мовы, ні беларускай музыкі.

Спрачацца аб мове больш, чымсі дарэмна. Аб гэтым ужо дадзела і пісаць і казаць. Гэтае пытаньне зрабілася архаічным.

Іншае пытаньне—беларуская музыка.

Ці ёсьць беларуская музыка? Што трэба разумець пад словамі „беларуская музыка“?

Паставім пытаньне больш шырока. Што такое нацыянальная музыка?

Пад уплывам цэлага шэрагу прычынаў складаецца й фармуецца характар кожнага народу, як асобнае нацыянальнае адзінкі. Усе прадукты духоўнай дзейнасьці гэтага народу маюць на сабе адбітак яго характару, маюць тыя рысы, якія адрозьніваюць яго ад іншых народаў. Асабліва выразна адбіваюцца настроі, пачуцьці народу ў яго музыцы, у яго ўласнай, зразумелай яму, яго нацыянальнай музыцы. Пачатак яе трэба шукаць у глыбі народу, у самых яго „нізох“. Гэтыя «нізы» твораць музыку, твораць яе зусім несьвядома, бо гэта вымагаецца чыста фізыолёгічным законам і яна патрэбна яму, як патрэбна чалавеку спаць ці есьці. Гэта—прадукт народнай творчасьці, гэта—той матар'ял, з якога потым пабудуецца вялікі гмах—нацыянальная музыка. Мастакі з творчай здольнасьцю дабываюць гэты сыры матар'ял, апрацоўваюць яго подлуг існуючай навукі й гэткім чынам зьяўляецца штучная мастацкая ўжо музыка. Але на першых спробах утварэньня яе заўсёды адчуваецца ўплыў чужынскае больш моцнае музыкі. Гэтая чужынская музыка дадае ёй нешта сваё, уводзіць у яе непатрэбныя дысаніруючыя элементы. Успомнім для прыкладу пачатак разьвіцьця расейскае мастацкае музыкі. Музыка Волкава, Кавоса, Вярстоўскага гэта псэўда-нацыянальная музыка й толькі з Глінкі пачынаецца росквіт расейскае нацыянальнае музыкі.

Музыка падыходзіць да тае мяжы, калі яна, дасягнуўшы поўнага разьвіцьця, як нацыянальная музыка, здабывае вартасьць у інтэрнацыянальным, міжнародавым маштабе

Беларус мае сваю народную музыку—пекную, багатую, з боку мэлёдычнага, так і рытмічнага. Сыры матар'ял у нас ёсьць. Сваёй-жа мастацкай нацыянальнай музыкі мы яшчэ ня маем. Але яна яшчэ створыцца й створыцца хутка. Пачатак ёй ужо палажаны. Я кажу аб драме «На купальле». Гэта першая беларуская музычная драма, і ўжо толькі з гэтага боку яна мае вялікую вагу. Я не бяруся судзіць аб ёй з боку навуковага й мастацкага, бо гэта было-б не своечасна. Але ўсе, каму дарага наша музыка й яе будучына, павінны вітаць „На купальле“, як першую спробу беларускай нацыянальнай музычнай драмы.

Але першая ластаўка яшчэ ня робіць вясны. Чорнай падгатоўчай працы яшчэ вельмі й вельмі шмат. Амаль што ня ўсё мэлёдычнае багацьце захована ў народзе. Трэба яго адкапаць. Трэба дасканальна навуковым спосабам дасьледзіць беларускую песьню. Трэба тварыць сваю ўласную нацыянальную беларускую музыку, бо толькі тады й гэткім спосабам мы заваюем для яе пачэснае месца ў міжнародавай музыцы, падымем яе да ідэалу інтэрнацыянальнае музыкі.

А. Раманоўскі.

Беларуская навуковая тэрміналёгія.

(Працяг).

VI. Тэрміналёгія геомэтрыі

(*Расійска - беларускі тэкст.*)

1.	Аксіома	Аксіома, пэўнік.
2.	„ пространства	» » прасторы
3.	Аналіз	Аналіз. разбор.
4.	Апофема	Апотэма.
5.	Беспредельно	Безгранічна.
6.	Бесчисленное множество	Безьліч.
7.	Биссектриса	Роўнасечная, бісэктрыса.
8.	Бок трапеции	Бок трапэзу.
9.	Боковая грань	Бочная сьцяна.
10.	Боковыя ребра	Бочныя канты.
11.	Величины	Велічыні.
12.	» стремящиеся к нулю	» якія імкнуцца да нуля.
13.	» увеличивающиеся беспредельно	» якія павялічваюцца безгранічна.
14.	» стремящиеся к пределу	» імкнуцца да граніцы.
15.	Вершина угла	Вершыня кута.
16.	Вложение	Улажэньне.
17.	Вне (фигуры)	Па-за (фігурай).
18.	Внешний	Знадворны.
19.	Внешнее касание окружностей	Знадворны дотык акружынаў.
20.	Внутренний	Ўнутраны.
21.	Внутреннее касание окружностей	Ўнутраны дотык акружынаў.
22.	Вогнутый	Угнуты.
23.	Восьмигранник правильн. октаэдр	Восьмісьценьнік правільны, октаэдр
24.	Вписанный	Ўпісаны.
25.	Вращение	Вярчэньне.
26.	Выпрямление	Выпростываньне.
27.	Выпуклый	Выгнуты.
28.	Высота	Вышыня.
29.	Геометрия	Геомэтрыя.
30.	Геометрич. фигуры	Геомэтрычныя фігуры.
31.	Геометр. место точек	Геомэтрычнае месца пунктаў.
32.	Геометрическое тело	Геомэтрычнае цела.
33.	Гиппократовы луночки	Гіпакратавы сярпочкі.
34.	Гипотенуза	Проціпростакутная, гіпотэнуза.
35.	Гомотетия	Гомотэтыя.
36.	Градус	Градус
37.	» дуговой	» дугавы.
38.	» угловой	» кутавы.
39.	Грань	Сьценка
40.	Двадцатигранник правильный, икосаэдр	Дваццацісьценьнік правільны або ікосаэдр.
41.	Двенадцатигранник, додекаэдр	Дванаццацісьценьнік, додэкаэдр
42.	Диагональ	Ускосіна, дыягональ.
43.	Диаметр	Прамер, дыямэтр
44.	Длина	Даўжыня

45.	Доказательство	Довад
46.	» через наложение	» за дапамогаю накладаньня
47.	» от противного или приведение к нелепости	» ад супраціўнага або зьвядзеньне да недарэчнасьці
48.	» прямое	» просты
49.	» через совместимость	» за дапамогаю сумяшчальнасьці
50.	Допущение	Дапушчэньне
51.	Дуга	Дуга
52.	Задача числовая	Задача на лікі
53.	Задачи на вычисление	Задачы на вылічэньне
54.	» » построение	» » збудаваньне
55.	Заключение теоремы	Заключэньне, вывад тэорэмы
56.	Измерение величины	Мераньне, памер велічыні
57.	Измерения	Вымеры
58.	Измерение пространства	Памер прасторы
59.	Изображение (действие)	Рысаваньне
60.	» (результат)	Нарыс, вобраз
61.	» чисел с помощью отрезков	Азначэньне лікаў за дапамогаю адцінкаў
62.	Исследование задачи	Дасьледаваньне задачы
63.	Касаніе	Дотык
64.	Катет	Прыпростакутная, катэт
65.	Квадрат	Квадрат.
66.	Конгруентность	Сумяшчальнасьць, конгруэнтнасьць
67.	Конгруентные фігуры	Сумяшчальныя, конгруэнтныя фігуры
68.	Конгруенция	Сумяшчэньне, конгруэнцыя
69.	» прямая	простае, ая
70.	» непрямая	Сумяшчэньне, конгруэнцыя абернутае, ая
71.	Конус	Стажок, конус
72.	» прямой круговой	» кругавы просты
73.	» усеченный	» сьцяты
74.	Контур	Абрыс, контур
75.	Концентрический	Супольнаасяродкавы
76.	Круг	Круг
77.	» большой	» вялікі
78.	» малый	» малы
79.	Круглые тела	Круглыя целы
80.	Куб	Куб
81.	Лемма	Лема (дапаможная тэорэма)
82.	Линейка	Лінейка
83.	Линейный	Лінейны
84.	Линия	Лінія
85.	» бесконечная	» бесканцовая
86.	» вогнутая	» угнутая
87.	» вспомогательная	» дапаможная
88.	» выпуклая	» выгнутая
89.	» замкнутая	» замкнутая
90.	» касательная	» датычная
91.	» конечная	» канцовая
92.	» кривая	» крывая
93.	» ломаная	» ламаная
94.	» наклонная	» нахіленая
95.	» направляющая	» кіруючая
96.	» непрерывная	» неперарыўная

97. Линия об'емлемая	Лінія абыманая
98. » об'емлющая	» абымаючая
99. » образующая	» фармуючая
100. » пересечения	» перасеку
101. » перпендикулярная	» простастаўная
102. » полупрямая	» аднаканцовая
103. » прямая	» простая
104. » разноделящая	» роўнасечная
105. » секущая	» сякучая
106. Линия средняя (трапеции)	Лінія сярэдняя (трапэзў)
107. Линии взаимно-перпендикулярные	Лініі узаемна-простастаўныя
108. » параллельные	» роўналежныя
109. » пересекающиеся	» перасякальныя
110. » прилежащие	» прылеглыя
111. » прямые скрещивающиеся	» простыя мімабежныя
112. » рассекаются	» рассякаюцца
113. Луч	Прамень
114. Математические предложения	Матэматычныя цьвярджэньні
115. Медиана	Сярэдніца, мэдыяна
116. Минута	Мінута
117. » дуговая	» дугавая
118. » угловая	» кутавая
119. Многогранник	Многасьценьнік
180. Многоугольник	Многакутнік
121. » вогнутый	» угнуты
122. » выпуклый	» выгнуты
123. » звездчатый	» зорчаты
124. Многоугольники	Многакутнікі
125. » вписанные	» ўпісаныя
126. » одноименные	» аднайменныя
127. » описанные	» апісаныя
128. » правильные	» правільныя
129. Наклонение	Нахіленьне
130. Наклонность	Нахіл
131. Наклонный	Нахілены
132. Наложение	Накладаньне
133. Направление	Кірунак
134. » прямой	» простае лініі
135. » одинаковое	» аднакі
136. » противоположное	» супрацíўны
137. Наугольник	Накутнік
138. Неограниченно приближается	Неагранічана зьбліжаецца
139. » уменшается	» зьменшаецца
140. Несовмещение	Нясумяшчальнасьць
141. Несоизмеримые отрезки	Нясупольнамерныя адцінкі
142. Нормаль	Нормаль, простастаўная
143. Нормальный	Нормальны, простастаўны
144. Обозначение	Абазначэньне
145. Общая мера	Супольная мера
146. Об'ем	Аб'ём
147. Односторонний	Аднабочны
148. Окружность	Акружына
149. » вневписанная	» прыўпісаная
150. » вписанная	» ўпісаная

151.	Окружность вписать	Акружына упісаць
152.	» описанная	» апісаная
153.	» описать	» апісаць
154.	Опирается	Апіраецца
155.	Описать дугу	Апісаць дугу
156.	Определение	Азначэньне
157.	Основание	Аснова, падстава
158.	» верхнее трапеции	» верхняя трапэзу
159.	» нижнее	» ніжняя »
160.	» перпендикулара	» простастаўнай
161.	» треугольника	» трыкутніка
162.	Основания математики	Асновы матэматыкі
163.	Ось	Вось
164.	» вращения	» вярчэньня' вось абаротавая
165.	» симметрии	» сурязьмернасьці, сымэтрыі
166.	Отложение отрезков	Адкладаньне адцінкаў
167.	Относительное положение	Адноснае палажэньне
168.	Отрезок пирамиды	Адцінак піраміды
169.	» прямой	» простай
170.	Отрезки соизмеримые	Адцінкі супольнамерныя
171.	» несоизмеримые	» несупольнамерныя
172.	» поделить в крайнем и среднем отношении	» падзяліць у крайным і сярэднім стасунку
173.	Параллельный	Роўналежны
174.	Параллелограммы	Роўналежнабочнік
175.	Параллелепипед	Роўналежнасьценьнік
176.	» прямоугольный	» простакутный
177.	Пересечение	Перасячэньне
178.	Периметр	Абвод
179.	Перпендикуляр	Простастаўная (лінія)
180.	„ восставить к прямой	» —ую ўзьвесьці, паставіць
181.	„ опустить на прямую	» » зьвесіць на простую
182.	Пирамида	Піраміда
183.	„ треугольная	„ трохсьценная
184.	„ четырехугольн. и т. д.	„ чатырохсьценная і г. д.
185.	„ усеченая	„ сьцятая
186.	Планиметрия	Плянімэтрыя
187.	Плоскость	Роўніца
188.	» диагональная	» ўскосная
189.	» касательная	» датычная
190.	» секущая	» сякучая
191.	Плоскости	Роўніцы
192.	» параллельные	» роўналежныя
193.	» перпендикулярные	» простастаўныя
194.	» сливающиеся	» якія зьліваюцца, злітныя
195.	Плоскостной	Роўнічны
196.	Площадь	Плошча, поле
197.	Поверхность	Паверхня
198.	» боковая	» бочная
199.	» вращения	» вярчэньня
200.	» коническая	» стажковая, конічная
201.	» кривая	» крывая
202.	» полная	» суцэльная

203. Поверхность цилиндрическая	Паверхня вальцовая, цiлiндрычная
204. » шаровая, сферическая	» кулiстая, сфэрычная
205. Подобие	Падобнасьць
206. Подобные фигуры	Падобныя фiгуры
207. Положение плоскости	Палажэньне роўнiцы
208. Полукруг	Поўкруг
209. Полуокружность	Поўакружына
210. Полупериметр	Поўабвод
211. Полуплоскость	Поўроўнiца
212. Полуразность дуг	Поўрозьнiца дугаў
213. Полусумма дуг	Поўсума дугаў
214. Поперечный	Папярочны
215. Последовательное отложение отрезков	Паступовае адкладаньне адцiнкаў
216. Построение	Збудаваньне
217. „ корней квадр. ур-ия	Пабудова разьвязкаў квадратовага раўнаньня.
218. Постулат	Постулят, вымога
219. Превратить	Замянiць
220. Превращение	Замена
221. Предел	Граніца
222. Предельное значение	Гранічнае значэньне
223. „ положение	» палажэньне
224. Преобразов ние	Перайначваньня
225. Приближенное отношение	Прыблiжаны стасунак
226. Приближенный результат	» рэзультат
227. Призма	Кантаслуп, прызма
228. „ наклонная	» нахiлены, ая
229. „ правильная	» правiльны, ая
230. „ прямая	» просты, ая
231. Признаки равенства тр—ков	Прыметы роўнасьцi трыкутнiкаў
232. Прилежащий отрезок	Прылеглы адцiнак
233. Приложение алгебры к геометрии	Прыстасаваньне альгебры да геомэтры
234. Проекция	Проекцыя, спад
235. Пространство	Прастора
236. Пространственная сеть кубов	Прасторавая сетка кубаў
237. Противолежащий (угол)	Процiлежны
238. Противоположный	
239. Прямоугольник	Простакутнiк
240. Прямой, ая	Просты, ая
241. Равновеликий	Роўнавялiкi
242. Равновеликость	Роўнавялiкасьць
243. „ по дополнению	» праз дапаўненьне
244. „ по разложению	» праз раскладаньне
245. Радиус	Прамень, радыус
246. Развертка	Разьвiненьне
247. Развернутая поверхность	Разьвiнутая паверхня
248. Расположенный	Палажаны
249. Расстояние	Адлегласьць
250. Растворение	Расхiл
251. „ граней	» сьценак
252. „ сторон угла	» бакоў кута
253. „ циркуля	» цыркуля

254.	Ребро	Кант
255.	Решение (процесс)	Разьвязаньне
256.	„ (результат)	Разьвязак
257.	Ромб	Сукосьнік, ромб
258.	Сегмент	Кругадрэз, сэгмэнт
259.	Сектор	Кругавырэз, сэктар
260.	Секунда	Сэкунда
261.	„ дуговая	» дугавая
262.	„ угловая	» кутавая
263.	Сечение	Сячэньне, перасек
264.	„ параллельное	» роўналежнае, ны
265.	„ перпендикулярное	» простастаўнае, ны
266.	„ площадей	» плошчаў
267.	Симметрия	Суразьмернасьць, сымэтрыя
268.	Симметричные точки	Суразьмерныя, сымэтрычныя пункты
269.	Синтез	Сынтэз
270.	Следствие	Вынік
271.	Совмещение	Сумяшчальнасьць
272.	Совпадение (точек)	Супаданьне (пунктаў)
273.	Состав теоремы	Склад тэорэмы
274.	Соответственно-ровные (фигуры, углы)	Адпаведна роўныя (фігуры, куты)
275.	Соответствующие элементы	Адпавядаючыя элемэнты
276.	Соотношение	Залежнасьць
277.	Стереометрия	Стэрэомэтрыя
278.	Сторона треугольника	Бок трыкутніка
279.	» угла	» кута
280.	Стягивать	Сьцягваць
281.	Сходственные стороны	Адпаведныя бокі
282.	Тела круглые	Круглыя целы
283.	Тело геометрическое	Геомэтрычнае цела
284.	Теорема	Тэорэма
285.	» вспомогательная	» дапаможная
286.	» обратная	» адваротная
287.	» противоположная	» процілежная
288.	» прямая	» простая
289.	Точка	Пункт
290.	» высот или ортоцентр	» перасячэньня вышыняў, ортоцэнтр
291.	» касания	» дотыку
292.	Транспортир	Кутамер-пераносьнік, транспортыр
293.	Трапеция	Трапэз
294.	» равнобочная	» роўнабочны
295.	Треугольник	Трыкутнік
296.	» остроугольный	» востракутны
297.	» прямоугольный	» простакутны
298.	» равнобедренный	» роўнаплечы
299.	» равносторонний	» роўнабочны
300.	» равноугольный	» роўнакутны
301.	» разносторонний	» рознабочны
302.	» тупоугольный	» тупакутны
303.	Угол	К у т
304.	» внешний	» знадворны
305.	» внутренний	» унутраны
306.	» вписанный	» упісаны

307.	Уолг двугранный	Кут двусьценны
308.	» измеряется дугой	» мераецца дугой
309.	» линейный	» лінейны
310.	» многогранный	» многасьценны
311.	» опирается на дугу	» апіраецца на дугу
312.	» острый	» востры
313.	» плоский	» роўнічны
314.	» полный	» поўны
315.	» при вершине	» пры вяршыне
316.	» прилежащий	» прылеглы
317.	» примыкает к другому	» прылягае да другога
318.	» противолежащий	» процілежны
319.	» прямой	» просты
320.	» развернутый, выпрямленный	» выпрастаны
321.	» трехгранный	» трохсьценны
322.	» тупой	» тупы
323.	» центральный	» асяродкавы, цэнтральны
324.	Углы	Куты
325.	» вертикальные	» крыжавыя
326.	» двугранные	» двусьценныя
327.	» » острые	» » вострыя
328.	» » прямые	» » простыя
329.	» двугранные вертикальные	» накрыждвусьценныя
330.	» » с соответственно параллельными и одинаково направленными сторонами	» двусьценныя з адпаведна роўналежнымі і аднака накіраванымі сьценамі
331.	» » тупые	» двусьценныя тупыя
332.	» многогранные вогнутые	» многасьценныя ўгнутыя
333.	» » выпуклые	» » выгнутыя
334.	» накрест лежащие внутрен.	» наўскосьлежныя ўнутраныя
335.	» » » внешние	» » знадворныя
336.	» несовместимые	» несумяшчальныя
337.	» односторонние внешние	» аднабочныя знадворныя
338.	» » внутренние.	» » ўнутраныя
339.	» подобно расположенные	» падобна разьмешчаныя
340.	» попарно равные	» парамі роўныя
341.	» смежные	» сумежныя
342.	» совместимые	» сумяшчальныя
343.	» соответственные (при паралле)	» аднабочна-адпаведныя
344.	» » (в подобн. фиг.)	» адпаведныя
345.	» с соответственно паралл. стор.	» з адпаведна роўналежнымі бакамі
346.	» » » перпенд. стор.	» » простастаўнымі бакамі
347.	Удвоение числа сторон мн-ка	Падваеньне ліку бакоў мн-ка
348.	Упражнения	Практыкаваньні
349.	Усеченный	Сьцяты
350.	Условие задачи	Умова задачы
351.	Фигуры	Фігуры

352. Фигуры геометрические	Фігуры геомэтрычныя
353. » подобно расположен.	» падобна разьмешчаныя
354. » равновеликие	» роўнавялікія
355. » равные	» роўныя
356. Форма фигуры	Форма фігуры
357. Формула удвоения	Формула, узор падваеньня
358. Хорда	Струна, хорда
359. Центр	Асяродак, центр
360. » симметрии	» » сымэтрыі, суразьмернасьці
361. Цилиндр	Валец, цыліндр
362. » прямой, круговой	» » просты, кругавы
363. Циркуль	Цыркуль
364. Чертеж	Рысунак
365. Черчение	Красьленьне
366. Четыреугольник	Чатырохкутнік
367. Четырехгранник правильный (тетраер)	Чатырохсьценьнік правідловы, тэтраэдр
368. Численный пример	Лікавы прыклад
369. Шар	Куля
370 Шаровой пояс или зона	Кулісты пояс або зона
371. » сегмент	Адрэзак кулі, сэгмэнт кулі
372. » сектор	Вырэзак кулі, сэктор кулі
373. » » полый	» » » дупляны
374. » слой	Пласт кулі
275 Шестигранник правильный (гексаэдр)	Шасьцехсьценьнік правідловы або гэксаэдр
276. Эксцентрические окружности	Рознаасяродкавыя акружыны
277. Элементы треугольника	Складнікі, элемэнты трыкутніка

Слоўнік беларускіх тэрмінаў.

(Цыфры абазначаюць нумары расейска-беларускага слоўніка).

Абазначэньне, 144.
Абвод, 178.
Абрыс, 74.
Аб'ём, 146.
Адкладаньне адцінкаў, 166.
Адлегласьць, 249.
Аднабочны, 147.
Аднэснае палажэньне, 167.
Адпаведныя бакі, 281.
Адпаведна-роўныя фігуры, 274.
Адпавядаючыя элемэнты, 275.
Адрэзак кулі, 371.
Адцінак піраміды, 168.
„ простае, 169.
Адцінкі несупольнамерныя, 171.
„ супольнамерныя, 170.
„ падзяліць у крайнім і сярэднім стасунку, 172.

Азначэньне, 156.
Азначэньне лікаў за дапамогаю адцінкаў, 61.
Акружына, 148.
„ апісаная, 152.
„ прыўпісаная, 149.
„ ўпісаная, 150.
Акружыну апісаць, 153.
„ ўпісаць, 151.
Аксіома, 1.
„ прасторы, 2.
Аналіз, 3.
Апіраецца, 154.
Апісаць дугу, 155.
Апотэма, 4.
Аснова, 157.
„ верхняя трапэзу. 158.
„ ніжняя „ 159.

182

Прафесыянальна-пэдагогічная асьвета беларускага настаўніцтва ў Савецкай Беларусі.

Пытаньне аб спэцыяльна-пэдагогічнай асьвеце настаўніцкага пэрсаналю мае вельмі паважнае значэньне ў справе арганізацыі сучаснай школы. Новая школа вымагае і новага настаўніка. І асабліва значэньне мае пытаньне аб падгатоўцы новых настаўнікаў ў Беларусі, дзе толькі што ў часы рэвалюцыі пачалася сапраўдна грунтоўная праца па адраджэньню беларускай культуры і пашырэньню яе сярод шырокіх грамадзянскіх працоўна-сялянскіх, у істнасьці беларускіх, кругох. Адраджэньне Беларусі мысьліцца зусім правільна праз беларусізацыю школы, а беларусізацыя школы ў свой чарод зьяўляецца магчымай толькі праз папярэднюю беларусізацыю настаўнікаў. Такім чынам ў Беларусі зараз з пытаньнем аб падгатоўцы настаўніка сучаснай працоўна-пралетарскай школы ўзьнікае пытаньне аб падгатоўцы ўласна беларускага настаўніка, — настаўніка, ведуючага беларускую мову і добра знаёмага з асаблівасьцямі Беларусі ў геаграфічным, гісторычным, экономічным і іншых стасунках.

Пытаньне аб падгатоўцы настаўнікаў—беларусаў узьнікла ў Беларусі яшчэ ў першыя часы рэвалюцыі, у 1918 годзе, калі ў почас нямецкай акупацыі ў Менску былі з'арганізованы «*Першыя беларускія настаўніцкія курсы*», пачаўшыя сваю дзейнасьць з верасьня таго году. Гэтыя курсы працавалі і апосьля адходу немцаў. Хоць працаваць прыходзілася пры вельмі цяжкіх умовах, пераходзячы з аднаго будынку ў другі, ў холадзе, голадзе і часта цёмры, але праца шла інтэнсыўна. На курсах выкладалі выдатнейшыя беларускія дзеячы,—праф. В Іваноўскі, У. Ігнатоўскі, Б. Тарашкевіч, Я. Лёсік. З пэдагогічных прадметаў чыталіся Пэдагогічная псыхолёгія, гісторыя працоўнай школы і тэорыя адукацыі.

Вясною 1919 г. «Першыя беларускія настаўніцкія курсы» скончыла каля 70 асоб, добра ведаючых Беларусазнаўства і беларускую мову. З іх лічбы многія зьявіліся добрымі настаўнікамі і вельмі дапамаглі арганізацыі і захаваньню беларускай школы ў пэрыёд польскай акупацыі.

Дзеля падгатоўкі беларускага настаўніцтва восеньню 1918 г. беларускімі арганізацыямі быў вызваны з Яраслаўля і эвакуіраваны туды ў 1915 г. б. *Менскі Настаўніцкі Інстытут*. («Минский Учительский Институт»).

Яшчэ ў Яраслаўлі ў Інстытуце абазначыліся крокі беларускага руху; сярод як слухачоў, так і лектароў знайшліся асобы, прыхільныя да гэтага руху.

Зьвярнуўшыся ў Менск, Настаўніцкі Інстытут на першых парах мог абаснавацца толькі дзякуючы дапамозе з боку беларускіх устаноў, у частковасьці, Настаўніцкіх курсаў. Зразумела, што пытаньне аб Беларусазнаўстве павінна была ўстаць прад Інстытутам ў першую чаргу. Яно і было пастаўлена.

Калі ў канцы 1918 г. Настаўніцкі Інстытут пераутварыўся ў вышэйшую вучэбную ўстанову—Пэдагогічны Інстытут,—праграма апошняга была дапасавана да асаблівасьцяў беларускай культуры. Слухачы Інстытуту былі вельмі зацікаўлены проблемамі Беларусазнаўства. І трэба прызнаць, што ў адносінах да пастаноўкі, як агульна-пэдагогічных, так і беларусазнаўчых прадметаў, Інстытут адпаведаў свайму назначэньню. Тут выкладалі навукі такія аўтарытэтныя навуковыя сілы, як акад. Е. Ф. Карскі, праф. В. Андэрсон, праф. В. Іваноўскі, Б. Тарашкевіч і найлепшыя мясцовыя лектары, маючыя багаты пэдагогічны выпыт. Было прадпаложына папоўніць лектарскі пэрсанаЛ новымі аўторытэтнымі спэцыялістамі. Інстытут ужо ў першы год свайго істнаваньня быў забяспэчаны бібліотэкай, некаторымі кабінетамі і, нават, этнографічным музеям. Магчы-

ма было чакаць, што падгатоўка беларускага настаўніцтва ў Інстытуце будзе насіць сапраўдна грунтоўны характар.

Але, ў лєтку 1919 г. умовы працы зьмяніліся.

У пэрыёд белапольскай акупацыі ў 1919—1920 г. г. праца па падгатоўцы беларускага настаўніцтва, пры ўсей няпрыхільнасьці польскай школьнай адміністрацыі ў адносінах да беларускай школы і беларускай мовы, ня спынілася толькі дзякуючы Беларускай Школьнай Радзе. Рада захавала і пашырыла беларускую школу; яна-ж паставіла ў першую чаргу пытаньне аб падгатоўцы беларускага настаўніцтва. Дзякуючы стараньням Рады два разы былі з'арганізоўваны каротка-тэрміновыя лектарскія курсы, працаваўшыя ў б. Юбілейным доме.

Так-сама Радай быў узяты пад загад Пэдагогічны Інстытут пад назвай «*Беларускі Пэдагогічны Інстытут*» з умовай перахода на беларускую мовы ў выкладаньні навук. Толькі нязначная частка пэдагогічнага пэрсаналю згадзілася на такую ўмову. З другога боку, акупацыйная ўлада ўпарта адмаўлялася выдаваць Інстытуту грошы. Самае памешканьне Інстытуту было забрана. Дзеля ўсяго гэтага Інстытут доўгі час не мог пачаць сваей працы. Яна пачалася толькі ўжо вясною, калі былі адтрыманы сродкі пры дапамозе Рады. Лекцыі чыталіся толькі для 4 курса. Праца вялася ў беларускай мове.

Радаю было прадпалажана з працягам часу разьвярнуць Інстытут ў салідную Вышэйшую Беларускую школу; прадпалагалася так сама адчыніць некалькі настаўніцкіх сэмінарыяў.

Зразумела, што гэтыя прадпалажэньні робяць чэсьць Радзе.

11 чэрвеня 1920 г. панства польскай улады ў Менску закончылася.

У першыя часы істнаваньня Беларускай Савецкай (Раднай) Сацыялістычнай Рэспублікі прафесыянальна-пэдагогічная асьвета беларускага настаўніцтва знаходзілася ў часова нявыгодных умовах.

Беларускі Пэдагогічны Інстытут быў пераўтвораны ў *Менскі Інстытут Народнай Асьветы* («Минский Институт Народного образования»).—інстытут, які адтрымаў досыць выразны вялікарускі воблік. Беларусазнаўчыя навукі ці былі зусім зьніштожаны, ці зьведзены да немагчымага minimum'у Замест Гісторыі Беларусі чыталася толькі «История Русско-Литовского княжества». Геаграфія Беларусі чыталася толькі на Прыродазнаўчым аддзяленьні; курса Беларускай літаратуры ня было зусім; нават у працяг большай часткі вучэбнага году ня выкладалася і Беларуская мова. Хоць пэдагогічныя і агульнаасьветныя навукі ў Інстытуце і былі грунтоўна пастаўлены, але адсутнасьць беларускага напрамку зьяўлялася яго вялікім мінусам.

З гэтага боку былі нязадаваляючымі і адчыненыя пры ІНА Менскім Павятовым Аддзелам Народнай Асьветы чатырохмесячныя курсы для настаўнікаў школ першай ступэні. (з І—ХІІ —1920 по І—IV—1921). На курсах выкладаліся агульна-пэдагогічныя прадметы пры адсутнасьці Беларусазнаўства.

Становішча стала зьменяцца толькі пасьля сэсіі Цэнтр. Выкан. Камітэту Рад Беларусі ў лютым 1921 г.

У адносінах да пытаньня аб мясцовых мовах сэсіяй было пастаноўлена:

«Камісарыят Асьветы павінен разьвіць інтэнсіўную працу па падгатоўцы працаўнікоў школы, якія маглі-б вясьці выкладаньне ў беларускай мове.

Апрача адчыненьня ў Менску курсаў, такія курсы павінны быць адчынены яшчэ ў гэтым гаду ў кожным горадзе. Павінны быць утвораны асаблівыя дадатковыя курсы беларускай мовы для працаўнікоў асьветы ва ўсіх школах, дзе дзеці—беларусы.

Інстытут Народнай Асьветы і трохгадовыя курсы ў Бабруйску і Барысаве павінны быць пераўтвораны ў установы, якія могуць прыгатаваць працаўнікоў асьветы ў беларускай мове».

Трэба замеціць, што і на Ўсебеларускім З'ездзе працаўнікоў асьветы і сацыялістычнай культуры ў студзене

1921 г. было прызнана абавязковым адчыненьне ва ўсіх паветах асаблівых курсаў Беларусазнаўства і беларускай мовы дзеля падгатоўкі інструктараў беларускай школы.

Апасьля пастановы Ц. В. К. згодна катэгарычнаму загаду Наркамасьветы выкладаньне беларускай мовы было ўводзена ў Інстытуце і на курсах, як абавязковы прадмет, але як там, так і тут засталася да канца году вялікаруская тэндэнцыя.

З пачатку 1921—22 вуч. году Інстытут Народнай Асьветы быў зачынены. Замест яго з аднаго боку ўтварылася Пэдагогічнае аддзяленьне пры Факультэце Грамадзянскіх навук Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту, а з другога--Беларускі Пэдагогічны Тэхнікум, да якога перайшлі будынак (б. Рэальнага вучылішча па Захар'еўскай вуліце), інвентар, бібліотэка і вучэбныя кабынеты ІНА.

Подлуг самой ідэі Беларускага ўнівэрсытэту яго Пэдагогічнае аддзяленьне павінна гатовіць упаўне кваліфікаваных настаўнікаў для беларускай школы сярэдняга тыпу. У гэтым—сэнс яго істнаваньня. Высокая кваліфікацыя лектарскага пэрсаналю, у свой чарод, зьяўляецца пэўнай гарантыяй добрай падгатоўкі студэнтаў.

У першым годзе свайго істнаваньня,—1921—22 вуч. годзе, Беларускаму ўнівэрсытэту агулам, а Пэдагогічнаму аддзяленьню ў частковасьці, ня ўдалося разьвярнуць ва ўсю шырыню сваю працу. З пачатку гэтага году пры Унівэрсытэце адчыняецца *Пэдагогічны факультэт*. Магчыма, што тут і ўдасцца паставіць справу, як яна павінна быць.

Пэдагогічны факультэт унівэрсытэту мае заданьнем гатовіць пэдагогаў для беларускай сярэдняй школы вышэйшага тыпу.

Падгатоўка настаўніцтва сямёхгадовай школы зьяўляецца заданьнем *Беларускага Пэдагогічнага тэхнікума*.

Белпедтэхнікум пакуль што — адзіночная ў Савецкай Беларусі спэцыяльна-беларуская прафэсыянальна-пэдагогічная ўстанова.

Пэдтэхнікум адчыніўся з 1 кастрычніку 1921 г. пад кіраўніцтвам с. Я. Васілевіча.

У аснову вучэбнага пляну ўзяты быў вучэбны плян агульнага Пэдтэхнікуму, але з зьменамі, адпаведаючымі асаблівасьцям Беларусі.

У 1921—22 вучэбным годзе выкладаньне адбывалася подлуг гэткага вучэбнага пляну:

Назва прадметаў	Колькасьць вуч. гадзін.		
	І к.	ІІ к.	ІІІ к.
Беларуская мова	2	2	3
Гісторыя Беларусі	2	2	2
Беларуская літаратура	2	2	2
Ўвод у філёзофію	—	—	2
Псыхолёгія	—	2	2
Гісторыя пэдагог. ідэй	—	—	2
Пэдагогіка	—	—	2
Савецкая канстытуцыя	1	—	—
Гісторыя сацыялізма	—	1	—
Палітычная экономія	—	—	2
Асновы мовазнаўства	—	—	1
Расійская літаратура	2	2	2
Гісторыя першабытнай культуры	2	—	—
Гісторыя белар. і расейскай культуры	2	2	2
Географія агульная і Беларусі	2	—	—
Матэматыка	4	4	3
Фізыка	3	3	—
Хімія	—	3	2

Назва прадметаў.	Колькасьць вуч. гадзін.		
	I к.	II к.	III к.
Геолёгія	—	2	—
Анатомія	—	—	2
Новыя мовы	2	2	2
Сьпевы	2	2	2
Ручная праца	2	2	2
Музыка	1	1	—

На IV курсе дзеле яго адсутнасьці праца не адбывалася. Згодна пляну пэдагогічных тэхнікумаў гэты курс мае сваею метаю спэцыялізацыю слухачоў у розных галінах пэдагогічнай навукі і павінен насіць мэтодалёгічны характар.

У 1921—22 вуч. г. лектарамі тэхнікума былі такія асобы: Я. І. Васілевіч (Сав. конституцыя, гіст. Беларусі і гісторыя першабыт культуры), М. В. Азбукін (географія), М. Я. Байкоў (гісторыя пэдагог. ідэй), І. Я. Герцык (гісторыя сацыялізма і пал. экон.), М. А. Грамыка (геолёгія), К. М. Гадыцкі-Цвірка (матэм.), праф. У. М. Іваноўскі (філёзофія), Я. Ю. Лёсік (бел. мова), В. Ф. Міньковіч (новыя мовы), Ч. Я. Родзевіч (анал. хімія), М. М. Піотуховіч (бел літ), праф. Я. М. Салаўёў (дзіц. псыхалёгія), А. А. Савіч (гіст. бел. і рас. культуры), С. Я. Сінякоў (рас. літар.), Я. В. Сьняткоў (фізыка), З. А. Спапура (пэдагог.) і інш. асобы.

Трэба заўважыць, што ў склад лектарскага пэрсаналю ўвайшлі некаторыя лектары б. Менского ІНА і так-сама лектары Бел. Дзяржаўнага унівэрсытэту.

Такім спосабам, тэхнікум у поўнай меры забясьпечаны лектарскім пэрсаналям высокай кваліфікацыі.

Што тычыцца вучэбнага пляну, то ён, як пабудованы згодна з прынцыпам энцыклопэдычнасьці пэдагогічнай асьветы, які пастаўлены усім пэдтэхнікумам, можа вызываць спрэчкі, але гэтыя спрэчкі маюць агульны, а ня спэцыяльна—адносны да Белпедтэхнікума сэнс.

Пры тэхнікуме маюцца гэткія ўзпамагальныя ўстановы:

1) бібліотэка з 10000 прыбл. кніг і чытальня,

2) кабінэты: фізычны (найлепшы ў Менску), хімічны і прыродазнаўчы,

3) сталярная майстэрня, добра абстаўленая 12 вярстакамі і інш. інструмэнтамі,

4) паказальная школа,—ў 1921—22 вуч.г.—беларуская сямёхгадоўка па Алехсандраўскай вул. з 4 групамі вучняў выключна беларусаў).

5) вучэбная поле ў фэрме «Антонаўка».

Асабліва важнае значэньне для тэхнікума мае вучэбнае паказальнае поле. Згодна з метаю сельска-гаспадарчага ўклопу беларускай школы, Рада тэхнікума зьвярнула асаблівую ўвагу на сельска-гаспадарчую асьвету слухачоў. Аграномію слухачы выўчываюць пад кіраўніцтвам вучэнага агронома С. В. Скандракова. Вясною былі з'арганізованы практычныя работы слухачоў на выпытным полі. Наркамасьветай быў асыгнованы аванс на пакупку насеньняў; усі іншыя выдаткі былі пакрыты на кошт настаўнікоў і слухачоў. К пачатку вясеньняй працы з інвентара было ўсяго двое коней і 3 плугі. Бараны былі зроблены слухачамі ў майстэрні тэхнікума. Дзеля папаўненьня інвентара слухачамі былі зроблены адлічэньні з пайкоў: ў сакав к.—по 5 ф. ў крас. і трав.—по 3 ф. Усе насенныя работывытвараліся самімі слухачамі. Усяго было засеяна: жыта—$2^1/_2$ дз; ячменю—2 дз., аўса—$3^1/_2$ дз, бульбы—$1^1/_2$ дз., грачыхі—1 дз, клеверу—$1^1/_2$ дз., пад сенажацьцю было 3 дз. і агародамі 1000 квадр. саж. Уся праца рабілася пад кіраўніцтвам дырэктара тэхн. с. Васілевіча і пры актыўным удзеле з боку лектараў.

У летку праца на полі вялася дырэктарам, некаторымі лектарамі і слухачамі і 2 наёмнымі грамадзянамі.

Яшчэ ў мінулым годзе пры тэхнікуме было з'арганізавана для слухачоў супольнажыцьцё на 50 асоб. Аднак, дзеля адсутнасьці спэцыяльных

асыгнаваньняў умовы жыцьця ў ім былі не надта добрыя.

Слухачоў у тэхнікуме да канца 1921—1922 вуч. году было на I, II й III курсах каля 200 чалавек,—лічба, больш дакладна прадстаўленая ў гэткай табліце:

КУРС.	Лік слухачоў.		
	Мужч.	Каб.	Усяго.
I аснаўны	44	17	61
I паралел.	21	43	64
II	46	3	49
III	8	18	26
Разам	119	81	200

Слухачы па свайму сацыяльнаму становішчу—пераважна дзеці сялян з бліжэйшых да Менску абшараў Беларусі. Большасьць з іх (90%)—беларусы, 10%—зўрэі.

З дзесятага жніўня быў адчынен прыём у Тэхнікум на I, III і IV курсы на 1922—1923 вуч. г.

Усе асобы, жадаючыя паступіць у Тэхнікум, павінны былі трымаць калёквіум на наступных падставах:

1. На I курс:

а) Ня маючыя дакумантаў аб асьветным цэнзе — па ўсіх прадметах сямёхгадовай працоўнай школы.

б) Скончыўшыя сямёхгадоўку альбо роўную ёй школу—па матэматыцы (арытмэтыцы, альгэбры, гэомэтрыі, фізыцы), прыродазнаўству, беларускай мове і Савецкай канстытуцыі.

2. На III курс:

а) Ня маючыя дакумэнтаў аб асьветным цэнзе па ўсіх прадметах школы II-ой ступені.

б) Скончыўшыя школу II ступені, па матэматыцы (арытмэтыцы, альгэбры, гэомэтрыі, фізыцы), прыродазнаўству, беларускай мове і літаратуры і Савецкай канстытуцыі ў абёме праграмаў школаў II ступені.

3. На IV курс прыём—на тых жа падставах, што і на III курс, але, апрача таго патрэбны 3-гдовы пэдагогічны стаж.

Апасьля залікаў і калёквіумаў, якія адбыліся ад 1 да 15 верасьня пераведзена: з 1 на 2 курс 70 слухачоў, з 2 на 3—25, з 3 на 4—8; застаўлена на 1 кур. 28 слухачоў, на 2—14 і 3—2, выключана з 1 кл. 26 слух., з 2—6 і з 3-га—17; залічана на 1 к. 78 асоб, на 2—2, на 3—23 і на 4—2.

Прыём на 4 курс прадоўжаны.

Трэба спадзявацца і для гэтага спадзяваньня маюцца пэўныя асновы, што Беларускі Пэдагогічны Тэхнікум узмацніцца і ў будучыне зьявіцца яшчэ больш дасканальнай прафэсыянальна-пэдагогічнай беларускай установай.

Апрача Белпэдтэхнікума трэба адмеціць дзейнасьць *аднагадовых беларускіх настаўніцкіх курсаў у Менску* заданьнем якіх была падгатоўка настаўнікаў беларускай элемэнтарнай школы.

Гэтыя курсы адчыніліся 1 верасьня 1921 году ў будынку беларускай паказальнай сямёхгадоўкі па Александраўскай вул. пад загадам загадчыка школы М. А. Вахаева і працавалі да 1 жніўня.

На курсах выкладаліся гэткія прадметы:

Савецкая канстытуцыя—Я. Васілевіч.

Беларуская мова—Я. Лёсік.

Беларуская літаратура—М. Вахаеў і Я. Сушынскі.

Гісторыя Беларусі—Г. Поляк.

Геаграфія Беларусі—Ч. Родзевіч.

Пэдагогіка—М. Байкоў.

Мэтодыка роднай мовы—К. Міцкевіч (вядомы бел. паэта Я. Колас) і М. Маркевіч..

Увод у прыродазнаўства—Я. Каранеўскі.

Альгэбра—А. Рабец.

Гэометрыя і мэт. арытм.—А. Зяновіч.

Толькі нязначная частка прадметаў выкладалася ў расійскай мове, а іменна:

Паліт. экономія—М. Гуткоўскі.
Агульная геаграфія—П. Кастроў.
Мэтодыка гісторыі—М. Маслакавец.

Практычныя заняцьці слухачоў адбываліся ў беларускай паказальнай школе Бєлпэдтэхнікума.

Слухачы курсаў, мушчыны і кабеткі, усе былі беларускай нацыянальнасьці, сярод іх—некаторыя з Гомельшчыны. Да працы яны былі вельмі шчыры і асабліва цікавіліся лекцыямі ў беларускай мове.

Ад 1 ліпня да 1 жніўня г. году адбываліся залікі. З 46 асоб, зьявіўшыхся да залікаў, скончыла курсы 24 асобы.

Апрача настаўніцкіх курсаў у Менску у 1921-1922 вуч. годзе былі адчынены Лектарскія курсы Беларусазнаўства й Беларускія курсы дашкольнага выхаваньня.

Лектарскія курсы адчыніліся пад загадам с. М. Піотуховіча яшчэ 16 ліпня 1921 г. і мелі досыць шырокую праграму. На гэтых курсах з пачатку чыталі досыць выдатныя лектарскія сілы, як акад. Е. Ф. Карскі, праф. У. Пічэта, У. Ігнатоўскі, Я. Лёсік і інш., але акад. Е. Карскі ў хуткім часе выехаў у Петраград, іншыя лектары дзеля розных прычынаўпрацы спынілі сваі лекцыі і праз некалькі тыдняў становішча курсаў стала досыць хісткім. Бывалі моманты, калі прыходзілася чытаць лекцыі выключна загадчыку курсаў с. Піотуховічу. У 1922 г. у склад праграмы курсаў былі ўводзены пэдагогічныя дысцыпліны й праца загадчыка палягчылася. У 1922 г. на курсах выкладалі прафэсары й лектары Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту і Беларускага Тэхнікума.

Да 1 красавіку згодна пастанове Ц.В.К. аб скарочаньні установаў Наркамасьветы праца курсаў закончылася.
З ліку 42 слухачоў скончылі курсы 40 асоб.

Слухачамі курсаў былі большаю часткаю асобы з поўнай сярэдняй асьветай, з іх некаторыя—студэнты унівэрсытэту і політэхнікума.

Зусім неўдала былі пастаўлены адчыненыя 1 кастрычніка 1921 г. у беларускай школе № 21 па Захар'еўскай вул. «Курсы дашкольнага выхаваньня». На гэтых курсах ня было ані добра апрацаванай праграмы прадметаў, ані сыстэматычнага выкладаньня лекцый, алі нават лектараў. З ліку 60 слухачоў,—пераважна кабетак, толькі нязначная частка была беларускай нацыянальнасьці.

Згодна пастанове Ц.В.К. аб скарочаньні штатаў неўдалая праца дашкольных курсаў 1 сакав. спынілася.

Апрача больш-менш доўга-тэрміновых лектарскіх і настаўніцкіх курсаў меце падгатоўкі беларускага настаўніцтва служаць так-сама каротка-тэрміновыя курсы, якія звычайна адчыняюцца у час летніх вакацыяў.

Такія курсы былі з'арганізаваны Беларускім Аддзелам Наркамасьветы яшчэ ў летку 1921 г. амаль-што ня ва ўсіх паветах і шмат якіх валасьцёх Беларусі. Афіцыяльна праз іх прайшло усё беларускае настаўніцтва.

У гэтым годзе Наркамасьветай таксама былі з'арганізованы 6 тыднёвыя курсы з 15 чэрв. ў Мазырэ, Барысаве й Бабруйску; у Менску каротка-тэрміновыя курсы адчыніліся 26 ліпня дзякуючы Менскаму Гарадзкому Аддзелу Народнай Асьветы.

На павятовыя курсы Наркамасьветай былі камандыраваны кампэтэнтныя спэцыялісты-беларусазнаўцы, сябры Інстытуту Беларускай культуры.

Хоць значэньня каротка-тэрміновых курсаў і нельга праўвялічываць, аднак магчыма лічыць, што яны што-колечы і далі беларускаму настаўніцтву, па меншай меры запоўнілі ў некаторай стэпэні недахват літаратуры па Беларусазнаўству, які так востра адчуваецца ў беларускай правінцыі і вельмі прашкодзіць беларусазнаўчай асьвеце настаўнікаў.

Падводзячы рэзумэ да вышэйказанага, мы можам зрабіць заключэньне, што з працягам часу прафэсыянальна-пэдагогічная асьвета беларускага настаўніцтва разьвіваецца і ўзмацняецца. Згодна заяве Наркамаасьветы с. Ігнатоўскага на адчыненьні Менскіх каротка-тэрміновых гарадзкіх курсаў 26

ліпьня, Народны Камісарыят Асьветы, ня гледзячы на свае вельмі кепскае грашовае становішча, з свайго боку робіць усё магчымае для пашырэньня беларусазнаўчай асьветы сярод настаўніцтва. Гэтая заява Наркома Асьветы, зьяўляецца найлепшай гарантыяй за тое, што і ў далейшыя часы падгатоўка беларускага настаўніцтва будзе разьвівацца і істнуючыя ў беларусі прафэсыянальна-пэдагогічныя установы будуць добрымі рассаднікамі настаўнікаў, сапраўдна адпавядаючых запатрэбаваньням беларускай школы.

М. Байкоў.

Крытыка і кнігапіс.

Новыя беларускія выданьні.

С. Валасковіч і Т. Лукашэвіч. Зборнік арытмэтычных задач, Частка I (Першы дзесятак. — Першая сотня.—Звычайныя дробы --122 стар. і частка II. (Лікі ўсялякае велічыні й скончаныя дзесятковыя дробы Найменныя лікі. Мэтрычныя меркі. Пропорцыянальныя вялічыні. Адсоткі. Задачы для паўтарэньня курсу) —152 стар. Беларускае Коопэрацыйна-Выдавецкае Таварыства «Адраджэньне». Менск, 1922.

«Зборнік арытмэтычных задач» С. Валасковіча і Т. Лукашэвіча мае сваёю мэтаю, як відаць з «Прадмовы» аўтараў да «Зборніка», даць дапамогу настаўніку арытмэтыкі пры навучаньні дзяцей арытмэтыцы, дзе, па думцы аўтараў, «галоўную ролю павінны йграць мэтадычна падабраныя задачы, адпавядаючыя аддзельным момантам навучаньня і ў поўнай меры пасільныя для дзіцячага разьвіцьця і разуменьня».

Па думцы аўтараў «зборнік мэтадычна падабраных задач заўсёды павінен быць пад рукамі ў настаўніка. Настаўнік можа і павінен прыстасаваць яго да мясцовых варункаў, папоўніўшы або зьмяніўшы зьмест задач, якія знаходзяцца ў зборніку, адпаведна мясцовым цэнам, заробкам, промыслам; можа што-колечы скараціць і што-колечы зьмяніць у зборніку адпаведна асаблівасьцям сваёй школы, але канва й характар задач, дух і уклад іх адзначаюцца зборнікам; практыка вапьні павінны застацца нязьменнымі»

Далей у сваёй «Прадмове» да «Зборніку» аўтары кажуць, што іх «Зборнік» абымае поўны курс арытмэтыкі й істотна адрозьніваецца ад другіх зборнікаў раскладам і аб'ёмам вучэбнага матар'ялу, што, між іншым, іх «Зборнік» дае матар'ял для практыкаваньня дзяцей на гандлёвых лічыльніках, для выкананьня статыстычных абсьледаваньняў акружаючага школу жыцьця й складаньня табліц і дыаграмаў, матар'ял для азнаямленьня з ідэяю небеспасрэдных вымераў, арытмэтычнага сярэдняга, арытмэтычнага дапаўненьня, функцыянальнае залежнасьці вялічыняў і паміж элемэнтамі і рэзультатамі арытмэтычных дзеяньняў; што вялікая ўвага аддадзена іх задачнікам практыкаваньням у вусным лічэньні, якое праходзіць праз увесь курс арытмэтыкі, практыкаваньням у самастойным складаньні дзяцьмі задач і наогул практыкаваньням для самастойнае працы вучняў у клясе і вонках яе. Зьмест задач, па колькі гэта было магчыма, кажуць аўтары рэальны і апрача таго, накіраваны да ўтварэньня сувязі арытмэтыкі з альгэбраў, геомэтрыяў і іншымі прадметамі школьнага курсу.

Нарэшце, аўтары адзначаюць, што ў «Зборніку» не знайшлі для сябе месца так званыя задачы на «тыпы», якія «вядуць да выпрацоўкі шаблёну», а таксама вельмі цяжкія й складаныя задачы, якія «сваёй непасільнасьцю

перашкаджаюць выяўленьню ў поўнай меры дзіцячае самадзеяльнасьці», і адзначаюць таксама адсутнасьць адказаў на задачы, рэкамэндуючы замест гэтага шырокае ўжываньне праверак разьвязаньня задач, маючы на ўвазе гэтым шляхам «выгадаваць у дзецях навык правяраць свае дзеяньні і пакладацца на свае сілы».

Пераглядаючы сапраўды абедзьве часткі «Зборніка», мы можам заўважыць, што далёка ня ўсё тое, аб чым аўтары гавораць у сваёй «Прадмове», маецца ў самым «Зборніку» або дадзена ў ім не ў такім разьмеры, ў якім хацелася-б чакаць.

Перш за ўсё, «Зборнік» адрозьніваецца ад другіх зборнікаў толькі, ўласна кажучы, тым, што разглядае скончаныя дзесятковыя дробы разам з лікамі ўсялякае велічыні й дзеля таго дае прыклады і задачы на нумарацыю і дзеяньні з скончанымі дзесятковымі дробамі разам з нумарацыяю і дзеяньнямі з лікамі ўсялякае велічыні (аддзел першы другой часткі «Зборніка»).

Такі расклад матар'ялу мае свае выгоды, але больш мае і нявыгодаў, бо хоць з павярхоўнага боку дзеяньні з цэлымі лікамі і з скончанымі дзесятковымі дробамі аднаковы, аднак ёсьць глыбокая розьніца ў самай сутнасьці дзеяньняў з цэлымі лікамі і з скончанымі дзесятковымі дробамі: множаньне на дзесятковы дроб і дзяленьне на дзесятковы дроб маюць зусім іншы сэнс, чымся множаньне і дзяленьне на цэлы лік, бо множаньне і дзяленьне на дроб не зьяўляюцца ні паўтарэньнем аднаго ліку складнікам некалькі разоў ні дзяленьнем на роўныя часткі або дзяленьнем па зьместу.

Наогул кажучы, ў разуменьні дзесятковых дробаў самае галоўнае ёсьць тое, што яны складаюцца з дзесятковых доляў, а не тое, што запіс іх падобен да запісу цэлых лікаў.

Што тычыцца слоў аўтараў, што «Зборнік» дае матар'ял для выкананьня статыстычных абсьледаваньняў акружаючага школу жыцьця й складаньня табліц і дыяграмаў, то такіх задач «Зборнік» дае надта мала; да такіх задач належаць задачы: № 725 аб параўнаньні глыбіні вазёраў, № 164 (з другой часткі) аб перапісі жыхароў свайго сяла з азначэньнем, колькі ў ім мужчын і кабет, граматных і няграматных, колькі дзяцей вучыцца ў школе і колькі ня вучыцца і з патрабаваньнем злажыць табліцу перапісі, № 1700 (таксама з другой часткі) такога-ж самага характару, толькі з патрабаваньнем зрабіць вылічэньне, колькі адсоткаў у адносінах да ўсяго насяленьня складаюць мужчыны, колькі адсоткаў складаюць жанчыны, № 1115 аб кошце апрацоўкі зямлі і аб агульным і чыстым даходзе з дзесяціны і г. д.. На складаньне дыяграмаў дадзена таксама мала задач; такі характар маюць, між іншым, тры апошнія задачы «Зборніка», а ўласьне № № 1740, 1741 і 1742 аб адносінах сушы і вады на зямной паверхні, аб відавочным прадстаўленьні розьніцы паміж колькасьцю насяленьня ў Меншчыне, Горадзеншчыне, Віленшчыне, Вітабшчыне, Магілёўшчыне і Смаленшчыне і аб параўнаньні велічыні 8 галоўных плянэт, прычым дзьве з гэтых задач гавораць аб такіх далёкіх ад школы рэчах, як контынэнты, океаны і розныя плянэты.

Прыемнае ўражаньне робяць задачы, якія трактуюць аб тым, што так ці йначай зьвязана з прыродаю Беларусі, яе насяленьнем, яе гісторыяй і яе культураю. Такіх задач так сама не надта многа, але ўсё-ж-такі яны сустракаюцца блізка што ў кожным аддзеле «Зборніка». Такога роду задачамі зьяўляюцца задачы № 725 (з першае часткі), № 163 (з другой часткі) аб насяленьні Менску і Вільні, № 166 аб насяленьні Мазырскага і Бабруйскага паветаў, № 167 аб ліку беларусоў у розных губэрнях, № 214 аб Нёмане, № 219 аб Дзьвіне, № 221 аб Прыпяці, № 226 аб Дняпры, № 229 аб сярэдняй гадавой тэмпэратуры Беларусі, № 235 аб Дзьвіне і Сожу, № 832 аб розьніцы ў часе поўдня ў Менску, Петраградзе і Парыжу, № 833 аб розьніцы паміж менскім і кіеўскім часам, № 836 аб знахадженьні адлегласьці паміж рознымі гарадамі па розьніцы паміж часам поўдня ў іх, № 1057 аб беларускім паэце Вінцуку Дуніна-

Марцінкевічу, № 1659 аб колькасьці беларусоў, № 1685 аб павялічэньні насяленьні Менску, № 1701 аб першай беларускай друкаванай кнізе «Псалтыр» Францішка Скарыны, № 1709 аб прывілеях на Майдэборскае права ў Менску і ў Вітабску, № 1716 аб колькасьці вучняў у школах 1-ае ступені Менскага павету і № 1741 аб засяленьні аддзельных частак Беларусі і інш.

Таксама прыемнае ўражаньне робіць тое, што ўласныя іменьні дзяцей, якія зьяўляюцца дзеючымі асобамі ў шмат якіх задачах, беларускія.

У задачах гаворыцца аб блізкіх дзіцячаму разуменьню рэчах, як хатнія жывёлы, розныя прадметы хатняе абстаноўкі, збожжа, праца людзей, купоўля і прадажа, прыбытак і страта, зьявішчы прыроды, факты з гісторыі, некаторыя статыстычныя даныя, вымеры розных прадметаў, вылічэньне часу, адсоткаў, аб'ёмаў, плошчаў, цэнаў і г. д. Што тычыцца таго цьвярджэньня аўтараў, што задачы накіраваны да ўтварэньня сувязі арытмэтыкі з альгэбрай, геомэтрыяй і іншымі прадметамі школьнага курсу, то асаблівых адзнакаў гэтае сувязі ў «Зборніку» няма; задач, якія бы зьвязвалі арытмэтыку з альгэбрай зусім няма (калі ня лічыць ужываньня ў арытмэтычных прыкладах літары x для абазначэньня невядомага ліку), няма складаньня і разьвязваньня арытмэтычных задач у агульным відзе, надта мала дадзена задач па вылічэньне тэмпэратуры, дзе былі дадзены ня толькі дадатныя тэмпэратуры, але і адмоўныя (гл. задачы з другой часткі «Зборніку» № № 607, 613, 616); што тычыцца зьвязку з геомэтрыяй, то маюцца задачы толькі такія, дзе йдзе мова аб мераньні адлегласьці па простай лініі, аб мераньні плошчы простакутнага поля, аб мераньні аб'ёму целаў, маючых форму простага простакутнага роўналежнасьценьніка, аб даўжыне абводу кола, аб руху ў адным кірунку і на сустрэчу (гл. задачы №№ 1213-1219, дзе аўтары рэкамэндуюць пры высьвятленьні спосабу разьвязваньня задач карыстацца рысункам); аб вылічэньні папярэчніка кругу на яго акружыне (задача №1712).

Што тычыцца сувязі арытмэтыкі з другімі прадметамі, то задач, якія-б бралі матар'ял з іх, мала; ёсьць некалькі задач, якія гавораць аб некаторых фактах з жыцьця хатніх птушак (напр., задачы № № 800, 804), з жыцьця жужлаў (задача № 726 аб пчалінай матцы, трутнях і працоўных пчолах, № 386 аб тэрмітах), аб хатніх жывёлах (зад. № 729), ёсьць некалькі задач, якія гавораць аб уласьцівасьцях фізычных целаў (аб параўнаньні іх цяжару з цяжарам вады), аб вольным паданьні целаў (зад. № 179 з другой часткі «Зборнік»), аб разьмерах зямной кулі (зад. № 1108), ад адлегласьці ад сонца да зямлі (зад. № 476) і т. п.

Разглядаючы «Зборнік» з боку раскладу матар'ялу, знаходзім, што ён апрача сказанага вышэй аб скончаных дзесятковых дробах пабудован па звычайнай схэме: спачатку йдуць вусныя практыкаваньні ў граніцах 10, потым пісоўныя практыкаваньні ў тых-жэ граніцах, потым задачы і прыклады на лікі першае сотні, звычайныя дробы (з назоўнікамі ў гэтых граніцах), лікі ўсялякае велічыні з уключэньнем скончаных дзесятковых дробаў, дзеяньні з найменнымі лікамі, мэтрычныя меры, звычайныя дробы і сумесныя вылічэньні з звычайнымі і дзесятковымі дробамі, і, нарэшце, з вылічэньні з прапарцыянальнымі велічынямі і задачы для паўтарэньня курсу.

Падводзячы ітог ўсяму вышэйпаданаму, можам сказаць, што «Зборнік» не пракладае новых шляхаў у справе выкладаньня арытмэтыкі; усе тыя думкі, якія аўтары лічаць новымі ў сэнсе аб'ёму і раскладу матар'ялу, можна знайсьці ў падручніках і задачніках і даваеннага часу, але ўсё-ж-такі «Зборнік» дасягае сваёй мэты— даць дапамогу настаўніку пры навучаньні арытмэтыцы.

Асабліва важна тое, што гэты «Зборнік», як складзены аўтарамі-беларусамі і маючы матар'ял у большай ці меншай меры прыстасаваны для беларускай школы, зьяўляецца ў цяперашні час найлепшым з існуючых ў беларускай мове зборнікаў задач (як, прыкладам, задачнікі Г. Юрэвіча, за-

дачнік Шапашнікава і Вальцава ў перакладзе на беларускую мову).

Што тычыцца тэрміналёгіі, то «Зборнік» прытрымліваецца тэрміналёгіі, зрацаванай Беларускаю Навукова-Тэрміналёгічнаю Камісіяю і ухваленай Інстытутам Беларускай Культуры, найбольш зўторытэтнай інстытуцыяй, якая стаіць на чале разьвіцьця Беларускае культуры.

З павярхоўнага боку, «Зборнік» выглядае добра. Шрыфт у здавальняючай меры ясны, выразны; друкарскіх памылак мала.

Наогул кажучы, «Зборнік» будзе карысным для беларускай школы падручнікам.

Л. Більдзюкевіч.

Цішка Гартны. *Сокі цаліны. Раман у трох частках. І. Бацькава воля. Выданьне Нав.-Літ. аддзелу Камісарыяту Асьветы Б. С. С. Р. Бэрлін. 158 стр.*

У 1922 г. Выдавецкім аддзелам Гандлёвага прадстаўніцтва Н. К. У. Г. В. ў Нямеччыне надрукавана першая частка раману Цішкі Гартнага. «Сокі цаліны».

Выхад з друку хоць бы аднэй тольві часткі, але у аб'еме 158 стр., беларускага раману прадстаўляе выдатнае зьяўленьне ў беларускай пекнай літаратуры. Да гэтага часу зьяўляліся ў беларускай мове большаю часткаю, за нязначнымі выключэньнямі, як напр. аповесьць «Дзьве душы» М. Гарэцкага, толькі больш менш драбезковыя мастацкія рэчы,—вершы, кароткія апавяданьні, кароткія так-сама драматычныя творы і г. п. Раман Ц. Гартнага —першы праўдзівы раман ў беларускай мове, раман, нават у некалькіх частках.

Паказальна, што першы беларускі раман прыналежыць да таго роду літаратуры, які адносіцца да часоў пралетарскай рэвалюцыі, літаратуры, зьяўляючайся адбіткам жыцьця і ідэалёгіі сялянскіх і працуючых масаў.

Ц. Гартны—сялянскі і працоўны пісьменьнік і ў сваім рамане праўдзівымі рысамі ён малюе вобразы жыцьця і настроі беларускіх сялян—жыхароў так звычайных для Беларусі дробных мястэчкаў.

Нельга адмаўляць таго, што беларускае сялянства, як сялянства наогул, і да гэтага часу прадстаўляе сабою яшчэ досыць буржуазную стыхію, ці, дакладнэй кажучы, зьяўляецца асяродкам праславутай «мелкабуржуазнай стыхіі».

Такім, дробна-буржуазным і малюецца ў рамане жыцьцё беларускіх сялян на фоне беларускай прыроды з яе хвойнічкамі і ніўкамі, балотамі, і лугамі, хмаркамі і яскравым летнім санейкай.

Сілцы,—мястэчка, дзе адбываецца раман,—зусім дробна-буржуазнае панства.

«У Сілцох самыя маленькія здарэньні, як весельля, радзіны, нават асьвячэньне хаты, ці другія дробныя папойкі, былі нейкімі асобнымі навінамі, аб якіх стараліся праведаць ўсе мешчане і аб якіх гутаркі знаходзіліся на цэлыя тыдні. У такім ціхім сталячым жыцьці, якое панавала у Сілцох і ня дзіва, што ўсякая муха—завируха: кожнаму надазаляе(?) аднакавасьць да ачамернасьці (?), набівае адваротную аскому й нават стамляе душэўна. Хоць малейшая іначнасць, всё чымсі новым, хоць трошкі ды бурнейшым. Вось і ня дзіва, што ўсе, хто толькі убачыў ідучых к Прыдатным сватоў, настолькі цікавіўся імі, быццам тыя сваты йшлі к яму»...

І здарэньне, з якога пачынаецца раман і аб чым йдзе мова ў першай часткі—зусім маленькае, зусім адбіваючае дробна-буржуазным духам здарэньне. Гэта—ня зусім удалае каханьне сялянскай паненкі Зосі Прыдатнай да хлопца Рыгора Нязвычайнага.

Вось сюжэт раману: Зося, дзяўчынка з сямейкі багатага мяшчаніна Міколы Прыдатнага, мае спадабаньне да хлопца Рыгора, беднага хлопца—сыраты з таго самага мястэчку, які ўжо трэці рок, як разлучыўся са сваей айтчынай, пакінуў жыцьцё батрака й жыве ў Рызе, як фабрычны працаўнік.

Зося адтрымлівае ад Рыгора ліст, у якім ён апасьля трохгадовай разлу-

кі абвешчае аб сваім прыездзе ў Сілцы на сьвяту Тройцы. Але ўжо у момант атрыманьня ліста ў хаце Міколы зьяўляецца Васіль Берат. Гэты багаты мяшчанін Сілцоў мае вялікае спадабаньне да Зосі, думае жаніцца на ёй, сам спадабаецца бацькам Зосі, аднак не спадабаецца аднэй толькі ей, У самы дзень Тройцы прыезжае Рыгор, Зося праводзіць з ім некалькі добрых хвілін на зборні і ў хвойнічку. Але Васіль ўжо на другі дзень сьвяты зьяўляецца да Міколы са сваімі сватамі. Бацька абвяшчае сваю бацькову волю: быць Зосе за Васілём! А што жа Зося? Её ня пытаюць, яе згоды не трэбуюць. Як загыпназаваная, яна садзіцца за стол радам з Васілём. Праз вакно, стоючы зараз з іншымі сялянамі на прызьбе, Рыгор бачыць гэта. «Аднак, Зося зараза? Значыць, яна згодна выйсьці замуж за Васіля! А яшчэ уярала, што...»—упічна й зло кажа ён сабе». Шчасьце маладых каханкаў спынена. Некалькі дзён Рыгор і Зося праводзяць ў вялікай душэўнай трывозе. Незадоўга да свайго ад'езду Рыгор знаходзіць вышадак павідацца з Зосяй, узнае, што яна кахае толькі яго, нават, як быццам, уладавае ею, але ў аўторак за тры дні да Пятровай сьвяты ён павінен выезжаць. Ад'ездам Рыгора спыняецца першая частка раману.

Мікола Прыдатны, яго жонка Марта, Васіль Берат, гэтыя пэрсонажы раману, зусім прыналежаць да старага дробна-буржуазнага кола, і як быццам, змалёваны з сялянскай цаліны.

Мікола, з буржуазно-сялянскага погляду,—зусім прыкладны, станавіты чалавек, гаспадар сваей сямейкі, якая павінна ведаць толькі яго волю.

«Найперш, як ты, так і яна», кажа ён сваей жонцы у адносінах да Зосі», не забывайце, што я ёсьць гаспадар ў хаце, твой гаспадар і яе бацька, глаўнае(?)—яе бацька... А з гэтага ясна, што толькі я павінен кіраваць усім... Ці ж то можна, каб мяне ды не паслухала мае дзіцё? Каб мае, яе бацькі, волі й ня змог я правіць над дзіцём? Што-б'то тады было-б! Хоць бяры да йдзі тапіцца... О, не! Я ўжо даўно зрашыў, што покуль жыў буду—буду стаяць на сваём»..

Вельмі калёрытная фігура—Васіль Берат.

«Васіль, трэба казаць, быў дужа багамольным хлопцам і ніводнага сьвята, ніводнае нядзелі не прапускаў, каб не пайсьці ў царкаў. У царкве-ж ён любіў стаяць ад пачатку да канца службы, і кожны чалавек, хто толькі калі не зайходзіў ў цэркаў, заўсёды мог убачыць там Васіля Берата, які заўсёды стаяў ля правага кліраса прычэсаны, прылізаны, і шчыра жагнаўся на кожнае слова папа і дзяка, а затым голасна падводзіў дзяку. Увайшоўшы-ж ў цэркаў і станавячыся на сваём мейсцы, ён благародна дэлікатна тры разы ківаў галавою на тры бакі, згінаючыся ажно да пояса, і шлючы гэтым усім, хто-б ня быў у царкві, свае вітаньне. За гэту яго багамольнасьць многія старыя сілкаўцы як дзяды, так і бабулі дужа паважалі Васіля і пачасту станавілі яго ў прыклад сваім дзецям.

Хай-бы ты быў (п. была) такім вось, як Васіль Тадосін—Берат—праказвалі мацеры і бацькі пры ўшчуваках (?)

Мацi яго, Тадося, так-сама ня ведала, на якім сьвеце яна жыве, маючы такого ў ва ўсіх пачотнага і усімі паважнага сына. «Дык ведаеш, мая Пэрулька, дык ведаеш мая Еўгенька!»—зварочалася яна к суседкам, поўная радасьці: «дык сёньні-ж, мае мілыя, «бацюшка» спыніў майго Васіля ды кажа яму: «хай бы ты жаніўся ўжо Берат; хаця-б пагуляў у цябе на весельлі!» хвалілася яна займа(?) здарову кожнай стрэчнай і папярэчнай кабеце. А тыя завідна круцілі галавамі»...

Але, калі Васіль быў ў ласцы ва ўсей сілкаўскай знаці, за тое-ж большая частка хлопцаў і дзяўчат бяднейшых мяшчан ні званьня не паважала яго гонару й нават ня лічылася з ім, як з таварышом, уважаючы яго «шляхтуном», «хціўсцам», «папоўскім падлізнікам» і іншымі мянушкамі, якая ня выходзілі з губ як хлопцаў, так і дзяўчат».

Агульна кажучы, сярод сілкаўскай моладзі прымечаюцца рысы іншага ка-

строю, чым-ся у іх бацькоў. Усё яшчэ досыць буржуазная, яна аднак троху выходзіць з колу звычайнага буржуазна-сялянскага сьветапогляду да шляху рэвалюцыйнага жыцьця, якое ня лічыцца з «Домостроем“ і забабонам «бацькавай волі». Так часткова, Зося, як і ўсе простыя мяшчанкі, выгадаваная пад ўсякія байкі і установы старасьвецкіх, аджываючых разуменьняў, хоць і разважае ў размове з каханкам: «Ласьне табе неведама' што нада мною вісіць бацькава воля. Я—дзяўчына. бязвольная. у якое ёсьць бацькі, каторыя мяне адзяюць, абуваюць, кормяць». але, гэтая бязвольная дзяўчына знаходзіць ў сабе моц спрэчацца з бацькамі, проціў іх волі йдзе ў гай на спатканьне з Рыгорам, самавольна аддаецца яму і рашае ў час разлукі з ім: «Ня буду жыць:»

Вельмі выдатны рысы новага жыцьця й рэвалюцыйнага настрою у асобе Рыгора.

Рыгор меў ад роду непакорную думу і прагу да свабоды. Яшчэ васемнадцаці гадоў ён перасварыўся з сваім «гаспадаром» і не захацеў быць простым батраком. Ня слухаючы сваей маткі Стэпы, ён адважыўся адправіцца ў гарады шукаць спраў якіх кольвек на заводзе, ці дзе на хвабрыцы: ў час жыцьця ў горадзе—Рызе—навучыўся чытаць газеты і брошуры, шмат чаго узнаў і стаў больш-меньш сьвядомым чалавеком.

Рыгор—гэта, так казаць, папярэднік сучаснай беларускай рэвалюцыйнай моладзі.

Як пойдзе ўперад яго разьвіцьцё і ці зможа Зося бароцца з бацькавай воляй,—пакажуць далейшыя часткі раману.

Аднак і цяпер ўжо магчыма бачыць, што гэтая беларуская рэвалюцыйная моладзь будзе вельмі прыхільнай да сваей бацькаўшчыны.

«Пасьля двух год разлукі з родным краем, знаёмыя мясьціны паказаліся Рыгору такімі блізкімі яго сэрцу, такімі роднымі і дарагімі, што ён зусім ня прыкмячаў у ўспамінках тае межы, якая двухгадовай прагалінай ляжала ў яго жыцьці. Там, у глыбіне яго душы, якая ні на хвілю не пакідала дрэнціць па родным краю, па сваіх людзях,—цяпер, калі ўсё паказалася яго вачом, раптам забурліла кіпучая хваля любві і нейкага неаказнага натхненьня.

Праўда, такі то, разважаў ён у сваей хаце, «што над родны край і над родную старонку нічога даражэй не знайсьці ў сьвеце». Кламяць тыя, несправядліва судзяць, кажучы: там наша родзіна, дзе нам жыць добра»—падумаў ён, пры гэтым дастаў з-пад-полу свой куфэрак, адамкнуў яго вынятым з кішэні ключыкам і, дастаўшы газэту, разьвярнуў яе і, тупаючы па хаце, пачаў дэклямаваць верш:

«Край мой родны, край мой мілы...

Чуецца, што беларус ніколі не зрадзіць гэтай любві да сваей роднай зямелькі.

У гэтых адносінах роман Цішкі Гартнага прыналежыць да тыповых твораў беларускага пекнага пісьменства.

Галоўны недахват раману гэта—мова аўтара не такая самая правільная і сьціслая, што і ў творах клясычных беларускіх пісьменьнікаў старога пакаленьня*)

Цішка Гартны. *Песьні працы і змаганьня. Выданьне Навукова-літарацкага Аддзелу Кам. Асьветы Б.С.С.Р. Бэрлін 1922.*

«Песьні працы і змаганьня»—другі твор беларускага рэвалюцыйнага паэты, выданы ў Бэрліне.

У гэтым сваім зборніку вершаў, як і заўсёды ў сваіх творах, Гартны выражае думкі і настроі працоўнай масы рэвалюцыйнага часу. Любоў да працы, імкненьне да свабоды, змаганьне за вызваленьне,—вось галоўныя матывы працоўна-рэвалюцыйнай масы і зараз з тым матывы песьняру.

«Я жыву таму, што маю
Веру моцную у тое,
Што загіне доля злая,
Чорнай сілаю якая
Землю вокал аблягае,
Бы жалезнаю рукою.

*)Чаму-та і на вокладках Бэрлінскіх выданьняў НКА. замест Сацыялістычная Рэспубліка заўсёды стаіць „*Сацыялістхая* Рэспубліка“.

Я жыву таму, што бачу
Панаваньне лепшай долі,
Дзе ня будзе мук і плачу,
Й за якую й я даў дачу,
Што ад роду прыназначыў
На крывавым, збройным полі
У барацьбезашчасьцеізаволю».

— гэтая аснаўная думка аўтара, як быццам, чырвонаю ніцьцю праходзіць праз ўвесь яго зборнік.

У першай частцы зборніку зьмешчаны «Песьні працы».

«Уставай, сявец; бяры сяўню!
Аўса, вады давай у волю
Свайму любімаму каню.
І едзь пасьпешна ты у поле!..

зьвяртае аўтар адозву да сяўца і потым праўдзівымі рысамі малюе жыцьцё іншых працаўнікоў вёскі.

Я усё жыцьцё сваё, дзень у дзень, год у год
Зямлю цяжкай лапатай капаю, як крот;
Век пад сонцам й дажджом гну пакутную сьпіну
Раскідаючы глыбамі торфу і гліны»...

(„Песьня Грабара“).

«Многа працы ў мяне—
Хоць усю пору працуй!
Грэй жалеза ў агне
Вымай з горына й куй!
Молат важкі трымай
Над кавадлам якраз...

(«Каваль»).

«За вярстком дні і ночы
У духаце нязноснай
Я старэнна і ахвоча
Тку—ліцую кросны...»

(«Ткачыха»).

«Пад сярпом маім крывым
Жыта хутка гнеццa,
Сноп за снопам у радкі
Покладам кладзецца.
Не баюся сьпёкі я
Сонца агнявога
І ня чую, што баляць
Рукі, крыж і ногі...»

(«Песьня жняі»).

Цяжка, вельмі цяжка падчас працаваць, але без працы яшчэ цяжэй.

Няма працы—й сэрцу млосна—
Не знайсьці спакою...»

. . . . .

«Дзень прыходзіць і пытаньні
Раптам лезуць ў душу:
Што да вечару ад раньня
Я рабіці мушу?..

Няхай сабе:
«У майстэрні гразь, смурод
Духата і грукі;
Залівае вочы пот,
Млеюць з болю рукі.
Маркатлівы сьветазмрок
У сэрцы жальбу родзе.

Але ўсё-ж-такі:

«Рвешся думкамі у далеч
К шыры і свабодзе.»

Любоў да працы радзіць любоў да свабоды.

Любоў да свабоду—матыў вершаў другой часткі пад назвай «Чырвоная золяк».

«Я ўбачыў яе воддалек», кажа паэта.
«Сярод ночы цемлівай, глухой
Я ўбачыў яе і ўзгарэў, як агонь.
Як усходняга сонца лучы
І хутчэй, палянеў наўздагонь».

Але імкненьне да свабоды цесна зьвязана з змаганьнем. Без змаганьня няма свабоды; няма вольнага жыцьця!

Адгэтуль—«ў грудзёх паэты кіпіць творчая сіла, сьветазорная Муза Змаганьня».

Змаганьне—матыў вершаў трэцьяй часткі зборніку.

Найбольшай сілы змаганьне за свабоду дасягнула ў рэвалюцыі ў Кастрычніку 1917 г.—й аўтар кажа:

«Гары-ж агонь Кастрычніка, гары!
Свой промень зыркі раздувай.
Няхай ён зьяе з краю ў край
Хто сьпіць да гэтае пары—
Уставай!»

Але змаганьне за волю зьявілася для Беларусі зараз з тым змаганьнем і за яе вызваленьне.

Апошнія вершы аўтара зьмяшчаюць у сябе адозву к вызваленаму беларускаму народу:

«Народ устаў і вызваленыя рукі
Да працы творчай прылажыў...
І роўны шлях, пралажаны струною
К жыцьцю развойнаму вядзе.
Народ працоўны Белай Русі! З боем
К яму йдзі ў дружнай грамадзе!»

Выказываючы агульныя ўражаньні ад твораў Ц. Гартнага, можна замеціць такія недахваты яго творчасьці: некаторую аднастайнасьць матываў, шэрсткасьць мовы, зьлішнюю іншы раз штучнасьць некаторых вершаў.

Асабліва прыметны агульны для твораў пралетарскага пісьменьніка недахват з боку мовы.

Вось што кажа ў адносінах да мовы вершаў Гартнага ў сваім «агля дзе бэрлінскіх беларускіх выданьняў у «Савецкай Беларусі» № 202, ад 12 верасьня г. г. П. Любецкі:

Пры параўнаньні вершаў Цішкі Гартнага з вершамі другіх нашых паэтаў раней, чым мы заўважым розьніцу ў чыста-паэтычным сэнсе,—нам адразу кінецца у вочы розьніца ў мове. *Такою мовай, як Цішка Гартны, ня піша ніводзін з іншых беларускіх паэтаў і пісьменьнікаў.* Мова Ц. Гартнага рэзка адрозьніваецца ад мовы другіх нашых паэтаў і пісьменьнікаў з боку слоўнікавага, сынтактычнага і этымолёгічнага. Гэта свой асобны лінгвістычны сьвет. Паколькі гэта выдзяляе пісьменьніка з раду другіх, выказвае яго індывідуальнасьць,—то гэта няхай сабе; але калі гэта йдзе супроць законаў і духу беларускай мовы,—то тут трэба протэставаць проціў абяртаньня беларускай мовы ў недарэчную тарабаршчыну.

Дзеля ўсяго тэтага, чытаючы творы Ц. Гартнага (вершы в пазьнейшых часоў, ці прозу) неяк забываешся, што гэта пабеларуску. Наогул, чуеш сябе так, як бы меў перад сабою кніжку ў нейкай малазнаёмай мове. Здаецца, што разумееш, а стань думаць, дык толку не дабярэшся. Трэба брацца за слоўнік. З творамі Ц. Гартнага ў гэтым сэнсе справа стаіць кепска, бо слоўніка да іх яшчэ ня выдана, а слоўнік Насовіча занадта малы. Вось я, напрыклад, беларус родам, займаюся беларускаю моваю ўжо больш, як дзесяць год, перачытаў блізка што ўсе беларускія кніжкі, а ў некаторых мясцох у творах Гартнага нічога не разумею, напр.:

«Ды ня выстачыць путоля»
(ст. 22)

*«А вось болей выжам тугі.
Дык крыху падспору»*
(ст. 17).

Гэта ў першай часьці кнігі, у ранейшых вершах. «А чым далей у лес. тым болей дроў,»

Аўтар агляду прыводзіць некалькі прыкладаў правінцыялізмаў («Я й да гэтага мэт», «Я задумай атрутнаю сон») неолёгізмаў («маркатлівы сьветазмрок,» «утома»), барбарызмаў і інш. недахватаў лексыкону Гартнага.

Некаторыя выразы аўтара не маюць ніякага сэнсу, прыкладам:

«Пісах празрыстаў бліскавіцы» (*ст. 74), «Аблі́ў іх сэрцы воляй пяньню»* (ст. 78) і др.

Як прыклад штучнага вершу, можна прывясьці апошні верш зборніку пад загалоўкам Б.С.С.Р.

Гэты верш канчаецца гэткім чынам:

Й агнём апалены, крывавы ўвіты
стужкай,
Увянчаўшы крыж ад серпу з молатам
ў гарэ
Над шляхам ўзьнёс свой працоўнік
беларускі.
Айчыне вольнай назву—імя Бэ, Сэ,
Сэ, Рэ.

Здаецца, што прадстаўнікам маладой пралетарскай паэзіі зусім не патрэбна ўдавацца ў штучнасьці.

Праўдзівасьць, натуральнасьць, бязштучнасьць—вось уласьцівасьці сапраўднай добрай паэзіі пралетарыяту.

Адмечаючы недахваты літаратурнай творчасьці Ц. Гартнага, усё-ж такі трэба пажадаць працяту яго працы ў кірунку утварэньня беларускай пралетарскай паэзыі. Утварэньне такой паэзыі вымагаецца умовамі сучаснай рэчаістасьці.

Мову сваю аўтар павінен справіць.

А—нік.

«Зоркі». *Беларуская дзіцячая часопісь. Менск 1921 і 1922 г. г.*

З пачатку мінулага году стаў істнаваць у Менску спэцыяльны беларускі дзіцячы журнал «Зоркі».

У мінулым 1921 годзе выйшла з друку 6 нумароў журналу ў 6 выпусках (№ 1, 25 лютага, № 2, 15 травеня № 3, 15 жніўня, № 4—1 лістапада, № 5—1 сьнежня й № 6—25 сьнежня) ў гэтым 1922 годзе рэдакцыя выдала яшчэ 4 нумары ў трох выпусках (№ 1 студзень, № 2—3 (8—9)— люты—сакавік і № 4 (10)—чэрвень).

Блізка што двохгадавое істнаваньне журналу і выхад 10 нумароў даюць магчымасьць азначыць яго фізыяномію і зрабіць тую ці іншую яго ацэнку.

Каб ацаніць «Зоркі», як спэцыяльна дзіцячы часопіс, трэба ўзяць пад увагу запатрэбаваньні, якія ставіць пэдагогіка дзіцячага ўзросту ў адносінах да такога роду літаратурных твораў.

Пытаньне аб якасьцях дзіцячай літаратуры прадстаўляе сабою важную пэдагогічную проблему, шляхі да рашэньня якой толькі што намечаюцца. У сучаснай пэдагогіцы на першы плян ў літаратурных творах для дзяцей выстаўляецца элемэнт мастацкі. Вось што кажа рас. пэд. Н.Н. Бахцін: «на создание литературного произведения для детей следует смотреть, как на самодовлеющую эстетическую проблему...Нет никакого смысла ни читать, ни издавать произведения не художественные; даже с чисто экономической точки зрения слишком не выгодно в данном случае давать потребителю суррогат вместо насущного хлеба. Действительно художественные произведения не стареют; отойдя от жизни, утратив злободневный интерес, они остаются образцами, которым должно следовать, образцами, которые воспитывают вкус, как будущих читателей, так и будущих писателей...» (Этюды по дет. литерат. «Педаг. Мысль»,1922 г., № 1-2.)

З гэтага пункту зроку магчыма прызнаць, што рэдакцыя «Зорак» павела журнал па правільнаму шляху. «Зоркі» ў цэлам носяць мастацкі характар і дзеля ўдзелу ў журналу найлепшых беларускіх аўтараў (Я. Купала, Я. Колас, сам рэдактар—З. Бядуля, Чарот і інш.) літаратурныя творы і з боку мовы, і з боку конструкцыі ў большасьці сваёй адпавядаюць запатрэбаваньням мастацтва. Магчыма асабліва адмеціць вельмі прыгожы сцанічны абразок, паводлуг верша Я. Купалы «Купальская ноч» М. Грамыкі, а так сама вершыкі Ясакара—«Дзед мароз» (№ 1) «Вясной» (№ 2) «У лесе» (1922 г. № 2—3), яго-ж апавяданьні і казкі ў розных нумарох, вершы Я. Купалы, «А зязюля кукавала» (1921 г. № 4) «Мароз» (1922 г. № 1), апавяданьні і вершы Я. Коласа, вершыкі Хмаркі,—«У госьці да бабкі» (1922, № 1), «Май», Дзьве хмаркі» (1912, № 4) вельмі прыгожы верш М. Чарота «Вясеньняя равіца» (1921 г., № 2) і яго же сцанічны абразок «Пастушкі». Значная ўвага адводзіцца ў журнале сапраўдна мастацкім беларускім народным казкам. Лепшыя з іх—ў апрацоўцы З. Бядулі і Вяселкі. Трэба заўважыць, што казкі і вершы З. Бядулі—Ясакара зьвярнулі на сабе ўвагу і за рубежом: яны выданы ў Варшаве ў перакладзе на еўрэйскую мову, а «Пастушкі» М. Чарота маюцца ў перакладзе на польскую мову,— акалічнасьць, якая зусім ясна даводзіць суадпавядальнасьць твораў З. Бядулі і М. Чарота запатрэбаваньням, якія можна прад'явіць да дзіцячай літаратуры.

Толькі некаторыя творы, зьмешчаныя ў часопісу, з гэтага пункту зроку аказваюцца нездавальняючымі. У частковасьці, адмецім: «Вясельле шчыгліка»,—сылябічны верш на манер вершаў XVI—XVII в. (У № 1-м.) верш Я. Коласа «Юрка й кот» (1921 г. №4). Так сама ня зусім добрае ўражаньне вытвараюць матар'ялы нумару 5-га з аддзелу «Для маленькіх дзетак».

Але неудалыя рэчы прадстаўляюць незначны процант сярод твораў журналу.

Апрача мастацкага элементу ў літаратурных творах маецца элемэнт этычны.

«Что касается побочной или сопутственной этической стороны литературных произведений, то здесь следует помнить, что разным возрастам

соответствуют разные ступени этического развития. Запросы детского духа в этой области в разные эпохи детства неодинаковы: собразно с этим и материал, доставляемый литературными произведениями, не может быть одинаков. Кроме того, этические проблемы, выставляемые писателями, не должны быть слишком трудными, запутанными или спорными, не говоря уже об их парадоксальности или аморальности: понимаемая в этом смысле дидактичность вполне совместима с художественностью». (Н. Н. Бахтин).

І з гэтага боку Рэдакцыя «Зорак» стаіць на правільным шляху. Якіх небудзь цёмных этычных праблем ня выстаўляецца. Прыкметна ў журнале адна характэрызуючая тэндэнцыя: імкненьне да разьвіцьця нацыянальнай самасьвядомасьці ў дзяцей беларусаў. Гэтая тэндэнцыя зусім зразумелая і натуральная (адмецім вершык Янкі Купалы «Сын маці» № 3).

Жаданьнем дапасавацца да асаблівасьцяў розных почасаў разьвіцьця дзяцей тлумачыцца прысутнасьць у журнале асаблівага аддзелу «Для маленькіх дзетак». Трэба заўважыць, што такі аддзел маецца і ў расейскім сучасным журнале «Юные товарищи». Меўся ён ў ў некаторых дзіцячых часопісах да-ваеннага часу. Патрэбнасьць яго зразумела, калі зьяўляецца магчымасьць выдаваць толькі адзін дзіцячы журнал.

Трэба адмеціць і іншую асаблівасьць «Зорак»: з пачатку г. г. заведзены асаблівы аддзел «Дзіцячая творчасьць»: ў № 1 за студзень гэты аддзел мае дзьве старонкі, а ў апошнім за гэты год № 4 (10) за чэрвень, аддзел пад загалоўкам «Жыцьцё дзяцей беларускага дому № 2» цалкам напісаны самімі дзяцьмі. У поўнай меры патрэбны такі аддзел. Патрэбнасьць уддзелу дзяцей ў дзіцячай журналістыцы прызнана рэдакцыямі сучасных дзіцячых часопісаў не толькі ў Беларусі. Вось, напр., з якой адозвай зьвяртаецца да дзяцей рэдакцыя ўкраінскага журналу трохмесячніку «Червона калина» (1922 г., № 1):» мы хочемо утворити для Вас такій журнал щоб кожна ваша организація, де б вона не знаходилася, одержуючи „Червону калину», відчувала, що вона одержуе «свій» журнал. А цього можливо досягити тільки тоді, коли кожна организація, де е товарищи 13—15 років, прийме участь в утворенні журнала. Присилайте свої рукописні журнали. Присилайте й свої окремі твори...» Прагрэс ў разьвіцьці дзіцячай літаратуры састаіць ў тым, каб замест літаратуры толькі *для* дзяцей, яна зрабілася ***проста дзіцячай*** літаратурай.

Вельмі прыемнае ўражаньне вытвараюць апошнія старонкі «Зорак» (ва ўсіх нумарох) пад загалоўкам «Дзіцячыя гульні і песьні». Да песьняў прыложаны й ноты.

У папярэдняй частцы рацэнзыі мова йшла больш аб дадатных, чымсі адмоўных рысах журналу.

Але трэба адмеціць і адмоўныя рысы.

Адмоўная асаблівасьць беларускага дзіцячага журналу—ня зусім поўная адпавядальнасьць запатрэбаваньням нашага часу і перажываньням сучаснай дзетвары.

Толькі некаторыя рэчы маюць значэньне ў гэтых адносінах—іменна: ў № 9 верш «За зоркамі» і сцанічны абразок «Пастушкі» М. Чарота, ў № 2 «Сіла ў грамадзе» байка С. П., ў № 3. 4, 5, 6, 1922 г. 2 й 3-ім—ніводнай рэчы і толькі ў апошнім 4 (10) № ў аддзеле «Дзіцячая творчасьць» апав. «Сьвяткаваньне 1 маю» і часткова ў № 1 за 1922 г. казка Я. Коласа «Перад новым годам».

Зараз з тым узьнікае агульнае пытаньне ў адносінах да зьместу,—матар'ялу журналу.

Цяпер ў пэдагогічнай літаратуры пастаўлена пытаньне аб пераглядзе матар'ялу дзіцячай літаратуры. Такі перагляд дыктуецца сучаснымі ўмовамі жыцьця і нараджэньнем новых чытаньнікаў. «Как эти новые читатели», пытае расейскі літаратар, «будут воспринимать произведения, выросшие на почве дореволюционных воззрений и быта? Не окажутся-ли они фальшивыми и отсталыми в нашу эпоху...?» Выстаўляецца запатрэбаваньне аб праверцы літаратурных твораў экспэрымэнтальным шляхам. Вынытных данных для ацэнкі матар'ялу «Зорак» няма,

на вялікі жаль, але некаторыя вывады магчыма зрабіць пры параўнаньні агульнага матар'ялу «Зорак» і ўласных твораў дзяцей, зьмешчаных ў апошнім 4 (10) нумары пад загалоўкам «Жыцьцё дзяцей беларускага дому № 2». «Сягоньня як раз мы хадзілі на экскурсыю на аэродром. Адтуль нас прывезьлі на аўтамабілі»,—піша дзяўчынка Ада Максімовіч. «У кожны чацьвер у нас бывае сход камітэту. Павестка дня вось якая»... піша другая выхаванка. «Падыходзе вялікае сьвята першага мая»,—чытаем ў трэцяй і тут жа: «дзеці нашага дому былі ў кінематографе й бачылі карціны з жыцьця нашых бедных галадаючых сёстраў і брацікаў»...

Гэтым чынам, аэродром, аўтомобіль, камітэты, галадуючыя,—вось на што накірованы думкі сучасных дзяцей. Зьявы сучаснага жыцьця аказываюць на іх свой моцны ўплыў.

А між тым, гэтыя зьявы блізка што зусім не знайшлі сабе адбітка на старонках журналу.

Бяз сумненьня, санейка, вясна, восень, сенажаць, сьвяты і гульні,—усё гэтае блізка стаіць да дзяцей, але нельга замаўчываць і іншых зьявішчаў жыцьця.

Жадалася-бы, каб рэдакцыя «Зорак удзеляла больш увагі сучаснаму жыцьцю і сучаснаму настрою.

У заключэньне зьвярнем увагу на знадворны выгляд журналу.

Яшчэ раней на старонках «Весьніку» (1921 г. № 2) ў рацэнзыі аб „Зорках» указывалася на адсутнасьць ў журнале малюнкаў. Ад часу рацэнзыі вышла некалькі нумароў часопісу. Ужо ў нумары 5 маюцца малюнкі,—хоць і вельмі прымітыўныя. 6, 7 й 8—9 нумары так сама з малюнкамі. Але апошні за гэты год 4 (10) нумар выданы выдавецтвам „Адраджэньне“ бяз ілюстрацый. З тэхнічнага боку, у адносінах да карэктуры і шрыфту, гэты нумар мае перавагу перад папярэднімі, але адсутнасьць малюнкаў прадстаўляе вялікі мінус. Нельга адмаўляць таго, што малюнкі, якія зьмешчаліся ў журнале, прымушаюць жадаць шмат чаго лепшага, і каштуюць яны не мала з боку матарыяльных сродкаў і маральнага самачуцьця рэдактара, але усё-ж такі лепш з вялікім трудом даць што небудзь, чымсі не даць нічаго.

Так-сама каляровая вокладка Дзяржаўнага Выдавецтва больш падыходзіць да дзіцячага часопісу, чымсі белая вокладка „Адраджэньня». Што дадатна для навуковага выданьня, адмоўна для дзіцячай літаратуры.

Яшчэ адна увага аб „Зорках». На першай старонцы часопісу чытаем: „Выходзіць што-месяц“ Што-месяц „Зоркі“, як агульнае правіла, не выходзяць. Які-ж сэнс называць журнал штомесячнікам? І з другога боку, які, агулам кажучы, сэнс выпускаць дзіцячы журнал па месяцам? Зьмена фаз месяца мае значэньне толькі для рэфлексыруючай сьвядомасьці ўжо больш-менш ўзрослага чалавека; для дзяцей істнуе іншая зьмена—колазварот часоў року. Зусім рэзонна украінскі журнал «Червона калина» дапасован да гэтай асаблівасьці дзічага ўзросту. Нумар першы „Калины“ выдан за сьнежань, студзень і люты. Аснаўная тэма яго—зіма. Імкненьне дапасаваньца да часоў году прыметна і ў рэдакцыі „Зорак“: ў нумары за травень йдзе верш «Вясной“, за жніўнь „Сенажаць“ і г. п. Але што-месячны тып журналу і неакуратны яго друк іншы раз зьнішчаюць стараньні рэдакцыі прыдать азначальны вобліх нумару. І ня дзіва, што ў пятым нумары за 1921 г. (ад 1 сьнежня) мы спаткаем поўную мешаніну матываў: „Восень“, «Пастушка“ „Салоўка і каліна“, „Рожа“ і г. п. Зусім азначальнага вобліку не мае ніводны нумар журналу.

Здаецца, што «Зоркі» адтрымаюць больш добры выгляд, калі яго рэдакцыя пасьледуе прыкладу рэдакцыі украінскага дзіцячага журналу. Магчыма было-б выдаваць 4 нумеры ў год,—выпускі: зімні, вясеньні, летні і асеньні.

Зразумела, што павінна зьвярнуць асаблівую увагу на эстэтычны бок журналу і дапасаваць яго зьмест да асаблівасьцяў сучаснага жыцьця беларускіх дзяцей. Аддзел „Дзіцячая творчасьць“ трэба захаваць і па магчымасьці пашырыць.

М. Байкоў.

192

Афіцыяльная частка.

Пастанова Савету Народных Камісарау Беларусі па дакладу заст. Кам. Нар. Асьветы т. Баліцкага 25 жніўня 1922 г.

Заслухаўшы даклад т. Баліцкага аб дзейнасьці Наркамасьветы і лічучыся з практычнымі памылкамі, якія дапушчаны ім, як памылкі, неабходна выпадаючыя ў працы кожнага Наркамату, Соўнарком ухваляе прынцыповую лінію, узятую Наркамасьветай ў сваёй працы.

У бягучым годзе пры саставленьні бюджэтаў па дзяржаўных і мясцовых сродках, зьвярнуць асаблівую ўвагу на пытаньні народнай асьветы і пры далейшых скарачэньнях асабліва беражна адносіцца да ўстаноў асьветнага характару, выдзеляючы на іх падтрыманьне максымум сродкаў і агранічываючы сабе ў іншых вобласьцях жыцьця. Пры будаваньні школьнай сеткі Народны Камісарыят Асьветы павінен грунтавацца: 1) на створаньні школьнай сеткі, якая б цалком утрымлівалася па дзяржаўных сродках (мясцовых і агульна-дзяржаўных), 2) на арганізацыі школ, якія часткова знаходзяцца на дзяржаўным бюджэце і 3) арганізацыі школ, якія ўтрымліваюцца на сродкі самога грамадзянства.

У галіне палітычна-асьветнай лічыць неабходным створаньне ў кожнай воласьці, хаця бы па адной хаце-чытальні з бібліотэкай пры ёй, якая павінна быць мясцовым цэнтрам для культурна-асьветнага і палітычна-асьветнага ўплыву на насяленьне.

Прапанаваць Народнаму Камісарыяту Асьветы захаваць сець прафэсыянальна-тэхнічных школ, пры чым пры саставленьні свайго бюджэту зьвярнуць увагу на іх, дзеля забесьпячэньня іх усім патрэбным, каб даць магчымасьць бягучы вучэбны год правесьці бяз перабояў.

Для падтрыманьня прафэсыянальна-тэхнічных і іншых культурна-асьветных установаў,—лічыць карысным прымяненьне прынцыпу шэфства, гэта значыць, прыпіскі іх да дзяржаўных і грамадзянскіх установаў і арганізацый.

Для забясьпечэньня патрэб устаноў дашкольнага характару, прапанаваць Народнаму Камісарыяту Асьветы за застаючыяся пасьля скарачэньня ўстановы зьвярнуць асаблівую ўвагу ў сэнсе лепшага забясьпечэньня іх, як харчамі і абмундыраваньнем, так і адміністрацыйна-выканаўчым пэрсаналям.

Пастанова Калегіі Наркамасьветы Беларусі.

Ад 26 чэрвеня 1922 г.

Аб перабудаваньні Беларускага Дзяржаўнага Палітэхнічнага Інстытуту ў Беларускі Дзяржаўны Інстытут Сельскае Гаспадаркі.

1. Беручы пад увагу вострую патрэбу вышэйшае сельска-гаспадарчае асьветы на Беларусі і немагчымасьць утрымліваць 3 вышэйшае навуковае ўстановы, перабудаваць Б. Д. Палітэхнічны Інстытут ў Белар. Інстытут Сельскае Гаспадаркі пакуль што з чатырма сэкцыямі: а) інжэнерна-меліорацыйнаю, б) сельска-гаспадарчага машыназнаўства, в) сельска-гаспадарчае тэхналёгіі і г) лесаводства. Па меры магчымасьці ў будучыне сэкцыі павінны перабудавацца ў аддзяленьня і факультэты. Пры Інстытуце адчыняюцца выпытные і дасьледчыя ўстановы.

2) Не разьвязуючы пытаньня з ліку і складзе тымчасовага Праўленьня Інстытуту С. Г. назначыць у рэктары тымчасовага праўленьня праф. Кірсанава, і ў яго заступнікі праф. Ярэлявіча, якіх прасіць адразу пачаць працу перабудаваньня.

3. Прапанаваць праўленьню Б. Д. Палітэхн. Інстытуту саставіць сьпісі студэнтаў, якія пажадаюць вучыцца у перабудованым Інстытуце Сельскае Гаспадаркі. Сьпісі студэнтаў, якія не пажадаюць аставацца, падаслаць у Н. К. Асьветы, каторы пачымае дзейналь-

не а разьмяшчэньні гэтых студэнтаў па другіх выш. установах. У кожным разе студэнты Б. Д. Інстытуту маюць усе перавагі для залічэньня іх у студэнты Б. Д. Сельскае Гаспадаркі.

Старшыня Кал. *Ігнатоўскі.*

Пісар *Гуткоўскі.*

Асноўныя палажэньні аб Беларускім Дзяржаўным Інстытуце Сельскае Гаспадаркі, ухваленыя Соўнаркомам С. С. Р. Б.

1. Беларускі Дзяржаўны Інстытут Сельскае Гаспадаркі ёсьць вышэйшая вучэбная ўстанова, маючая сваей мэтаю даць вучням навуковую асьвету па сельскай гаспадарцы.

2. На Інстытут Сельскае Гаспадаркі ўзлагаецца:

а) Падгатоўка ўпаўне навукова-асьветчаных дзеячоў, навуковых працаўнікоў і настаўнікаў па розным спэцыяльнасьцям сельскае гаспадаркі.

б) Арганізацыя выпытных і навукова-дасьледчых установаў, як напр., —машына—спробная станцыя, сэлекцыённая, лесная станцы, станцыя па ахове расьлінаў і г. п.

в) Аб'еднаньне навукова-дасьледчай працы, якая выпаўняецца ў Беларусі рознымі дзяржаўнымі навукова-дасьледчымі і спробнымі ўстановамі ў галіне сельскае гаспадаркі, а так-сама сувязь гэтых прац з працамі РСФСР.

г) Дапамога правядзеньню ў жыцьцё ідэй і практычных спосабаў палепшаньня сельскае гаспадаркі.

3. Інстытут Сельскае Гаспадаркі складаецца з аднага асноўнога Агранамічнага Факультэту з сэкцыямі пры ём: лесаводства, інжанерна-мэліарацыйнай, сельска-гаспадарчага машыназнаўства і сельска-гаспадарчай тэхнолёгіі.

4. Па меры разьвіцьця Інстытуту і павялічэньня яго матар'яльных рэсурсаў сэкцыі разьвіваюцца у аддзяленьні, а так-сама адчыняюцца новыя аддзяленьні.

5. Беларускі Дзяржаўны Інстытут Сельскае Гаспадаркі карыстаецца ўсімі правамі вышэйшых сельска-гаспадарчых вучэбных установаў, знаходзіцца у веданьні Наркомзема С. С. Р. Б. і залежыць у вучэбна-адміністрацыйных адносінах ад аддзелу вышэйшых сельска-гаспадарчых вучэбных установаў Глаўпрофобра РСФСР.

6. Інстытут Сельскае Гаспадаркі ўпраўляецца на падставе агульных палажэньняў аб вышэйшых сельска-гаспадарчых вучэбных установаў РСФСР, прынятых ЦВК-ам ССРБ.

7. Інстытут Сельскай Гаспадаркі ўтрымліваецца на сродкі, якія адпускаюцца Глаўпрофобрам РСФСР і Наркамземам ССРБ.

Старшыня Савета Нар. Каміса-раў ССРБ *А. Чарвякоў.*

Сэкратар *А. Сташэўскі.*

Загады і распараджэньні Народнага Камисарыята Асьветы Беларусі.

Ад 12 жніўня 1922 г.

I.

Пачаць новы вучэбны год у гарадох Беларусі з 1 верасьня г. г., а ў вёсках з 1 кастрычніка г. г.

II.

Перад пачаткам новага вучэбнага году зрабіць рэарганізацыю укомплектаваньня дзяцьмі быўшых сярэдніх вучэбных устаноў.

Пры рэарганізацыі укомплектаваньня кіравацца гэткімі палажэньнямі:

а) Аддзелы Народнай Асьветы застанаўляюць з адпаведальнымі саюзнымі арганізацыямі (ў г. Менску Гарадзкі Аддзел Народнай Асьветы з Совпрофбелам, у павятовых гарадох ПАНА з Павпрофбюро) выдзяленьне азначанай лічбы найлепшых вучэбных устаноў для пераважнага укомплектаваньня іх дзяцьмі членаў Профсаюзаў.

б) Члены Профсаюзаў, якія жадаюць залічыць сваіх дзяцей у школы, азначаныя пунктам «а», падаюць аб гэтым заявы да 25 жніўня па застаноўленай форме.

в) Ад 25 жніўня па 1-е верасьня зробляюцца пераводы абучаючыхся ў школах дзяцей членаў Профсаюзаў, якія падалі аб гэтым заявы ў школы, азначаныя пунктом «а», у адпавядаю-

чыяклясы без калёквіума, аднак згодна пастановам асаблівай Камісіі, якая складаецца ў г. Менску з прадстаўнікоў Совпрофбела, а ў паветах—з прадстаўнікоў Павпрофбюро, загадчыка школы і аднаго настаўніка.

Совпрофбел назначае ў камісіі адпавядаючых прадстаўнікоў, даючы ім надлежачыя інструкцыі.

Для дзяцей членаў профсаюзаў, якія не абучаюцца ў школах, але якіх бацькі жадаюць залічыць у школы, зрабляюцца калёквіумы.

г) У выпадку разнагалоснасьці паміж членамі Камісіі, пытаньне аб залічэньні ці пераводзе ў адпаведаючую групу пераносіцца ў Камісію ПАНА, каторая складаецца з загадчыка Культаддзелу Совпрофбела або Павпрофбюро, прадстаўніка АНА і настаўніка па прыгалашэньню АНА.

д) Пры калёквіумах кіравацца прграмай працоўнай сямёхгадавай школы.

е) Дзеці членаў Профсаюзаў, якія ўжо вучацца ў школах, прад'азначаных, згодна пункту «а», для пераважнага запаўненьня дзяцьмі членаў Профсаюзаў, могуць быць застаўлены ў гэтых школах пры падачы заяваў на агульных падставах.

ж) Дзеці асоб, якія не ўходзяць ў проф. арганізацыі, калі усе вакансыі ў школах, прадазначаных, згодна пункту «а» для дзяцей членаў профсаюзаў, будуць запоўнены, з гэтых школ пераводзяцца ў іншыя школы на незамешчаныя вакансыі.

з) Пры незапаўненьні дзяцьмі членаў Профсаюзаў школ пункту «а» залічваюцца на незамешчаныя вакансыі дзеці іншых асоб, у пераважнасьці— бяднейшых клясаў.

і) Перад калёквіумам зрабляецца медыцынскае абсьледаваньне дзяцей урачамі згодна назначэньня Органаў Аховы Здароў'я.

Прывіўка воспы зьяўляецца абавязковай і павінна быць зроблена ў працяг першых месяцаў гэтага вучэбнага году.

к) У адносінах да ўзросту дзяцей у школах пункта «а» дазваляецца выключэньне з агульнага ўзроснага цэнзу, які азначаны для працоўнай сямёхгадовай школы, з гэткімі выключэньнямі:-

0 група	7—9	гадоў
1-я кляса.	8—11	»
2 »	9—12	»
3 »	10—13	»
4 »	11—14	»
5 »	12—15	»
6 »	13—16	»
7 »	14—17	»

Увага: У выпадку пераводу з іншых школ у школы пункта «а», дзеці залічваюцца ў адпавядаючыя клясы ў незалежнасьці ад ўзросту.

л) Прадазначаныя пунктам «а» школы укамплектоўваюцца найлепшым пэдагогічным пэрсаналям з назначэньнем адпаведаючага загадчыка.

III.

Падцьверджаецца да выкананьня загад Наркомасьветы (Весьнік Нар. Кам. Асьветы за 1922 г. № 3-4) аб абавязковай дапамозе бацькоў вучняў школе з гэткімі зьменамі:

а) Абавязковая дапамога бацькоў пашыраецца на ўсе школы гарадоў, а мястэчкаў паводлуг азначэньня АНА.

б) Члены Профсаюзаў, якія зарабляюць у Менску да 100 міліёнаў руб. ў месяц, а ў паветах да 75 міліёнаў, ад абавязковай дапамогі звальняюцца.

в) Члены Профсаюзаў, якія зарабляюць вышэй ад нормы, азначанай пунктам «а», прыймаюць удзел у абавязковай дапамозе бацькоў вучняў школе вось на якіх падставах:

Зарабляючыя ў г. Менску ад 100 да 125 міл. руб. ў месяц, у павятовых гарадох ад 75 да 100 міл. руб. уносяць плату ў палавінным разьмеры і толькі за адно дзіця, зарабляючыя ў г. Менску ад 125—150 міл. руб. у мес., а ў павятовых гарадох ад 100—125 міл. руб. плацяць за адно дзіця поўнасьцю, зарабляючыя ў Менску ад 150—175 міл. руб., а ў пав. гар. ад 125—150 міл. руб. плацяць за адно дзіця поўнасьцю, а за іншых ў палавінным разьмеры, зарабляючыя ў г. Менску вышэй ад 175 міл. руб. у месяц, а ў пав. гар. вышэй ад 150 міл. у мес. прыймаюць удзел у абавязковай дапамозе нараўне з нячленамі Прафсаюзаў.

Разьмер абавязковай дапамогі бацьм-

кой вучняў школе застанаўліваецца па 2 катэгорыям:

Да 1 кат. адносяцца: прамыслоўцы, гандляры, уласьнікі даходнай нярухоўнай маёмасьці і ўсё асобы, якія эксплюатуюць працу іншых асоб.

Для першай кат. застанаўліваецца плата ў першых чатырох клясах па 10 міл. руб. у месяц, а ў іншых клясах па 12 міл. руб.

Да другой кат. адносяцца: кустары ремесьленьнікі, якія не эксплюатуюць працы іншых асоб, і гандляры з латкоў.

Для іх застанаўліваецца плата ў першых чатырох клясах па 5 міл. руб. і ў астатніх по 8 міл. руб.

Члены Профсаюзаў адносяцца да другой катэгорыі.

Усе асобы, не азначаныя ў першай катэгорыі, адносяцца да другой.

Зджывенцы Сабеса і чырвонаармейцы за вучэньне не плацяць.

Да ўстаноўленай за вучэньне платы прылічваецца налічэньне за 2 летніх месяца.

Плата ўносіцца што-месяц.

Грошы, якія паступаюць у школу, расходуюцца згодна распараджэньню АНА.

Ад 14-га верасьня 1922 году.

Усім Павятовым і Менскаму Гарадзкому Аддзелам Народнае Асьветы, УЧКПРАУ сожам на тэрыторыі Б.С.С.Р. прапануецца да няўхільнага выкананьня наступнае:

1) У першых двух клясах сямігадовае працоўнае школы, дзе не магчыма даручыць выкладаньне усіх дысцыплін аднэй асобе, увесьці выкладаньне прадметнае.

2) У першых двух клясах сямігадовае працоўнае школы выкладаньне прыродазнаўства, географіі і гісторыі аб'еднаных агульнай назовай радзіназнаўства, абавязкова даручаецца аднэй асобе-спэцыялісту.

3) У першай клясе сямігадовае школы лік лекцый павялічваецца да 24-х.

4) Ва ўсіх школах на тэрыторыі БССР, дзе выкладаньне вядзецца на расійскай і польскай мове, абавязкова увясьці беларускую мову, як прадмэт, з першай клясы, а ў жыдоўскіх і іншых чыста-нацыянальных школах з 4-й клясы.

Увага: У першай клясе беларускай і расійскай мовы па пяці гадзін.

Гадзіны беларускай мовы складаюцца: за кошт расійскай мовы 1 гадз. і за кошт даданых у гэтай клясы 4 гадз., у другой клясе беларускай мовы 3 гадзіны і расійскай 4 гадзіны.

Гадзіны беларускай мовы складаюцца: за кошт расійскай мовы 1 гадз., мастацтва 1 гадз. і фізычнага выхаваньня 1 гадзіна. У трэцей клясе беларускае мовы 3 гадзіны і расійскай 4 гадзіны.

Гадзіны беларускай мовы складаюцца: за кошт расійскай мовы 1 гадз. і за кошт рамяства 2 гадзіны. У наступных клясах 4, 5, 6 і 7-й згодна праграме сямігадовае працоўнае школы Б. С. С. Р.

5) Географія і гісторыя Беларусі выкладаецца ў беларускай мове.

6) У школах гарадзкіх і сямігадоўках, дзе прадметы выкладаюцца па тэй ці іншай прычыне, яшчэ ў расійскай мове і дзе клясы блізка што цалкам укамплектаваны беларусамі, выкладаць радзіназнаўства ў беларускай мове.

7) З Заходня-Эўрапэйскіх моваў абавязковай зьяўляецца нямецкая мова, як мова найбліжэйшага да Беларусі краю. Іншыя Заходня-Эўрапэйскія мовы Народным Камісарыятам Асьветы аплачывацца і вымагацца пры пераводах і выпусках ня будуць.

8) Адзінастую школу г. Менску лічыць Беларускай, укамплектаваць беларусамі з другіх школ і выкладаньне вясьці ў беларускай мове.

9) У цэнтральных школах г. Менску там, дзе магчыма выдзеліць беларусаў, укамплектаваць імі нулявыя групы і выкладаньне вясьці ў беларускай мове.

10) Дзяцей членаў Профсаюзаў гор. Менску, якія не папалі ў цэнтральныя школы за недахватам месца, разьмеркаваць па акраінных раённых школах.

Увага: Ні ў якім выпадку не адчыняць паралельных клясаў у цэнтральных школах, пакуль ня будуць выкарастаны ўсе акраінныя школы ужо існуючыя.

Заст. Нар. Кам. Асьветы
А. Баліцкі.

Загадчык справаў **М. Гутноускі.**

Агалашаецца для ведама Аддзелаў Нар. Асьветы тэкст калектыўнага дагавору на прадмет утрыманьня школ, зацьверджаны заступнікам Нар. Кам. Асьв. с. Баліцкім.

Юрысконсульт Н. К. А. **М. Гутноускі.**

Калектыўны догавор на прадмет утрыманьня школаў . . . Аддзелу Народнае Асьветы.

1922 г. . . . . дня . . . . месяца, мы ніжэй падпісанные Старшыня . . . . Сельскае Рады на падставе пастановы агульнага сходу сялян ад . . . . пратакол № . . з аднаго боку і поўнамоцные прадстаўнікі Пав. Аддзелу Народнае Асьветы . . . . і Саюзу працаўнікоў Асьветы . . на падставе мандатаў, першы ПАНА ад . . . за № . . а другі—працаўнікоў Асьветы ад . . за № . . . з другога боку уклалі гэты дагавор аб ніжэйшым.

I. . . . . Сельская Рада. . . воласьці бярэ на сябе утрыманьне . . . . гэтае школы, усіх школьных працаўнікоў гэтае школы і тэхнычнага персаналю яе ў прапягу 1922—23 вучэбнага году, далучаючы і канікулярны час на аснове падрабязкова складзенай прихода-расходнае сьметы, прыложанай да гэтае умовы.

II. Дзеля гэтае меты . . . . . Сельская Рада адводзіць ў распараджэньне П. А. Н. А. памешканьне для школы, арандуемае ў грамадзяніна . . . . і здавольняючае вымаганьням П. А. Н. А. і Саюзу, а для кватэр школьных працаўнікоў-памешканьне, арандуемае грамадой у грамад . . . . .

III. Наданнае памешканьне Сельская Рада абавязуецца падтрымліваць у поўным парадку, праводзячы цякучы рамонт будовы па указаньню Загадчыка школы . . . .

IУ. Асьвятленьне, апал, як школьнае будовы, так і памешканьняў, занятых персаналям, які абслугоўвае школу, бярэ на сябе Сельская Рада, П. А. Н. А. надае для апалу школы бесплатны лес з бліжэйшага лесьніцтва.

У. Патрэбнае для школы абсталеваньне (інвентар), вучэбныя пасобія і гаспадарскія прылады набываюцца Сельскаю Радай за кошт грамадзян, аб'еднаных у гэтым, і паступаюць у уласнасьць школы.

Увага: Вучэбныя і пісьменныя прылады дабываюцца бацькамі вучняў.

УI. Аплата працы школьных працаўнікоў і тэхнічнага персаналю робіцца Сельскаю Радаю штомесячна ў суме . . . . . . (пуд жыта).

Увага: Аплата працы за канікулярныя часы, устанаўляемыя Наркамасьветаю, альбо яго органамі па мясцох, робіцца наперад.

УII. Адведзены для школы вучасток зямлі ў колькасьці, устанаўляемай агульным палажэньнем аб працоўнай школе, апрабляецца ў свой час сродкамі Сельскае Рады.

УIII. ПАНА абавязуецца ў істнуючым парадку прызначаць у школу настаўнікаў з адпаведнаю падгатоўкаю, якія будуць вучыць дзяцей у працягу ўсяго вучэбнага году па плянам і праграмам, зацьверджаным Наркамасьветаю, з перарывам заняцьцяў, устанаўляемым у агульным парадку.

IX. Звальненьне і перавод школьных працаўнікоў робіцца выключна ПАНА разам з Саюзам Працаўнікоў Асьветы ў істнуючым парадку.

X. Усе вучэбнае і адміністрацыйна-гаспадарчае кіраўніцтва школай і парадак прыняцьця дзяцей у школу і г. д. застаецца за Загадчыкам школы, які праводзіць сваю чыннасьць па накіраваньню ПАНА.

XI. ПАНА праз сваіх інспэктараў і ўпоўнамоцных інструктуе і паверае як вучэбную, так і гаспадарчую часьць школ, даючы ім адпаведальные указаньні.

XII. Школы, якія істнуюць на падставе каллектыўных умоў, маюць усе правы і переважнасьці, дадзенныя школам, уваходзячым у дзяржаўную сетку.

XIII. Усе вынікаючыя непаразуменьні паміж жыхарствам і працаўнікамі Асьветы, развязваюцца па ўстаноўленаму парадку ПАНА і органамі Саюзу.

XIУ. За нарушэньне ўмоў гэтага дагавору вінаватая старана нясе грамадзянскую адпаведальнасьць перад другою ў Нарсудзе Рэспублікі.

XУ. Дагавор гэты ўваходзіць у моц са дню яго падпісаньня і мае сілу да 1-га верасьня 1923 г.

XУІ. Дагавор складаецца ў двух экз., якія захоўваюцца старанамі падпісаўшымі яго.

Старшыня Сел. Рады
Старшыня П. А. Н. А.

Отв. редактор: Замнаркомпрос **А. В. Балицкий**

Технический редактор **Н. Я. Бойков.**

Р. Ц. № 736. 1 Сав. друк. п. № 421.